

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

19 2026
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 19 (622) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Жан Пиаже (1896–1980), швейцарский психолог и философ.

Жан Пиаже родился в швейцарском Невшателе. Его отец, Артур Пиаже, был профессором средневековой литературы.

Жан очень рано проявил себя как одаренный ребенок. В подростковом возрасте Пиаже интересовался малакологией — разделом зоологии, изучающем моллюсков. Под руководством малаколога Поля Годе, директора Музея естественной истории в Невшателе, Жан Пиаже к моменту окончания школы опубликовал множество статей в специализированных журналах. После школы молодой человек продолжил изучать естественные науки в университете Невшателя, где впоследствии защитил докторскую диссертацию. Поворотным моментом для Жана стал семестр в Цюрихском университете, где он учился у основоположника аналитической психологии Карла Юнга и психиатра Эйгена Блейлера. Именно эти ученые пробудили в нем интерес к психоанализу. В 1919 году Пиаже покинул Швейцарию и переехал во Францию, начав обучение в Сорбонне.

В Париже Жан Пиаже год работал в школе для мальчиков, открытой французским психологом Альфредом Бине, известным как соавтор IQ-тестов. В школе Пиаже стандартизировал тест на интеллект, разработанный британским психологом Сирилом Бертом, адаптировал его для французских детей и начал проводить свои первые экспериментальные исследования детского мышления.

Когда Пиаже стал публиковать результаты своих психометрических экспериментов, его успехи заметили на родине. В 1921 году он вернулся в Женеву, где возглавил Институт Руссо — центр экспериментальных исследований в области детской психологии и образования, основанный неврологом и психологом Эдуардом Клапаредом. Там Пиаже продолжил свои исследования и по их результатам опубликовал в 1923 году один из своих главных трудов — «Речь и мышление ребенка».

Ключевой идеей Пиаже этого периода стало то, что маленьким детям свойственен эгоцентризм, то есть ребенок не понимает, что существуют другие точки зрения (как в прямом, так и в переносном смысле), отличные от его собственной. Эгоцентричность, согласно наблюдениям Пиаже, проявляется и в речи дошкольников, которые часто разговаривают сами с собой, а не с окружающими. Однако, взаимодействуя со сверстниками, сотрудничая и конфликтуя с ними, ребенок учится воспринимать разные точки зрения и постепенно формирует социализированное мышление. В более или менее оформленном виде оно утверждается к 12 годам.

В 1923 году Жан Пиаже женился на Валентин Шатенау. У пары родилось трое детей, и свое отцовство Пиаже тоже превратил в основательное исследование, внимательно на-

блюдая за когнитивным развитием собственных детей. Эти наблюдения легли в основу его теории адаптации, разработанной в 1930-х годах, и книги «Истоки мышления у детей», изданной в 1936 году.

В этот период своих исследований Жан Пиаже сфокусировался уже не на речи, а на том, как маленькие дети взаимодействуют с объектами окружающей среды.

С конца 1930-х годов Пиаже стал изучать, как дети выполняют логические операции, устанавливают причинно-следственные связи, определяют отношения «часть — целое» и так далее. На основе этих экспериментов и своих предыдущих наработок Пиаже пришел к выводу, что на каждой стадии развития ребенок конструирует определенные представления о реальности, соответствующие его возрасту. По мере взросления он воссоздает эти представления заново, уже на более сложном уровне, и таким образом переходит на следующий этап развития. Именно в этот период исследований Пиаже сформулировал суть своей теории четырех этапов когнитивного развития, которая стала классической. Эту теорию он изложил в книге «Психология интеллекта», впервые опубликованной в 1947 году.

Покинув пост директора Института Руссо в 1925 году, Жан Пиаже впоследствии занимал множество престижных постов. Но главным итогом организаторской деятельности Пиаже стал Международный центр генетической эпистемологии в Женеве, основанный им в 1955 году. Ученый руководил им бессменно до самой смерти. Генетическая эпистемология изучает происхождение, структуру и развитие знания на уровне отдельного человека и целых культур.

Вклад Пиаже в науку был отмечен высшими международными наградами. В 1972 году он стал лауреатом премии Эразма за вклад в европейскую культуру, а в 1979 году получил престижную премию Бальцана за работы в области социальных и политических наук. Отдельно стоит сказать об академическом авторитете Пиаже: ведущие университеты мира, включая Гарвард, Кембридж, Йель и Сорбонну, присвоили ему более 30 почетных докторских степеней (Honoris Causa). А в 1969 году Пиаже стал первым европейцем, получившим награду «За выдающийся научный вклад» от Американской психологической ассоциации (APA), что для того времени было редчайшим событием.

Жан Пиаже ушел из жизни в 1980 году и был похоронен в Женеве. О нем и его идеях написано множество книг, среди которых выделяются «Беседы с Жаном Пиаже» Жан-Клода Брингье и «Жан Пиаже, человек и его идеи» Ричарда Эванса. Сам ученый также оставил автобиографию, опубликованную в 1952 году.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Агишев Б. Д. Проблемы правового регулирования Creative Commons в Российской Федерации	311
Бадьев И. Д., Котова В. С. Жилое помещение как объект права собственности	313
Бадьев И. Д. Понятие и содержание права собственности на жилое помещение	315
Балданова Д. Т. Понятие и сущность судебного контроля на стадии предварительного расследования уголовного дела	317
Балякин К. П., Левакина С. И. Понятие и механизмы предотвращения следственной ошибки в уголовном процессе	320
Баранов А. Н. Защита прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого при производстве следственных действий	322
Богданова Д. А. Правовое регулирование оплаты труда в Российской Федерации: состояние, проблемы и направления совершенствования	325
Варнаков М. Г. Особенности исследования земельных участков	328
Викулов Е. Д. Проблемы использования искусственного интеллекта при осуществлении предпринимательской деятельности в Российской Федерации	331
Волкова Т. М. Добросовестность в предпринимательском праве	334
Гаврилов А. И. Проблемы при возбуждении уголовного дела в системе российского судопроизводства	338

Гаврилова Ю. А. Охрана и защита прав хореографов в авторском праве России и Китая	340
Ганцюк А. И. Условное осуждение: правовая природа, проблемы применения и пути совершенствования	342
Гараева А. А. Некоторые аспекты практики применения договоров коммерческой концессии	345
Гасанов Э. Б. Понятие и правовая природа финансового контроля как института финансового права ...	347
Гасанов Э. Б. Проблемы правового регулирования и пути совершенствования финансового контроля ...	349
Гердт Э. Е. Проблемы выявления и доказывания злоупотреблений правом в корпоративных конфликтах	352
Глебова А. Д. Будущее юриста в эпоху развития искусственного интеллекта	356
Голенков Р. А. Эволюция института наёмничества: от античных армий до частных военных компаний XXI века	358
Груздева К. Д. Перспективы совершенствования процессуального статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве	361
Гуливанский А. А. Квалификация кибермошенничества: проблемы отграничения от смежных составов	363
Давыдов А. А. Искусственный интеллект и патентное право: кто является изобретателем?	365
Давыдов А. А. Особенности правового режима промышленных образцов	367

Иваненко Ф. Е.

Современные аспекты правового регулирования статуса международных компаний в Российской Федерации 368

Казакова Л. М.

Проблемы, связанные с определением достаточности доказательств для привлечения в качестве обвиняемого 371

Калистратова А. В.

Правовое регулирование мониторинга вечной (многолетней) мерзлоты: вызовы в условиях климатических изменений 373

Кармацкий Ф. А.

Роль адвоката-защитника в уголовном процессе 375

Карпова А. Г., Киркина В. П.

Проблемы участия обвиняемых с психическими недостатками в уголовном процессе России 377

Киракосян А. А., Мустафаев А. Д.

Особенности доказывания по делам о преступлениях, совершённых несовершеннолетними 380

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы правового регулирования Creative Commons в Российской Федерации

Агишев Борис Денисович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует проблемы правового регулирования открытой лицензии на примере реализации Creative Commons и предлагает возможные способы решения коллизии права.

Ключевые слова: *creative commons, открытые лицензии, авторское право, исключительное право.*

В современном мире прослеживается противоречие между нормами права в сфере авторского права и способами распространения результатов интеллектуальной деятельности. Расширение сферы охраны интеллектуальной собственности оставляет все меньше произведений в общественном достоянии. Появление Интернета повлекло за собой множество нарушений авторских прав, а у юристов возникло понимание того, что современная конъюнктура требует выработки подхода по обеспечению баланса между правами авторов и интересами общества по использованию новых возможностей.

На том основании, что авторское право зародилось раньше Интернета, возникают новые общественные отношения и модели их урегулирования, которые пользователи Всемирной сети предполагают разумными. Как результат, в обществе появилась потребность на решение этой проблемы, на уравнивание правового регулирования и технологической реальности.

Creative Commons является одним из наиболее целостных вариантов решения данного противоречия, предложенных в настоящий момент. Идея создания творческих сообществ (Creative Commons) принадлежит профессору права и политики Лоуренсу Лессигу, создавшему в 2001 году некоммерческую организацию Creative Commons.

Л. Лессиг определил назначение лицензий Creative Commons следующим образом: «Наши инструменты облегчат для художников и писателей возможность передать безвозмездно некоторые или все права на использование своего произведения обществу. Если, например, артист желает, чтобы его музыка была доступна для некоммерческого использования или только лишь указывалось его авторство, то наши инструменты помогут ему сообщить эти намерения в машиночитаемой форме. Компьютеры и программное обеспечение будут считывать условия лицензий в автоматическом режиме, что упро-

стит использование, поиск и распространение творческих продуктов» [1].

Creative Commons делает возможным передать некоторые права общественности посредством типовых лицензий, признанных юридическими системами многих стран мира. Creative Commons ограничивают исключительные права правообладателя, не затрагивая неимущественные права автора.

Наличие лицензии Creative Commons значительно упрощает жизнь правообладателя — он может самостоятельно решить, в каком объеме хочет распорядиться тем или иным исключительным правом, выстраивая баланс между технологическими изобретениями и правами автора, между личными и общественными интересами. А в странах, где это законодательно не запрещено, правообладатель с помощью лицензии может передать объект интеллектуальной собственности в общественное достояние.

Благодаря введению статьи 1286.1 ГК РФ использование Creative Commons в российском праве стало возможно. Но на практике часто возникают с реализацией данного рода лицензий.

Так, И. А. Блинец и К. Б. Леонтьев отмечают, что статья не вводит определение «открытая лицензия», предлагая вместо этого «набор постоянно пополняемых и изменяемых комплектов типовых условий, формируемых по разным поводам и для различных правовых систем людьми заинтересованными физическими или юридическими лицами» [2].

Другая проблема — это урезание подробно разработанной системы лицензий СС до одной и сильно обобщенной нормы — ст. 1286.1. Норма получилась абстрактной и весьма проблематичной при использовании лицензий. Такой подход является некорректным поскольку, норму не нужно было вводить, либо вводить, полноценно имплементируя содержание лицензий СС.

Однако позицию законодателя также можно понять — до принятия статьи суды ссылались на то, что условия лицензий СС применяться не могут, поскольку «это противоречит действующему законодательству РФ».

К другим же причинам можно отнести отсутствие четкого понимания судами сущности понятия «открытой лицензии». Зачастую суды оценивают любое обнародование произведения в открытом доступе как намерение правообладателя распорядиться своим исключительным правом с помощью открытой лицензии, что является неверным. Наряду с этим суды оценивают фактические действия по публичному заявлению о возможности использования произведения любым желающим и безвозмездно в качестве открытой лицензии.

Существует также проблема правовой неопределенности открытой лицензии при наличии уже заключенного исключительного лицензионного договора. В соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 1236 ГК РФ в случае выдачи исключительной лицензии лицензиар не вправе в последующем выдавать лицензии иным лицам. Однако на практике встречаются случаи, когда такой запрет нарушается.

Поскольку отличий между открытой лицензией и исключительной лицензией законодателем установлено не было, на практике возникают противоречия [3].

Общество «Юнайтед Мультимедиа Проджектс» (ответчик) предоставило исключительную лицензию Обществу «Эшелон Фильм» (истец) на использование ряда кинофильмов. В последующем Общество «Юнайтед Мультимедиа Проджектс» передало обществу «Мирренфильм» (ответчик) неисключительные права в отношении вышеуказанных фильмов (неисключительная лицензия).

«В соответствии с пунктом 3.1.2 договора лицензиар обязуется в течение лицензионного срока и на разрешенной территории не использовать самому и/или не предоставлять третьим лицам права на использование фильмов, переданные по настоящему договору в рамках исключительной лицензии». Следовательно, истец заявил о нарушении данного пункта договора, что послужило поводом к обращению в арбитражный суд с требованием о признании заключенного между ответчиками договора ничтожной сделкой как не соответствующей п. 1.1 ст. 1236 ГК РФ.

Литература:

1. Будник Р. А. Проблемы имплементации лицензий Creative Commons в России // Закон. 2016. № 10. С. 169.
2. Близнец И. А., Леонтьев К. Б. Внедрение свободных лицензий: правовая или организационная проблема? // Копирайт. 2011. № 2. С. 61.
3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31 мая 2019 г. N C01–451/2018 по делу N A40–151454/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 4 февраля 2019 г. N C01–1050/2018 по делу N A40–13736/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Существует также проблема отсутствия регламентации в отечественном законодательстве (в частности, в ст. 1286.1 ГК РФ) способов распоряжения правами, в отличие от лицензий Creative Commons, в которых достаточно подробно и четко определено содержание правомочий пользователя по использованию произведения.

Кроме того, проблематичной темой является использование лицензии Creative Commons Zero License, поскольку данная лицензия представляет из себя добровольный отказ автора от всех прав с целью перехода произведения в общественное достояние. В соответствии со статьей со ст. 1265 ГК РФ отказ от права признаваться автором произведения под своим именем, под вымышленным именем (псевдонимом) или без указания имени, т. е. анонимно, — ничтожен. Поэтому возникает сомнение с возможности реализации этой лицензии в Российской Федерации. Пункт 1 ст. 1282 ГК РФ гласит: «После прекращения действия исключительного права произведение науки, литературы или искусства, как обнародованное, так и не обнародованное, переходит в общественное достояние». Соответственно, отечественное законодательство предусматривает возможность перехода произведения в общественное достояние, однако в данном случае право авторства и право на имя не утрачиваются.

Лицензии Creative Commons имплементированы в отечественное законодательство в качестве открытых лицензий, содержание которых закреплено в ст. 1286.1 ГК РФ, и исходя из выше сказанного можно сделать вывод, что данная норма не закрепляет конкретные правомочия пользователя, которыми последний будет обладать в результате приобретения такой лицензии. Для решения этой проблемы можно переработать ст. 1286.1 ГК РФ, которое будет отражать всю сущность и функциональную существующих в мировой практике открытых лицензий.

Таким образом, имеющиеся проблемы говорят о незавершенности реформирования законодательства в результате адаптации лицензий Creative Commons. Разрешение имеющихся коллизий, конфликтов даст новый виток развитию лицензионных отношений в сфере интеллектуальных прав.

Жилое помещение как объект права собственности

Бадьев Иван Дмитриевич, студент;
Котова Виктория Сергеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается дискуссионный в отечественной цивилистике вопрос о правовой природе жилого помещения как объекта права собственности. Авторы анализируют три основные доктринальные концепции — «фикции», «пространства» и «материального объекта», обосновывая наибольшую состоятельность последней в свете изменений, внесенных в Гражданский кодекс РФ. На основе легального определения, закрепленного в Жилищном кодексе РФ, выделяются и подробно характеризуются ключевые признаки жилого помещения: его природа как конкретного объекта прав, изолированность (трехмерная замкнутость), статус недвижимого имущества с прочной связью с землей, а также целевое назначение и пригодность для постоянного проживания граждан. Отдельное внимание уделяется соотношению признаков «пригодности» и «предназначенности». В заключении делается вывод о сложной юридической природе жилого помещения, сочетающей черты недвижимой вещи и строго целевого характера использования, что предопределяет видовое разнообразие (жилой дом, квартира, комната) и особенности правового регулирования отношений собственности.

Ключевые слова: жилое помещение, правовой режим жилых помещений, целевое назначение, концепция материального объекта, жилищное законодательство, недвижимое имущество, гражданское законодательство.

В сфере российского гражданского права на протяжении многих лет не прекращается дискуссия о том, как следует трактовать понятие «помещение» (будь то жилое или нежилое) в качестве объекта правовых отношений. Причина этих споров кроется в том, что жилые помещения обладают рядом специфических характеристик, которые формируют особенности их правового режима и придают этому понятию особое юридическое значение [1].

В научной среде существует три основных подхода к пониманию этого вопроса. Первый из них — концепция юридической фикции, которую активно поддерживает Е. А. Суханов. Сторонники этого направления опираются на традиционный принцип римского права: объектом права собственности может выступать только материальный объект, существующий в физическом мире. Поскольку помещение не имеет естественных границ и представляет собой лишь часть строительной конструкции, его можно считать вещью лишь с юридической точки зрения, как отмечает Е. А. Суханов [2].

Однако этот подход подвергается критике. Противники концепции юридической фикции считают ее слишком абстрактной и далекой от реальности. Они указывают на то, что с помещением можно совершать те же действия, что и с обычными материальными объектами, а также на то, что оно подвержено физическому износу — эти факты сложно объяснить, если считать помещение лишь юридической фикцией.

Второй подход рассматривает помещение как ограниченное трехмерное пространство с входом [3]. Но и здесь возникают проблемы: сложно определить, в какой момент «пространство» начинает считаться объектом права, а также не до конца ясны его юридические характеристики.

Третий подход рассматривает помещение как материальный объект, а именно — как недвижимую вещь [4]. Эта позиция представляется наиболее обоснованной, по-

скольку она соответствует законодательным подходам, закрепленным в Гражданском и Жилищном кодексах. До внесения изменений в статью 130 ГК РФ в 2016 году и появления главы 17.1 существовали значительные расхождения между гражданским и жилищным законодательством в этом вопросе: жилое помещение не называлось прямо видом недвижимого имущества. Однако сейчас эти противоречия устранены: жилые и нежилые помещения четко отнесены к недвижимым вещам. В статье 141.4 Гражданского кодекса Российской Федерации зафиксировано, что «помещением считается обособленная часть здания или сооружения, пригодная для постоянного проживания людей» [5].

Согласно пункту 2 статьи 15 ЖК РФ, жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан [6]. Оно должно соответствовать санитарным и техническим нормам, а также другим требованиям законодательства.

Это определение позволяет выделить ключевые признаки жилого помещения. Как отмечает Т. В. Пашкова: «жилое помещение — это конкретный объект жилищных и гражданских прав» [7]. Статья 16 ЖК РФ перечисляет виды жилых помещений:

- жилой дом (здание, состоящее из комнат и помещений вспомогательного использования);
- часть жилого дома;
- квартира (структурно обособленное помещение в многоквартирном доме с доступом к общим помещениям);
- часть квартиры;
- комната (часть жилого дома или квартиры, предназначенная для проживания).

Одним из ключевых признаков жилого помещения является его изолированность. Хотя в законодательных и нормативно-правовых актах это понятие не раскрыто,

в юридической литературе изолированность трактуется как замкнутость пространственной границы объекта в трехмерном измерении [8]. Это положение имеет большое значение для определения понятия «помещение», поскольку объект без крыши, стен или пола вряд ли можно считать помещением. Таким образом, жилое помещение должно быть отделено от других помещений и объектов общего пользования, иметь собственный вход и выход.

Еще один важный признак — статус недвижимого имущества. Согласно статье 130 Гражданского кодекса РФ, к недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения, а также части зданий или сооружений, предназначенные для размещения транспортных средств (машино-места), если их границы описаны в соответствии с законодательством. Ключевым фактором, который позволяет отнести имущество к категории недвижимости, является его тесная связь с земельным участком. Такая связь предполагает, что перемещение объекта без нанесения значительного ущерба его функциональному назначению невозможно. В случае с жилыми помещениями этот критерий проявляется через их неразрывную связь с общим строением — будь то многоквартирный дом или отдельно стоящее здание, частью которого данное помещение является [9].

Заслуживает внимания точка зрения П. В. Крашенинникова, который подчеркивает, что жилые помещения представляют собой сложные объекты [10]. Они состоят из нескольких взаимосвязанных элементов, объединенных в единую структуру. Центральным элементом такого объекта выступает само жилое помещение, которое предназначено для удовлетворения жилищных нужд людей. Помимо этого, в состав объекта могут входить другие материальные ценности или имущественные

права, причем их перечень варьируется в зависимости от типа жилого помещения.

Еще одним важным признаком жилого помещения является его пригодность для постоянного проживания людей. Это подразумевает, что помещение должно соответствовать определенным санитарным, техническим и другим нормативным требованиям, закрепленным в законодательстве. Однако М. А. Шлотгауэр акцентирует внимание на другом аспекте — предназначенности помещения для жилых целей. По его мнению, эта характеристика определяется изначально и фиксируется в документации, не завися от того, используется ли помещение в данный момент по назначению и способно ли оно удовлетворять жилищные потребности [11]. Именно этот критерий, считает автор, должен стать определяющим при классификации недвижимости на жилую и нежилую.

А. А. Солопаев в определенной степени разделяет эту позицию. Он отмечает, что временная непригодность помещения не отменяет его основного назначения. Таким образом «назначение» как классификационный признак более стабильно, чем, «пригодность для проживания» [12]. В то же время автор подчеркивает, что эти признаки не исключают друг друга, и пригодность помещения для проживания также играет существенную роль в его квалификации как жилого.

Итак, жилое помещение как объект права собственности обладает многогранной юридической природой. Оно сочетает в себе характеристики недвижимого имущества, особые требования к изолированности и пригодности для проживания, а также четкое целевое назначение. Разнообразие типов жилых помещений — от частных домов до квартир и комнат — обуславливает специфику прав собственности и требует гибкого подхода к правовому регулированию.

Литература:

1. Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т.1. — М.: Статут, 2015. С. 221.
2. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. — М.: Статут, 2017. — 560 с.
3. Дроздов И. А. Понятие жилого помещения // Журнал предпринимателей и юристов, 2006. № 8. С. 9–17.
4. Крашенинников П. В. Жилищное право. 12-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2020. С. 235.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс.
6. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 20.02.2026). // СПС КонсультантПлюс.
7. Пешкова Т. В. Понятие и признаки жилого помещения. // Отечественная юриспруденция, 2018. №. 2 (27). С. 16.
8. Солопаев А. С. Понятие и признаки жилого помещения. // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право», 2008. № 1. С. 34.
9. Красавчиков О. А. Советское гражданское право: Учебник: В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1985. Т. 1. С. 180–185.
10. Крашенинников П. В. Жилищное право. 12-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2020. С. 237.
11. Шлотгауэр М. А. К вопросу о понятии жилого помещения. // Вестник Омского университета, 2006. № 1. С. 110.
12. Солопаев А. С. Понятие и признаки жилого помещения. // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право», 2008. № 1. С. 39.

Понятие и содержание права собственности на жилое помещение

Бадьев Иван Дмитриевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается понятие и содержание права собственности на жилое помещение как гражданско-правовой категории. Автор анализирует общие положения гражданского законодательства, регламентирующие правовой статус жилого помещения как объекта недвижимости, а также ключевую роль государственной регистрации прав в Едином государственном реестре. Особое внимание уделяется классической «триаде» правомочий собственника — владению, пользованию и распоряжению, раскрываемой через призму положений статьи 209 ГК РФ и актуальной судебной практики. В статье также исследуются законодательные ограничения права собственности на жилое помещение, в том числе целевое использование, необходимость соблюдения прав соседей, а также такой механизм, как завещательный отказ (легат). На основе анализа делается вывод о том, что право собственности на жилье представляет собой сложную правовую конструкцию, реализуемую при активной роли государства и общества. Отдельно отмечается отсутствие в науке единого универсального определения собственности.

Ключевые слова: право собственности, жилое помещение, триада правомочий, владение, пользование, распоряжение, правовая форма собственности, ограничение права собственности, легат.

Правовые аспекты владения жилым помещением в России регламентируются общими положениями гражданского законодательства, касающимися права собственности. Гражданский кодекс Российской Федерации закрепляет правовой статус жилого помещения как объекта недвижимости и устанавливает обязательное условие государственной регистрации прав на него, которое имеет ключевое значение с точки зрения формирования правовых отношений. Кроме того, ГК РФ детально прописывает условия возникновения реализации и прекращения права собственности, а также механизмы его защиты.

История развития института собственности в России тесно связана с континентальной правовой системой, которая во многом опирается на наследие римского права, адаптируя его к современным условиям. С принятием Гражданского кодекса РФ в конце 1994 года российское гражданское право вновь вернулось к идее триады правомочий собственника — концепции, заимствованной у римских юристов.

Статья 209 ГК четко формулирует: «Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом» [1]. Именно эти три правомочия составляют основу права собственности.

Владение подразумевает законное и юридически защищенное право фактически обладать вещью, удерживать ее в своем владении, учитывать на своем балансе и так далее. Судебная практика демонстрирует, что регистрация по месту жительства не создает автоматически права владения и пользования жилым помещением — это всего лишь административный акт учета. Для того чтобы такие права возникли, необходимо фактически вселиться и проживать в помещении на законных основаниях [2].

Правомочие пользования означает возможность использовать жилое помещение в соответствии с его назначением, извлекая из него полезные свойства. Законодательство не только определяет объем этого права, но и устанавливает его границы. Например, запрещено ис-

пользовать жилое помещение для ведения производственной деятельности или в иных подобных целях. Верховный Суд РФ в одном из своих определений разъяснил, какие обстоятельства свидетельствуют о возникновении права пользования жильем без наличия других юридических оснований. Так, гражданка обратилась в суд с иском о признании права пользования жилым помещением, в котором она проживала с нанимателем более 15 лет до его смерти. Она вселилась в квартиру в 2007 году как член семьи, вела общее хозяйство и оплачивала коммунальные услуги. Суд пришел к выводу, что в таких обстоятельствах у нее возникло самостоятельное право пользования помещением [3]. Решающими факторами стали длительный срок проживания, ведение общего хозяйства, участие в содержании жилья и утрата предыдущего места жительства.

Распоряжение — это правомочие, которое определяет юридическую судьбу жилого помещения. Оно реализуется через такие сделки, как купля-продажа, дарение или передача по наследству. Именно посредством распоряжения права владения и пользования помещением переходит от собственника к другим лицам — как физическим, так и юридическим [4].

Важным аспектом правового регулирования является обязательная государственная регистрация прав на недвижимое имущество. Согласно пункту 1 статьи 131 ГК РФ, право собственности и другие вещные права на недвижимость, а также их ограничения, возникновение, переход и прекращение должны быть зарегистрированы в едином государственном реестре.

Аналогичное требование содержится в статье 18 Жилищного кодекса РФ [5]. При этом, согласно пункту 2 статьи 8.1 ГК РФ, права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом.

Необходимо учитывать, что право собственности на жилое помещение в Российской Федерации не является

абсолютным. Законодательство и судебная практика предусматривают ряд ограничений, направленных на защиту прав и интересов других граждан и государства. Одним из таких ограничений является завещательный отказ (легат), когда по завещанию собственник может обязать наследника, получившего квартиру, предоставить другому лицу право пожизненного пользования этим жильем или его частью. Это право сохраняется даже при продаже квартиры — новый собственник не вправе выселить такого гражданина. Приведу пример из судебной практики. В соответствии с завещанием женщина получила право пожизненно проживать в квартире, которая в результате наследования перешла в собственность другой гражданки. Однако после того, как истица вышла на свободу из мест лишения свободы, она столкнулась с невозможностью попасть в жилое помещение: ответчица отказалась передать ей ключи, сменила замки и инициировала снятие с регистрационного учета. Суд вынес решение в пользу истицы, полностью удовлетворив ее требования. Своим решением, суд обязал ответчицу не чинить женщине препятствий в пользовании и проживании в квартире, предоставить ей ключи от входной двери и гарантировать свободный доступ в жилое помещение. Суд четко обозначил, что истица обладает самостоятельным правом пользования квартирой в качестве отказополучателя (легатария) [6].

Существуют также ограничения, связанные с назначением жилого помещения. Эти требования обязательны для всех собственников, и их нарушение может привести к серьезным последствиям, включая принудительную продажу квартиры с публичных торгов по решению суда.

Основные обязанности собственника включают использование жилого помещения по назначению — исключительно для проживания граждан. Размещение в жилом помещении офисов, складов, производственных помещений или кафе является грубым нарушением закона [7]. Под это ограничение иногда подпадают ситуации, когда в квартире массово поселяются мигранты — если из-за этого жилье фактически превращается в общежитие и нарушает права проживающих по соседству.

Одним из самых распространенных на практике ограничений является необходимость учитывать права соседей. Закон предписывает собственнику использовать свое жилье так, чтобы не ущемлять права и законные интересы других жильцов. Если эти требования нарушаются, органы местного самоуправления могут обратиться в суд, и в результате жилье нарушителя могут продать с публичных торгов. Среди примеров нарушений — систематическое создание шума, который мешает соседям, например, громкое прослушивание музыки в ночное время.

Таким образом, право собственности на жилое помещение представляет собой не только возможность владеть и распоряжаться имуществом, но и правовую конструкцию, которая определяет механизм реализации этих возможностей. Государство и общество играют ключевую роль в поддержании института «жилищной собственности»: посредством правовым норм они подтверждают принадлежность жилого помещения определенному лицу, фиксируют его юридические права и полномочия, обязывают третьих лиц уважать права собственника жилого помещения и гарантируют ему защиту в случае их нарушения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс.
2. Решение Партизанского районного суда Приморского края № 2-737/2018 2-737/2018~М-595/2018 М-595/2018 от 01.11.2018 по делу № 2-737/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AYb7Cv104IH1/> (дата обращения: 05.05.2026).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2024 № 58-КГ24-9-К9. // [Электронный ресурс] // URL: <https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29102024-n-58-kg24-9-k9-uid-27rs0001-01-2023-002253-96/> (дата обращения: 05.05.2026).
4. Сахно О. В. Осуществление права собственности на жилые помещения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2005. 28 с.
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 20.02.2026). // СПС КонсультантПлюс.
6. Решение Московского районного суда г. Твери № 2-746/2017 2-746/2017~М-409/2017 М-409/2017 от 08.08.2017 по делу № 2-746/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9twXoQ6hLMrm/> (дата обращения: 06.05.2026).
7. Нелидовская межрайонная прокуратура: Собственников могут лишить недвижимости. // Прокуратура Тверской области. // [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_69/activity/legal-education/explain/e1270128/ (дата обращения: 06.05.2026).

Понятие и сущность судебного контроля на стадии предварительного расследования уголовного дела

Балданова Дашима Тумэновна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Одним из основополагающих принципов отечественного уголовного судопроизводства является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, закрепленных и гарантированных на конституционном уровне. Сфера уголовного судопроизводства подразумевает определенное ограничение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Однако указанное ограничение должно быть законным, обоснованным и целесообразным. Одной из гарантий реальной защиты и охраны прав и свобод участников уголовного судопроизводства выступает осуществление судебного контроля на стадии предварительного расследования уголовного дела. Возможность осуществления судебного контроля на досудебных стадиях судопроизводства обусловлено независимым, самостоятельным и полноценным характером, присущей судебной власти в отечественном обществе и государстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, судебный контроль, защита прав и свобод участников человека и гражданина.

Concept and essence of judicial control at the preliminary investigation stage of a criminal case

Baldanova Dashima Tumenovna, master's student
Baikal State University (Irkutsk)

One of the fundamental principles of domestic criminal proceedings is the observance of the rights and freedoms of individuals and citizens, which are enshrined and guaranteed at the constitutional level. The sphere of criminal proceedings implies certain restrictions on the rights, freedoms, and legitimate interests of individuals and citizens. However, these restrictions must be legal, reasonable, and appropriate. One of the guarantees for the real protection and safeguarding of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings is the implementation of judicial control during the preliminary investigation of a criminal case. The possibility of judicial control at the pre-trial stages of legal proceedings is due to the independent, self-sufficient, and full-fledged nature of the judicial power in the domestic society and state.

Keywords: criminal proceedings; preliminary investigation; judicial control; protection of the rights and freedoms of individuals and citizens.

В целях наиболее полного раскрытия заявленной темы настоящей научной статьи представляется необходимым и обоснованным рассмотреть основные понятия и дефиниции, используемые в рамках настоящего исследования.

Уголовное судопроизводство, в соответствии с положениями ст. 118 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) [1] является одной из возможных форм осуществления и реализации в отечественном обществе и государстве судебной власти. Содержание уголовного судопроизводства в соответствии с положениями ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [2] составляют досудебное и судебное производство по уголовному делу.

Неоспоримое значение стадии предварительного расследования уголовного дела в масштабе всего процесса уголовного судопроизводства обусловлено тем, что именно в процессе ее реализации субъектами уголовно-процессуальной деятельности «добываются» те сведения об обстоятельствах расследуемого преступления, лице, его совершившем и проч. [3, с. 354; 4, с. 72], что в конечном итоге приводит к наличию оснований, позволяющих суду

вынести справедливое, обоснованное и законное решение по уголовному делу [5, с. 80; 6, с. 140].

Поскольку в процессе осуществления следственных и процессуальных действий и мероприятий неотъемлемые права, свободы и законные интересы, принадлежащие и гарантируемые человеку и гражданину в отечественном обществе и государстве, могут быть в значительной степени ограничены, постольку особое значение в данном случае приобретает эффективный судебный контроль [7, с. 534]. В исследуемых обстоятельствах судебный контроль следует рассматривать и расценивать в качестве одной из наиболее эффективных гарантий обеспечения реализации в уголовном судопроизводстве такого конституционного гарантируемого, закрепленного и охраняемого права, как право человека и гражданина на беспрепятственное получение в необходимых случаях судебной защиты [8, с. 203]. В целом, законная, обеспеченная и беспрепятственная возможность обращения участников уголовного судопроизводства в суд с целью защиты принадлежащих ему прав, свобод и законных интересов в полной мере и степени коррелирует провозглашению Российской

Федерацией себя в качестве правового, демократического, современного и цивилизованного государства

Под судебным контролем на стадии предварительного расследования уголовного дела предлагается понимать и рассматривать процессуально регламентированную деятельность суда, содержание которой составляют проверка законности и обоснованности следственных действий процессуальных решений, принимаемых уполномоченными должностными лицами, осуществляющими расследование уголовного дела. В целях совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации представляется обоснованным дополнить содержание ст. 5 УПК РФ предложенным определением дефиниции «судебный контроль на этапе предварительного расследования», а также содержание ст. 29 УПК РФ, в положениях которой отечественный законодатель закрепляет и регламентирует основные полномочия суда.

Судебный контроль на стадии предварительного расследования уголовного дела реализуется в следующих формах:

1. Рассмотрение и разрешение жалоб, ходатайств на бездействие либо совершение незаконных действий органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование уголовного дела. Так, в 2024 г. судами Российской Федерации было рассмотрено 279 839 жалоб на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное производство, 278 229 из которых были удовлетворены [9]. Несмотря на то, что уголовное судопроизводство имеет строго определенную процессуальную форму, детально регламентировано положениями и нормами положениями действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, невозможно отрицать воздействие так называемого «человеческого фактора» на качество выполняемых следователем, дознавателем процессуальных функций, а также пределов их процессуальной самостоятельности. Например, следователь уполномочен самостоятельно определять тактику расследования уголовного дела, проводить и назначать те следственные действия и процессуальные мероприятия, которые, по его мнению, будут наиболее эффективны для максимально оперативного раскрытия совершенного преступления. В то же время, учитывая крайнюю степень нагрузки на следователей и дознавателей современной отечественной правоохранительной системы, не исключено допущение ими определенных ошибок, вызванных исключительно большими количеством уголовных дел, находящихся «в работе». В данном случае возможность, предоставленная субъектам (участникам) уголовного судопроизводства, обратиться в суд с целью обжаловать то или иное действие либо бездействие органов, должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование уголовного дела, следует рассматривать и оценивать в качестве процессуального инструмента повышения эффективности и обеспечения законности осуществления уголовного

судопроизводства в Российской Федерации на исследуемой стадии.

2. Принятие и вынесение судебных решений о наличии оснований для применения в отношении лиц мер процессуального принуждения. В 2024 г. судами Российской Федерации было рассмотрено и разрешено 8 519 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, 7 378 из которых были удовлетворены [9]. Применение мер уголовно-процессуального принуждения, направленное на обеспечение выполнения субъектами (участниками) уголовного судопроизводства, связано с ограничением определенных прав, свобод и законных интересов, принадлежащих человеку и гражданину в отечественном государстве и обществе, закрепленных на конституционном уровне, и охраняемых от незаконного умаления. Именно поэтому применение в отношении субъектов (участников) уголовного судопроизводства мер процессуального принуждения возможно лишь на основании соответствующего судебного решения, в процессе принятия которого суд устанавливает факт наличия либо отсутствия оснований для применения в отношении лица мер уголовно-процессуального принуждения.

3. Рассмотрение ходатайств, поданных органами и должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование уголовного дела, подтверждающих наличие законных оснований для производства определенных следственных действий. В 2024 г. судами Российской Федерации было рассмотрено и разрешено 33 330 ходатайств о производстве обыска и (или) выемки в жилище, 32 118 из которых были удовлетворены [9]. Угроза нарушения конституционных прав, свобод и законных интересов, принадлежащих человеку и гражданину в отечественном обществе и государстве, потенциально возможна и реальна в сфере уголовного судопроизводства, причем в отношении не только субъектов (участников) уголовного судопроизводства, но и третьих лиц. Наиболее ярким примером в данном случае представляется производство обыска и выемки в жилище, в котором помимо субъекта (участника) уголовного судопроизводства (например, подозреваемого либо обвиняемого) могут проживать иные лица, не имеющие никакого отношения к совершенному подозреваемым либо обвиняемым преступлению, в то время как допустимое ограничение конституционного права на неприкосновенность жилища и частной жизни в случае производства указанного следственного действия затрагивает и указанных лиц. Соответственно, производство данного следственного действия, и иных, сопряженных с ограничением конституционных прав и свобод, вполне обоснованно допустимо только на основании соответствующего судебного решения.

Достаточно интересным с исследовательской точки зрения представляется следующий пример судебной практики, в рамках которого судом, на основании уведомления следователя о производстве следственного действия без получения судебного решения, было вынесено

решение об обоснованности проведенного следственного действия. Так, следователем было направлено в суд уведомление о том, что в процессе расследования им уголовного дела по факту совершения преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, последним из достоверных источников была получена информация, что по месту жительства подозреваемого хранится большая партия наркотических средств, которая в ближайшее время должна быть перемещена для последующего хранения в другое место. Следователь, оценив степень вероятности наступления негативных последствий в виде уничтожения либо перемещения вещественных доказательств, принял решение о необходимости производства обыска по месту жительства подозреваемого. В результате производства указанного следственного действия следователем были обнаружены не только искомые наркотические средства, но также была найдена информация, подтверждающая причастность третьих лиц к совершению преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на территории муниципального образования, в результате чего впоследствии была пресечена преступная деятельность транснациональной организованной группы. Суд, рассмотрев ходатайство следователя, вынес постановление о признании проведенного следственного действия законным и в полной мере соответствующим предъявляемым требованиям к производству следственных действий в целом [10].

4. Принятие решение о законности либо незаконности проведенного следственного действия и вынесение соответствующего судебного постановления.

5. Рассмотрение ходатайства, поданного органам либо должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование уголовного дела, о применении меры пресечения в отношении лица, подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления, а также продлении срока содержания указанного лица под стражей. В 2024 г. судами Российской Федерации было рассмотрено и разрешено 93 753 ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, 82 514 из которых были удовлетворены [9].

6. Анализ представленных органами и должностными лицами доказательств по уголовному делу, полученных в процессе предварительного расследования уголовного

дела, на предмет их законности (достоверности, допустимости и относимости). Основной задачей суда как участника уголовного судопроизводства, помимо обеспечения соблюдения прав, свобод и законных интересов субъектов уголовного процесса, является рассмотрение уголовного дела по существу, а также разрешение главного вопроса относительно виновности либо невиновности подсудимого лица в совершении инкриминируемого противоправного уголовно наказуемого деяния. Необходимо подчеркнуть, что справедливо и законно разрешить уголовное дело, вынести обоснованное решение и назначить виновному в совершении преступления лицу наказание соразмерное содеянному, суд может только на основании и в результате исследования и анализа тех доказательств, которые были получены должностными лицами и органами, осуществляющими предварительное расследование уголовного дела. Установление факта несоответствия доказательств, положенных в основу приговора суда, требованиям, предъявляемым отечественным законодательством, является основанием для его последующей отмены и направления материалов уголовного дела на новое рассмотрение. Соответственно, суд, реализуя исследуемую форму осуществления судебного контроля, обеспечивает последующее вынесение законного, обоснованного и справедливого решения по уголовному делу.

На основании вышеизложенного следует сформулировать вывод о том, что назрела практическая необходимость дополнения содержания ст. 5 УПК РФ абз. 53.4 следующего содержания: «Судебный контроль на стадии предварительного расследования уголовного дела — процессуально регламентированная деятельность суда, которая заключается в проверке законности и обоснованности следственных действий и процессуальных решений, осуществляемых и принимаемых уполномоченными должностными лицами, субъектами уголовного судопроизводства в процессе осуществления предварительного расследования уголовного дела, в целях обеспечения защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства». Также предлагается дополнить содержание ч 1. ст. 29 УПК РФ, в положениях которой отечественный законодатель закрепляет полномочия суда, абз. 5 следующего содержания: «осуществлять судебный контроль на стадии досудебного производства по уголовному делу».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.10.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 г. № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) // Рос. газ. — 2020. — 4 июля.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. — 2001. — № 52 (ч.1). — Ст. 4921.
3. Коваленко В. Е. Понятие, назначение и формы предварительного расследования / В. Е. Коваленко // Молодой ученый. — 2023. — № 19. — С. 353–356.
4. Сатдинов Л. В. К вопросу о сущности предварительного расследования / Л. В. Сатдинов // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2020. — № 2. — С. 71–74.

5. Дикарев И. С. Назначение предварительного расследования в уголовном процессе / И. С. Дикарев // Правовое государство: теория и практика. — 2022. — № 1. — С. 75–88.
6. Колосов Н. Ф. Формирование современных подходов к определению сущности и содержания стадии предварительного расследования / Н. Ф. Колосов, Н. А. Соловьева // Legal Concept. — 2023. — № 4. — С. 138–143.
7. Татьяна Л. Г. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве: понятие и содержание / Л. Г. Татьяна, Ф. А. Абашева // Вестник Удмуртского университета. — 2025. — № 3. — С. 533–538.
8. Шаназарова Е. В. Судебный контроль на стадии предварительного расследования как гарантия права граждан на судебную защиту в российском уголовном процессе / Е. В. Шаназарова, О. Е. Савельева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2023. — № 6. — С. 202–204.
9. Уголовное судопроизводство. Судебная статистика Российской Федерации. Агентство правовой информации. Официальный сайт. — URL: <https://sudstat.ru> (дата обращения 09.02.2026).
10. Постановление Останкинского районного суда г. Москвы № 3/6–0571/2025 от 21 октября 2025 г. по делу № 3/6–0571/2025. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UpxNS4MjVjQP/> (дата обращения 25.04.2026).

Понятие и механизмы предотвращения следственной ошибки в уголовном процессе

Балякин Кирилл Павлович, студент;

Левакина Софья Игоревна, студент

Научный руководитель: Хисматуллин Ильдар Гайсович, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматривается понятие «следственная ошибка» как смысловая и процессуальная категория уголовного судопроизводства. Анализируются доктринальные подходы к определению следственной ошибки, её признаки и отличия от преступных деяний и процессуальных проступков. Дается обзор процессуальных механизмов реагирования на следственные ошибки в УПК РФ, институтах прокурорского надзора и судебного контроля. Выявляются основные проблемные вопросы и предлагаются варианты их разрешения.

Ключевые слова: следственная ошибка, досудебное производство, недопустимые доказательства, прокурорский надзор, судебный контроль, процессуальная гарантия.

Актуальность исследования объясняется устойчивой ролью досудебного производства в установлении обстоятельств уголовных дел и высокой вероятностью допущения ошибок именно на этапе проверки сообщений о преступлении и стадии предварительного расследования. Следственные ошибки способны существенно затруднить установление истины, нарушить права участников процесса, привести к необоснованному обвинению либо к невозможности привлечь виновных к ответственности. В условиях возрастания требований к качеству уголовного судопроизводства необходима системная теоретическая проработка понятия «следственная ошибка» и выработка эффективных процессуальных механизмов по её недопущению.

В настоящее время отсутствует легальное определение следственной ошибки. Обобщая подходы разных авторов, можно выделить следующие признаки: непреднамеренность (отсутствие умысла на нарушение закона); процессуальная или криминалистическая неправильность, выражающаяся в несущественном нарушении норм УПК РФ либо методических рекомендаций; наличие или реальная угроза негативных последствий для хода и результатов расследования.

Так, В. О. Захарова определяет процессуальную (следственную) ошибку как «непреднамеренное нарушение норм процессуального права, выразившееся в ненадлежащем выполнении или невыполнении процессуальных обязанностей, признанное таковым компетентным органом» [2, с. 188].

О. А. Попова акцентирует внимание на правоприменительном характере ошибки, которая противоречит нормам материального или процессуального права и препятствует достижению целей правового регулирования [3, с. 120].

Ю. А. Цветков включает в понятие следственной ошибки также «упущения и дефекты в умозаключениях должностных лиц» [4, с. 49].

На основе этих позиций предлагается следующее определение: следственная ошибка — это непреднамеренное отступление следователя (дознателя) от требований уголовно-процессуального закона или криминалистических рекомендаций, повлекшее неполноту, односторонность или незаконность расследования.

Следственную ошибку необходимо отличать от дисциплинарного проступка и тем более от уголовно наказуе-

мого деяния (например, фальсификация доказательств — ст. 303 УК РФ). Ошибка сама по себе не влечёт уголовной ответственности, однако может создавать почву для злоупотреблений и требует своевременного выявления и исправления процессуальными средствами.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ [1] не содержит термина «следственная ошибка», но закрепляет ряд институтов, позволяющих выявлять и устранять последствия неправильных действий на досудебной стадии. Центральное место занимает институт допустимости доказательств (ст. 75 УПК РФ): доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. Например, проведение обыска без судебного решения, когда оно требовалось, либо допрос без разъяснения права на участие защитника образуют следственную ошибку, влекущую исключение полученных сведений из процесса доказывания.

Важным механизмом является право участников процесса на обжалование действий и решений следователя. В соответствии со ст. 124 УПК РФ жалоба может быть подана руководителю следственного органа, а в порядке ст. 125 УПК РФ — в суд. Судебная практика знает примеры, когда суд признавал следственной ошибкой невручение обвиняемому копии постановления о назначении экспертизы, что лишало его возможности заявить отвод эксперту и представить дополнительные вопросы. Такая ошибка влечёт возвращение дела прокурору для устранения нарушений.

Прокурорский надзор служит гарантией законности предварительного следствия. Прокурор вправе отменять отдельные незаконные постановления следователя, возвращать уголовное дело для дополнительного расследования, исключать недопустимые доказательства. Однако на практике прокуроры не всегда оперативно реагируют на ошибки, особенно если они связаны с недостаточной полнотой расследования, а не с грубым процессуальным нарушением.

Ведомственный контроль, осуществляемый руководителем следственного органа, позволяет выявлять ошибки на ранней стадии. Руководитель вправе отменить необоснованное постановление о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом, давать указания о направлении расследования, изымать дело у одного следователя и передавать другому. Эффективность этого контроля напрямую зависит от квалификации самого руководителя и регулярности проводимых им проверок.

Кроме того, важную роль играет самоконтроль следователя, который предполагает систематическое изучение судебной практики, а также обращение за консультацией к более опытным коллегам. К сожалению, в современных

условиях высокая нагрузка и дефицит времени снижают потенциал самоконтроля.

Анализ доктрины и практики позволяет выделить основные проблемы, связанные со следственными ошибками. Теоретическая проблема — отсутствие легального определения и классификации, что затрудняет единообразную квалификацию ошибок и сбор статистики [2, с. 193; 4, с. 52]. Практические проблемы: слабая координация между следственными органами, экспертными подразделениями и прокуратурой; недостаточная оперативность судебного контроля по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ (жалоба может рассматриваться неделями, в течение которых следственная ошибка уже неисправима); риск превращения исправления ошибок в формальную процедуру без реального восстановления прав участников.

Исходя из выявленных проблем, предлагаются следующие направления.

Во-первых, необходимо дополнить ст. 5 УПК РФ определением следственной ошибки и закрепить её основные виды (процессуальные, криминалистические, логические). Это позволит создать основу для статистического учёта и выработки типовых мер реагирования [3, с. 124].

Во-вторых, следует обязать руководителя следственного органа проводить на постоянной основе анализ уголовных дел, возвращённых прокурором в порядке, предусмотренном УПК РФ, с обязательной фиксацией выявленных ошибок.

В-третьих, необходимо сократить срок рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ до 48 часов (кроме случаев, требующих истребования дополнительных материалов), чтобы предотвратить «затягивание» исправления ошибки.

В-четвёртых, в программы повышения квалификации следователей целевым образом включить модуль по анализу типичных следственных ошибок на примере судебной практики высших судов.

Таким образом, понятие следственной ошибки имеет важное практическое значение для уголовного судопроизводства. Хотя УПК РФ не содержит его прямого определения, существующие институты — допустимость доказательств, прокурорский надзор, судебный и ведомственный контроль — служат средствами выявления и коррекции ошибок. Эффективная стратегия снижения числа следственных ошибок должна сочетать нормативную конкретизацию, усиление превентивных мер, стандартизацию процедур обжалования и повышение квалификации кадров. Только комплексный подход позволит сохранить оперативность расследования и одновременно обеспечить высокий уровень защиты прав участников уголовного процесса.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 № 174-ФЗ: (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

2. Захарова, В. О. Типичные ошибки, допускаемые следователями при производстве следственного эксперимента / В. О. Захарова // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 1. — С. 187–194.
3. Попова, О. А. Типичные ошибки, допускаемые при производстве следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие материальных объектов / О. А. Попова // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2015. — № 1 (32). — С. 120–125.
4. Цветков, Ю. А. О феномене следственной ошибки / Ю. А. Цветков // Журнал прикладных исследований. — 2021. — Т. 4, № 3. — С. 49–55.

Защита прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого при производстве следственных действий

Баранов Александр Николаевич, студент
Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы обеспечения прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого при производстве следственных действий. Обосновывается тезис о том, что современное понимание права на защиту должно строиться не на формальном, а на содержательном подходе, при котором решающее значение имеет не только процессуальный статус лица, но и фактическое ограничение его свободы, вовлечение в сферу уголовного преследования и реальная возможность пользоваться квалифицированной юридической помощью. Анализируются наиболее уязвимые для прав личности следственные действия, к числу которых относятся допрос, очная ставка, обыск, выемка, предъявление для опознания, назначение и производство судебной экспертизы. Особое внимание уделяется проблеме недопустимости доказательств, полученных с нарушением права на защиту, а также современным вызовам, связанным с цифровизацией уголовного судопроизводства. Делается вывод о необходимости усиления гарантий раннего допуска защитника, расширения стандартов судебного контроля, унификации подходов к оценке существенности процессуальных нарушений и закрепления дополнительных механизмов фиксации хода следственных действий.

Ключевые слова: право на защиту, подозреваемый, обвиняемый, следственные действия, защитник, допустимость доказательств, допрос, судебная экспертиза, обыск, судебный контроль.

Право на защиту в уголовном судопроизводстве относится к числу базовых конституционных гарантий прав личности. Его значение определяется тем, что именно через данный институт обеспечивается баланс между публичным интересом в раскрытии преступления и частным интересом лица в сохранении свободы, достоинства, неприкосновенности и справедливого судебного разбирательства. Конституционное закрепление права на получение квалифицированной юридической помощи и процессуальное оформление данного положения в уголовно-процессуальном законе позволяют рассматривать защиту подозреваемого и обвиняемого не как факультативный элемент, а как обязательное условие легитимности уголовного преследования [1; 2]. Современная судебная практика и научная литература показывают, что любые отступления от этого подхода неизбежно ведут к девальвации доказательственной деятельности, поскольку доказательства, добытые ценой существенного ограничения прав личности, утрачивают признак допустимости и не могут рассматриваться в качестве надежной основы обвинения [3; 4; 5].

Проблема защиты прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого особенно отчетливо проявляется на стадии предварительного расследования, когда наиболее активно применяются меры процессуального

принуждения и проводятся следственные действия, непосредственно затрагивающие сферу конституционных прав. Справедливо подчеркивается, что право на защиту должно обеспечиваться не только после формального придания лицу статуса подозреваемого или обвиняемого, но и с момента, когда поведение государства объективно свидетельствует о начале уголовного преследования [5; 7]. Такой подход имеет принципиальное значение, поскольку на практике следственные органы нередко стремятся получить первичную информацию от лица до приглашения защитника, используя объяснения, опросы, явки с повинной или иные процессуально спорные формы коммуникации. Именно поэтому в современной доктрине все чаще утверждается содержательное понимание права на защиту, при котором определяющим критерием выступает не наименование процессуального документа, а реальная степень вмешательства в положение лица [7; 9].

Центральное место среди следственных действий, затрагивающих интересы подозреваемого и обвиняемого, занимает допрос. Именно в ходе допроса возникает наибольшая вероятность получения сведений, способных лечь в основу обвинения, при недостаточном уровне правовой защиты допрашиваемого. Научные исследования последних лет показывают, что участие защитника в до-

просе имеет не только символическое, но и функциональное значение: адвокат разъясняет доверителю пределы его права на молчание, пресекает недопустимые методы психологического давления, заявляет ходатайства, обращает внимание на искажения протокола и в целом обеспечивает процессуальный паритет сторон [6; 8]. Особую актуальность эта проблема приобретает в ситуации, когда лицо фактически задержано, но его процессуальный статус еще не оформлен надлежащим образом. В таких случаях формальное отсутствие статуса подозреваемого не должно служить основанием для обхода права на защиту, поскольку содержание уголовно-процессуальной гарантии определяется фактом вовлечения лица в орбиту уголовного преследования, а не удобством следственной техники [2; 5].

Не менее значимым является обеспечение прав подозреваемого и обвиняемого при производстве иных следственных действий, прежде всего очной ставки, предъявления для опознания, обыска и выемки. При этих действиях защита должна иметь возможность наблюдать за соблюдением установленного законом порядка, фиксировать нарушения, заявлять замечания и ходатайства, а в последующем использовать допущенные нарушения для постановки вопроса о недопустимости. Особое место здесь занимает обыск, так как он сопряжен с вторжением в сферу частной жизни, затрагивает неприкосновенность жилища и часто влечет изъятие имущества, документов и электронных носителей. В научной литературе и судебной практике обоснованно подчеркивается, что судебный контроль за действиями, проводимыми по правилам статьи 165 УПК РФ, не должен носить формального характера. Суд обязан проверять не только наличие процессуального основания, но и действительную необходимость вмешательства, его соразмерность и соблюдение процедурных гарантий лица, в отношении которого проводится следственное действие [2; 10].

Существенное значение для обеспечения права на защиту имеет и институт судебной экспертизы. Внешне данное следственное действие нередко воспринимается как нейтральное и сугубо техническое, однако на практике именно заключение эксперта часто становится одним из ключевых доказательств обвинения. В связи с этим особую важность приобретают вопросы своевременного ознакомления обвиняемого и его защитника с постановлением о назначении экспертизы, возможности поставить перед экспертом дополнительные вопросы, заявить отвод, ходатайствовать о привлечении иного специалиста либо о назначении повторной или дополнительной экспертизы. Современные научные исследования показывают, что формальный подход к данным гарантиям недопустим. Если защита была реально лишена возможности влиять на формирование экспертного задания, то даже внешне безупречное заключение эксперта не может считаться свободным от процессуального дефекта, поскольку оно изначально сформировано в условиях ограничения права на защиту [8; 11].

Важнейшим правовым последствием нарушения прав подозреваемого и обвиняемого при производстве следственных действий выступает признание соответствующих доказательств недопустимыми. Институт недопустимости доказательств выполняет не только техническую, но и ценностную функцию: он показывает пределы допустимого государственного принуждения и связывает доказательственную деятельность с принципом законности. Современная доктрина справедливо исходит из того, что вопрос о допустимости не может сводиться к чисто формальной проверке реквизитов протокола. Необходимо выяснять, имело ли место такое нарушение, которое затронуло возможность лица реально защищаться, понимать смысл происходящего, пользоваться юридической помощью и влиять на ход следственного действия [11]. Именно поэтому в новейших исследованиях принципы уголовного судопроизводства рассматриваются как своеобразный процессуальный фильтр допустимости доказательств: если способ получения информации противоречит праву на защиту, состязательности и охране прав личности, то такая информация не должна оставаться в доказательственной системе дела [11].

Отдельного внимания заслуживает проблема подмены процессуальных форм и смешения статусов участников уголовного судопроизводства. Конституционный Суд РФ в новейшей практике исходит из того, что недопустимо формировать доказательственную базу путем такого процессуального конструирования, при котором лицо сначала фигурирует в одном статусе, а затем используется в ином качестве вопреки требованиям беспристрастности и процессуальной определенности [3]. Эта позиция имеет принципиальное значение и с точки зрения защиты прав подозреваемого и обвиняемого. Если следственные органы свободно варьируют процессуальные роли участников, они получают возможность обходить специальные гарантии защиты, в том числе связанные с допросом, разъяснением прав, участием защитника и допустимостью производных доказательств. Следовательно, охрана прав личности предполагает не только соблюдение формального порядка отдельного следственного действия, но и недопустимость конструкций, размывающих границы процессуального статуса [3; 9].

Современный этап развития уголовного судопроизводства характеризуется активной цифровизацией, которая оказывает двойственное влияние на обеспечение права на защиту. С одной стороны, цифровые технологии могут укреплять гарантии прав личности за счет более полной видеофиксации следственных действий, дистанционного доступа. С другой стороны, цифровая среда создает новые риски: расширяются возможности быстрого копирования и анализа информации, усложняется контроль за объемом изымаемых электронных данных, возникают дополнительные трудности в обеспечении конфиденциального общения с защитником и в разграничении допустимых и избыточных способов вмешательства в частную жизнь [12]. Поэтому защита прав подозреваем-

мого и обвиняемого в условиях цифровизации требует не ослабления, а усиления процессуальных гарантий, в том числе четких правил обращения с электронными носителями, обязательной фиксации цифровых следственных действий и специальных механизмов судебного контроля [2; 12].

Представляется, что дальнейшее совершенствование правового регулирования должно идти по нескольким взаимосвязанным направлениям. Во-первых, необходимо нормативно и практико-ориентированно укрепить правило о том, что право на защиту возникает с момента фактического начала уголовного преследования, а не только после вынесения соответствующего процессуального акта. Во-вторых, следует расширять стандарт обязательной видеофиксации допроса, предъявления для опознания, обыска и иных действий, потенциально связанных со спором о содержании протокола. В-третьих, нуждается в унификации подход к оценке существенности нарушений: сама по себе формальная неточность не должна автоматически влечь признание доказательства недопустимым, однако любое нарушение, повлекшее реальное ограничение права на защиту, должно рассматриваться как основание для исключения доказательства [6; 8; 10; 11]. В-четвертых, в условиях цифровизации необходимо

разработать специальные гарантии для случаев изъятия и исследования электронных данных, включая возможность оперативного участия защитника и запрет на чрезмерное вмешательство в информационную сферу лица.

Таким образом, защита прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого при производстве следственных действий представляет собой один из центральных критериев законности и справедливости уголовного судопроизводства [12]. Эффективность данной защиты определяется не количеством формальных деклараций, а способностью правовой системы обеспечить реальный доступ к защитнику, процессуальную прозрачность следственных действий, судебный контроль за вмешательством в сферу прав личности и действенный механизм исключения доказательств, полученных с нарушением фундаментальных гарантий. Современная доктрина, судебная практика и законодательство в целом движутся к содержательному пониманию права на защиту, однако единообразие правоприменения пока не достигнуто. Это позволяет заключить, что тема сохраняет высокую научную и практическую значимость, а дальнейшая разработка механизмов охраны прав подозреваемого и обвиняемого остается необходимым условием укрепления законности в уголовном процессе [3; 4; 5; 7; 9; 11].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2024 № 37-П «По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Емельянова». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_480577/ (дата обращения 09.05.2026).
4. Определение Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 2161-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гурьева Антона Георгиевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статьями 6 и 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=480985&moduleId=7> (дата обращения 09.05.2026).
5. Шигуров А. В. Актуальные проблемы реализации права обвиняемого, подозреваемого на защиту // Социальные нормы и практики. — 2022. — № 1. — С. 7–18. — DOI 10.24412/2713-1033-2022-1-07-18. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-realizatsii-prava-obvinyаемого-podozreваемого-na-zaschitu> (дата обращения 09.05.2026).
6. Курмаева Н. А. Особенности участия адвоката-защитника в производстве отдельных следственных действий / Н. А. Курмаева, П. В. Малышкин, В. В. Шабаев // Право и государство: теория и практика. 2024. — № 10 (238). — С. 574–577. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-uchastiya-advokata-zaschitnika-v-proizvodstve-otdelnyh-sledstvennyh-deystviy> (дата обращения 09.05.2026).
7. Кокожева М. А. Актуальные вопросы обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту / М. А. Кокожева // Экономика и социум. — 2024. — № 1 (116). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-obespecheniya-podozreваемому-i-obvinyаемому-prava-na-zaschitu> (дата обращения: 03.05.2026).
8. Хайдаров А. А. Ознакомление обвиняемого и его защитника с заключением эксперта в отечественном уголовном процессе: пробелы в праве и коллизии в практике / А. А. Хайдаров // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 137–147. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oznakomlenie-obvinyаемого-i-ego-zaschitnika-s-zaklyucheniem-eksperta-v-otechestvennom-ugolovnom-protsesse-probely-v-prave-i> (дата обращения: 03.05.2026).
9. Пахомова Е. В. Вопросы реализации права подозреваемого на защиту в уголовном судопроизводстве / Е. В. Пахомова // Общество и право. — 2025. — № 1 (91). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-realizatsii-prava-podozreваемого-na-zaschitu-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 03.05.2026).

10. Власова С. В. К вопросу о применении ст. 165 УПК РФ: вопросы теории и практики / С. В. Власова, А. Г. Саакян // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-primenении-st-165-upk-rf-voprosy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 03.05.2026).
11. Петрова О. А. Принципы уголовного судопроизводства как процессуальный фильтр допустимости доказательств / О. А. Петрова, А. В. Руденко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2026. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-ugolovnogo-sudoproizvodstva-kak-protsessualnyy-filtr-dopustimosti-dokazatelstv> (дата обращения: 03.05.2026).
12. Защита прав и интересов в цифровой среде уголовного судопроизводства: монография / под ред. С. В. Зуева, О. В. Мичуриной. — М.: Юрлитинформ, 2025. — 324 с.

Правовое регулирование оплаты труда в Российской Федерации: состояние, проблемы и направления совершенствования

Богданова Дарья Александровна, студент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье автор анализирует систему правового регулирования оплаты труда в Российской Федерации, рассматривает ее теоретические основы, методы реализации и правоприменительную практику.

Ключевые слова: заработная плата, МРОТ, оплата труда, ответственность работодателя, правовое регулирование, судебная практика.

Система оплаты труда занимает центральное место в современной структуре трудовых отношений, так как она не только формирует материальную основу жизни работника, но и оказывает прямое влияние на социально-экономическую устойчивость современного общества. Согласно п. 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации, «каждый имеет право ... на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда» [1].

Несмотря на закрепленные в Конституции РФ гарантии, сфера оплаты труда по-прежнему остается одной из наиболее проблемных в современной юридической практике. Актуальность данного исследования определяется не только теоретическими аспектами, но и реальными, поддающимися количественной оценке трудностями, которые указывают на недостаточную действенность существующих правовых норм.

Во-первых, официальная статистика полностью подтверждает наличие устойчивых нарушений в сфере оплаты труда. По опубликованной на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики информации, к концу 2025 года объем просроченной задолженности по заработной плате достиг 2 072,2 млн рублей. Этот показатель более чем в 2,3 раза превысил статистические данные за 2024 год (1 770,4 млн рублей). Количество работников, перед которыми работодатели имеют задолженность, на конец 2025 года составило порядка 10,3 тысячи человек. о недостаточной эффективности указанных выше правовых механизмов свидетельствует и рост числа нарушений в области оплаты и нормирования труда, вы-

явленных в ходе специальных проверок: с 12,0 тыс. в 2024 году до 14,7 тыс. в 2025 году [9].

Во-вторых, на практике выявляются существенные пробелы и коллизии в правовом регулировании. Например, механизм индексации заработной платы, предусмотренной ст. 134 Трудового кодекса Российской Федерации (далее ТК РФ), для работодателей коммерческого сектора не содержит четкой, единой процедуры, что порождает многочисленные трудовые споры и позволяет недобросовестным работодателям уклоняться от исполнения данной обязанности [3].

В-третьих, трансформация рынка труда, связанная с появлением новых форм занятости (дистанционная работа, платформенная занятость, самозанятость), ставит перед законодателем новые задачи по адаптации традиционных подходов к регулированию оплаты труда к стремительно меняющимся реалиям.

Понимание современных проблем правового регулирования оплаты труда невозможно без ретроспективного анализа, поскольку действующий институт является продуктом сложной исторической трансформации, сохранившим в себе как прогрессивные нормы, так и отголосок прошлых эпох.

Для полноты картины следует отметить, что основы трудового законодательства в России начали формироваться еще в дореволюционный период. Промышленный подъем второй половины XIX в. и рост рабочего движения заставили правительство Российской империи обратить внимание на необходимость правового регулирования отношений между работниками и фабрикантами. Первые законодательные акты, такие как Закон от

01.06.1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» [10], касались в основном охраны труда детей и женщин. Вопросы оплаты труда регулировались разрозненно и фрагментарно, преимущественно через фабричные уставы и трудовые договоры (договоры личного найма), оставляя рабочего в районе уязвимом положении. Ключевым документом стало «Положение о государственном промысловом налоге» 1898 г. [9], которое обязывало работодателей выдавать рабочим расчетные книжки, фиксирующие условия найма и размер вознаграждения. Однако системного, кодифицированного законодательства, устанавливающего государственные гарантии по оплате труда, в имперской России так и не появилось. Регулирование носило патерналистско-полицейский характер, направленный скорее на предотвращение бутов, чем на создание справедливой системы вознаграждения.

Эволюцию российского законодательства об оплате труда в XX–XXI вв. можно условно разделить на три ключевых этапа:

- советский;
- постсоветский (переходный);
- современный.

Советский этап характеризуется тотальным государственным централизованным регулированием трудовых отношений. Начало этому этапу положил Кодекс законов о труде (КЗоТ) 1918 года, который впервые в истории России закрепил право на вознаграждение, устанавливаемое государственными тарифами, и отменил договорную свободу в этой сфере [4]. В период новой экономической политики (НЭП) КЗоТ 1922 года временно допустил элементы договорного регулирования зарплаты [6], однако с началом индустриализации и сворачиванием НЭПа государство окончательно монополизировало эту функцию. В условиях командной экономики заработная плата утратила свою классическую экономическую сущность и превратилась в инструмент государственного распределения и идеологического стимулирования.

Последующий постсоветский период был ознаменован отказом от старой централизованной модели. Первые шаги к либерализации начались еще в СССР с принятия Закона «О государственном предприятии (объединении)» 1987 года. Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445–2 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» предоставил предприятиям право самостоятельно устанавливать формы и системы оплаты труда [5]. Это был революционный шаг, однако он происходил в условиях правовой неопределенности и экономического коллапса.

Современный этап начался с принятия Трудового кодекса РФ (ТК РФ). Кодекс попытался найти компромисс между советским наследием в виде государственных гарантий и новыми рыночными реалиями, основанными на договорной свободе. Об этом свидетельствует тот факт, что за более чем 20 лет в него было внесено свыше 170 изменений.

Основополагающим законодательным термином является заработная плата. Согласно ст. 129 ТК РФ, «зара-

ботная плата — это вознаграждение за труд... а также компенсационные и стимулирующие выплаты» [3].

Сущность заработной платы раскрывается через ее функции: воспроизводственную, стимулирующую, социальную, регулирующую. В современных российских реалиях наблюдается явный дисбаланс этих функций: воспроизводственная функция реализуется не в полной мере из-за низкой покупательной способности МРОТ.

Правовое регулирование базируется на принципах: запрещение дискриминации (ст. 3 ТК РФ), обеспечение права на справедливую зарплату (ст. 2 ТК РФ), своевременность выплат (ст. 136 ТК РФ), обеспечение повышения уровня реального содержания зарплаты (ст. 134 ТК РФ), сочетание государственного и договорного регулирования (ст. 2 ТК РФ).

На практике доказать факт дискриминации крайне сложно. Ярким примером служит Решение Центрального районного суда г. Воронежа по делу № 2–70/2025, где суд отказал работнику во взыскании разницы в зарплате из-за отсутствия «убедительных доказательств дискриминации» [13].

Принцип обеспечения права на своевременную выплату нарушается систематически: просроченная задолженность по заработной плате на конец 2025 года составила 2072,2 млн рублей. Судебная практика подтверждает эффективность защиты: даже при выплате долга после суда работник имеет право на компенсацию морального вреда [10].

Принцип индексации долгое время был декларативным для коммерческого сектора. Верховный Суд РФ разъяснил: индексация — это обязанность работодателя даже при отсутствии локального акта.

Законодательство предусматривает многоуровневую систему ответственности:

1. Материальная ответственность наступает независимо от вины работодателя (ст. 236 ТК РФ). Механизм работает как компенсация, но его сдерживающий эффект слаб из-за незначительных сумм для крупных работодателей.

2. Административная ответственность предусмотрена ст. 5.27 КоАП РФ. Несмотря на наличие механизма ответственности, количество выявленных нарушений выросло с 12 тыс. до 14,7 тыс., что говорит о том, что штрафы не всегда останавливают работодателей [2].

3. Уголовная ответственность наступает при наличии корыстной заинтересованности (ст. 145.1 УК РФ). Однако примечание к статье позволяет избежать судимости при погашении долга до вынесения приговора, что снижает превентивный эффект нормы.

Государство формирует «фундамент» гарантий: устанавливает МРОТ (ст. 133 ТК РФ), определяет порядок индексации (ст. 134 ТК РФ).

Ключевой проблемой была структура МРОТ: включались ли районные коэффициенты? Точку поставил Конституционный Суд РФ (Постановление № 38-П), указав, что они должны начисляться сверх МРОТ [7].

Региональные соглашения о минимальной зарплате обязательны для всех работодателей региона (ст. 133.1 ТК РФ). Пример прямого действия этой нормы — Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска по делу № 2–870/2025: суд использовал региональный МРОТ для расчета задолженности работнику без трудового договора [15].

Обязанность индексации для коммерческого сектора порождает споры из-за отсутствия единого механизма. Верховный Суд РФ разъяснил: отсутствие локального акта не освобождает от обязанности индексировать зарплату.

Теоретически трудовой договор обеспечивает гибкость. На практике экономическое неравенство сторон превращает его в инструмент закрепления воли работодателя.

Основные проблемы:

1. «Серая» зарплата: работник лишается гарантий и не может доказать реальный заработок без косвенных улик (например, банковских выписок или справок о задолженности).

2. Манипуляция премиями: работодатели используют размытые формулировки для лишения премий без наложения дисциплинарного взыскания.

Важно: с 01.09.2025 вступили в силу поправки к ст. 135 ТК РФ (ФЗ № 144-ФЗ), которые установили четкие правила депремирования: ограничения по периоду и размерам снижения премий.

Суды требуют от работодателей строгой доказательной базы при депремировании (Решение Чебаркульского суда № 2–2786/2023) [12].

Локальные нормативные акты конкретизируют систему оплаты труда на предприятии.

Проблемы:

1. Одностороннее изменение ЛНА: работодатели меняют положения об оплате под предлогом «оптимизации», нарушая ст. 74 ТК РФ (Решение Ромненского районного суда Амурской области № 2–35/2025) [14].

2. Непрозрачность премирования: использование субъективных оценок для лишения премий недопустимо; основания должны быть четко прописаны во внутренних документах организации (Решение Мирнинского суда № 2-А-42/2025) [16].

Проведенное исследование позволяет сделать ряд ключевых выводов:

Современная модель регулирования оплаты труда — это сложный гибрид советской патерналистской системы и рыночных принципов. Анализ выявил существенный разрыв между законодательными нормами и их реализацией из-за правовой неопределенности и экономического неравенства сторон договора. Система юридической ответственности не справляется с превентивной задачей из-за низких штрафов и возможности избежать уголовного преследования путем погашения долга. Ключевые гарантии начинают полноценно работать только после вмешательства судебной власти. Именно суды выступают главным механизмом восстановления баланса интересов.

Для системного решения проблем предлагаются следующие меры:

- 1) внести изменения в ст. 129 ТК РФ о составе МРОТ;
- 2) установить «механизм по умолчанию» для индексации;
- 3) увеличить размеры административных штрафов;
- 4) ужесточить условия освобождения от уголовной ответственности;
- 5) дополнить ст. 135 ТК РФ требованием об обязательной конкретизации критериев премирования в ЛНА.

Системное решение лежит в плоскости превентивных мер: устранения правовых лазеек и развития реального социального партнерства для обеспечения соблюдения трудовых прав не только через суд, но и в повседневной практике трудовых отношений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Российская газета. — 2001. — № 256; Российская газета. — 2020. — № 73.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3; Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 51 (часть I). — Ст. 7491.
4. Кодекс законов о труде Р. С. Ф.С.Р. 1918 года (утратил силу) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. — 1918. — № 87–88. — Ст. 905.
5. Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445–1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1990. — № 30. — Ст. 418
6. Постановление ВЦИК от 09.11.1922 «О введении в Действие Кодекса законов о труде Р. С. Ф.С.Р. изд. 1922 г». (утратил силу) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. — 1922. — № 70. — Ст. 903.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 № 38-П по делу о проверке конституционности положений статей 129, 133 и 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. С. Гри-

- горьевой, О. Л. Дейдей, Н. А. Капуриной и И. Я. Кураш // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 51. — Ст. 7914.
8. О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах: Закон от 01.06.1982 (утратил силу) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. — Т. II. — № 931.
  9. Положение о государственном промысловом налоге: Закон от 08.06.1898 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. — Т. XVIII. — № 15601.
  10. О просроченной задолженности по заработной плате на конец декабря 2025 года // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/9_04-02-2026.html (дата обращения: 22.04.2026).
  11. Положение о государственном промысловом налоге: Закон от 08.06.1898 (утратил силу) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. — Т. XVIII. — № 15601.
  12. Решение Чебаркульского городского суда Челябинской области от 23.11.2023 по делу № 2-2786/2023. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Hc48oNrppo58/> (дата обращения: 22.04.2026).
  13. Решение Центрального районного суда г. Воронежа от 28.01.2025 по делу № 2-70/2025 (2-4175/2024). — Текст: электронный // Закон РФ. Правовая навигационная система: [сайт]. — URL: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-e5377c11-1eec-509a-ade4-4f22581303e1/> (дата обращения: 01.03.2026).
  14. Решение Ромненского районного суда Амурской области от 26.02.2025 по делу № 2-35/2025. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MAYycNIXOdg3/> (дата обращения: 22.04.2026).
  15. Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска от 24.03.2025 по делу № 2-870/2025. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OsSbMuDNWDYS/> (дата обращения: 22.04.2026).
  16. Решение Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 22.04.2025 по делу № 2-А-42/2025. — Текст: электронный // Закон РФ. Правовая навигационная система: [сайт]. — URL: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-459d1286-af2a-50af-9c61-0ad7620cabda/> (дата обращения: 22.04.2026).

Особенности исследования земельных участков

Варнаков Максим Геннадьевич, студент магистратуры
Восточно-Сибирский институт экономики и права (г. Иркутск)

В статье рассматриваются особенности исследования земельных участков как объектов земельных, гражданских и градостроительных правоотношений. Анализируются правовой статус участка, его пространственные и фактические характеристики, значение сведений ЕГРН, кадастровой документации и специальных знаний. Отдельное внимание уделяется судебной землеустроительной экспертизе, соотношению документальных и фактических данных, а также балансу частных и публичных интересов при исследовании земельных участков.

Ключевые слова: земельный участок, ЕГРН, кадастровый учет, землеустроительная экспертиза, границы участка, правовой режим земель.

Введение

Исследование земельных участков в современных условиях имеет важное значение не только для науки земельного права, но и для практики разрешения конкретных споров. Земельный участок является объектом, в котором одновременно соединяются частные интересы собственников и публичные интересы государства. Он может использоваться для строительства, ведения сельского хозяйства, размещения объектов инфраструктуры, рекреационных целей и иной деятельности. При этом именно в отношении земельных участков достаточно часто возникают споры о границах, площади, разре-

шенном использовании, кадастровой стоимости, наличии ограничений, сервитутов и иных обременений [1; 2; 6].

Актуальность темы объясняется тем, что исследование земельного участка нельзя свести только к получению выписки из Единого государственного реестра недвижимости. Сведения реестра имеют большое значение, но они не всегда позволяют полностью оценить правовой режим участка и фактическое состояние объекта. На практике приходится сопоставлять данные ЕГРН с правоустанавливающими документами, межевыми планами, градостроительной документацией, материалами кадастровых работ, актами органов публичной власти и фактическим использованием участка. Только такой комплексный

подход позволяет установить, соответствует ли документальная характеристика участка его реальному положению на местности [2; 3].

Особую значимость исследование земельных участков приобретает в судебной практике. Споры о наложении границ, реестровых ошибках, разделе земельных участков, доступе к участку или возможности его использования по назначению требуют не только юридической оценки, но и специальных знаний в области кадастровой деятельности, геодезии, землеустройства и картографии. Поэтому исследование земельного участка часто выходит за пределы обычного анализа документов и приобретает экспертный характер [4; 5; 7].

Цель исследования

Целью настоящего исследования является анализ особенностей исследования земельных участков, выявление его основных этапов и определение значения комплексного подхода при оценке правового режима, фактических характеристик и документального оформления земельного участка.

Результаты исследования

Первой особенностью исследования земельного участка является двойственная природа самого объекта. С одной стороны, земельный участок выступает частью земли как природного ресурса, который подлежит охране, рациональному использованию и государственному регулированию. С другой стороны, он является объектом недвижимости, в отношении которого могут возникать права собственности, аренды, сервитута и иные вещные или обязательственные права. Именно поэтому исследование земельного участка требует учета норм земельного, гражданского, градостроительного и процессуального законодательства [1; 6].

Правовой режим земельного участка раскрывается через совокупность юридически значимых характеристик. К ним относятся категория земель, вид разрешенного использования, целевое назначение, границы, площадь, наличие зарегистрированных прав, ограничений, обременений, зон с особыми условиями использования территории. Ни один из этих элементов сам по себе не дает полного представления об участке. Например, участок может быть поставлен на кадастровый учет и иметь зарегистрированного правообладателя, но при этом находиться в зоне с особыми условиями использования, что существенно ограничивает возможности строительства или иной хозяйственной деятельности [1; 2].

Первый этап исследования земельного участка обычно связан с установлением его правового статуса. Необходимо определить, сформирован ли участок как самостоятельный объект недвижимости, поставлен ли он на кадастровый учет, зарегистрированы ли права на него, имеются ли сведения о правообладателе, аренде, сер-

витуте, запрете регистрационных действий или иных ограничениях. Основным источником таких сведений является ЕГРН, правовой режим которого закреплен Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости» [2].

Однако сведения ЕГРН не всегда являются достаточными для полного исследования земельного участка. Реестровые данные могут быть неполными, устаревшими либо противоречить документам, на основании которых участок ранее формировался. Поэтому при наличии спора требуется анализировать не только выписку из ЕГРН, но и правоустанавливающие документы, межевые планы, технические материалы, акты органов местного самоуправления, схемы расположения земельных участков, документы территориального планирования и градостроительного зонирования. В отдельных случаях именно сопоставление этих документов позволяет выявить реестровую ошибку или иное нарушение прав заинтересованного лица [2; 3].

Второй блок вопросов связан с пространственными характеристиками земельного участка. Для правильного вывода недостаточно установить только кадастровый номер или зарегистрированную площадь. Необходимо определить фактическое местоположение границ, конфигурацию участка, наличие пересечений или наложений со смежными участками, соответствие фактического пользования данным кадастра, наличие доступа к участку, а также размещение на нем строений, сооружений и иных объектов. Эти обстоятельства имеют существенное значение как для собственника, так и для других лиц, чьи права могут быть затронуты [3; 7].

Пространственное исследование земельного участка невозможно провести только юридическими методами. Оно предполагает использование специальных знаний в области геодезии, кадастровой деятельности, землеустройства и картографии. Закон о кадастровой деятельности прямо исходит из того, что подготовка документов для кадастрового учета и уточнение характеристик объекта недвижимости требуют профессионального участия кадастрового инженера [3]. Поэтому в значительном числе случаев исследование земельного участка становится междисциплинарным: юрист оценивает правовой режим объекта, а специалист устанавливает технические и пространственные параметры.

Особое значение исследование земельных участков имеет при рассмотрении судебных споров. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривают возможность назначения экспертизы, если для установления обстоятельств дела требуются специальные знания [4; 5]. В земельных спорах такая необходимость возникает достаточно часто, поскольку суд не может самостоятельно определить координаты границ, наличие наложения, техническую возможность раздела участка или соответствие фактического использования документальным данным.

На практике судебная землеустроительная экспертиза востребована по делам об установлении и уточнении границ земельных участков, устранении реестровых ошибок, разделе участка, оспаривании результатов кадастровых работ, определении порядка пользования землей, проверке возможности использования участка по заявленной цели. Современные исследования показывают, что предмет такой экспертизы шире простого измерения границ. Эксперт фактически устанавливает связь между документальной историей участка, его современным правовым режимом и фактическим положением на местности [7; 8].

Еще одной особенностью исследования земельных участков является множественность источников информации. Качественное исследование начинается не с выезда на местность, а с подготовительной стадии. На этом этапе собираются документы, определяется их хронология, выявляются юридически значимые сведения, сопоставляются данные разных источников и формируется план дальнейшего исследования. Такой подход позволяет избежать поверхностных выводов и дает возможность понять, какие именно обстоятельства имеют значение для конкретного дела [7].

При этом универсального алгоритма, который одинаково подходил бы для всех земельных дел, не существует. Методика исследования зависит от предмета спора, поставленных вопросов, состава документов, истории формирования участка и особенностей территории. Например, исследование участка при споре о реестровой ошибке будет отличаться от исследования участка при разделе между собственниками. В первом случае ключевое значение имеют документы о формировании границ и кадастровые сведения, во втором — техническая возможность образования новых самостоятельных объектов и соблюдение требований законодательства [8; 9].

Самостоятельную проблему представляет соотношение документальных и фактических характеристик земельного участка. В правоприменении нередко встречаются ситуации, когда фактическое пользование землей длительное время не совпадает с реестровыми сведениями. Старые документы могут содержать описательные, а не координатные данные о границах, а современные сведения ЕГРН могут быть внесены на основании неполных или неточных материалов. В таких случаях исследование участка должно учитывать не только текущее состояние реестра, но и историю образования объекта [2; 7; 8].

Ретроспективный анализ особенно важен при спорах о реестровых ошибках и самовольном занятии земли. Чтобы сделать обоснованный вывод, необходимо понять, как формировался участок, какие документы являлись первоначальными, происходило ли объединение или раздел земельных участков, менялись ли границы, категория земли или вид разрешенного использования. Без такого анализа невозможно достоверно определить, идет ли речь об ошибке в документах, фактическом нарушении границ или изменении характеристик участка по объективным причинам [2; 8].

Исследование земельного участка также связано с оценкой его разрешенного использования. Вид разрешенного использования определяет пределы допустимого поведения правообладателя и влияет на возможность строительства, ведения хозяйственной деятельности, размещения объектов недвижимости. При этом необходимо учитывать не только сведения ЕГРН, но и правила землепользования и застройки, градостроительные регламенты, ограничения, установленные для конкретной территории. Иногда формально допустимое использование участка оказывается ограниченным публично-правовыми требованиями, что должно учитываться при правовой оценке [1; 6].

Отдельного внимания заслуживают ограничения и обременения земельного участка. К ним могут относиться сервитуты, аренда, ипотека, запреты регистрационных действий, охранные зоны, санитарно-защитные зоны, водоохранные зоны и иные зоны с особыми условиями использования территории. Такие ограничения способны существенно влиять на ценность участка и возможность его использования. Поэтому исследование земельного участка должно включать проверку не только зарегистрированных прав, но и публичных ограничений, которые могут вытекать из законодательства и документов территориального планирования [1; 2; 6].

Важной особенностью является баланс частных и публичных интересов. Результаты исследования земельного участка могут повлиять не только на права конкретного собственника или арендатора, но и на градостроительную политику, налоговое администрирование, охрану земель, доступ к инфраструктуре и развитие территории. Например, вывод о границе участка может затронуть права соседних правообладателей, а вывод о разрешенном использовании — интересы муниципального образования и неопределенного круга лиц. Поэтому исследование должно быть объективным, проверяемым и основанным на совокупности данных [1; 3; 6].

Для юридической практики это означает, что специалист, исследующий земельный участок, не должен ограничиваться одним документом. Выписка из ЕГРН, межевой план, старые правоустанавливающие документы, результаты геодезических измерений и градостроительные сведения должны оцениваться во взаимосвязи. Только такой подход позволяет установить реальное правовое и фактическое положение участка и снизить риск ошибочного вывода.

Практическая ценность комплексного исследования особенно заметна при подготовке к судебному спору. Если сторона заранее анализирует документы, выявляет противоречия, определяет необходимые доказательства и при необходимости привлекает специалиста, ее позиция становится более обоснованной. Напротив, поверхностная оценка участка часто приводит к тому, что спор затягивается, назначаются дополнительные экспертизы, а выводы сторон оказываются неподтвержденными.

Таким образом, исследование земельного участка представляет собой не единичное действие, а последова-

тельный процесс установления его правового режима, истории формирования, фактических границ, допустимого использования и связи с другими объектами недвижимости. Чем полнее учитываются правовые, кадастровые, градостроительные и фактические сведения, тем выше вероятность принятия законного и обоснованного решения как во внесудебном порядке, так и в суде.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что земельный участок является сложным объектом правового анализа. Его особенности определяются двойственной природой: он одновременно выступает природным ресурсом и объектом недвижимости, участвующим в гражданском обороте.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ: в действующей редакции // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
2. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ: в действующей редакции // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 29 (ч. I). — Ст. 4344.
3. О кадастровой деятельности: Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ: в действующей редакции // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 31. — Ст. 4017.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ: в действующей редакции // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ: в действующей редакции // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
6. Карагадян В. Д. Правовой режим земельного участка как объекта земельных правоотношений // Экологическое право. — 2025. — № 2. — С. 7–12. — DOI: 10.18572/1812–3775–2025–2–7–12.
7. Самойленко Д. В. Процесс производства судебной землеустроительной экспертизы: подготовительные работы // Международный агрокультурный журнал. — 2024. — № 4. — С. 1265–1283. — DOI: 10.55186/25880209_2024_8_4_9.
8. Пархоменко Д. В. Землеустроительная экспертиза дел, связанных с комплексным развитием территории // Вестник СГУГиТ. — 2024. — Т. 29. — № 5. — С. 158–166. — DOI: 10.33764/2411–1759–2024–29–5–158–166.
9. Пархоменко Д. В. Обзор методик проведения судебной землеустроительной экспертизы // Вестник СГУГиТ. — 2024. — Т. 29. — № 4. — С. 167–177. — DOI: 10.33764/2411–1759–2024–29–4–167–177.

Проблемы использования искусственного интеллекта при осуществлении предпринимательской деятельности в Российской Федерации

Викулов Егор Дмитриевич, студент магистратуры
Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

В настоящей статье автор исследует актуальные вопросы, связанные с применением технологий нейронных сетей при осуществлении предпринимательской деятельности. На современном этапе действующее российское законодательство в области использования искусственного интеллекта имеет ряд недостатков. Автор проводит анализ нормативно-правовых актов, судебной практики и научных трудов, на основе чего выделяет и рассматривает основные проблемы, с которыми предприниматель может столкнуться, применяя в своей коммерческой деятельности различные технологии искусственного интеллекта. Актуальность выбранной темы обусловлена повышением спроса на использование нейронных сетей субъектами предпринимательской деятельности. В заключение статьи автор предлагает не-

Исследование земельного участка требует комплексного подхода. Оно включает анализ правового статуса, сведений ЕГРН, правоустанавливающих документов, фактических границ, разрешенного использования, ограничений, обременений и истории формирования объекта. При этом во многих случаях юридический анализ должен сочетаться со специальными знаниями в области кадастровой деятельности, землеустройства и геодезии.

Особое значение исследование земельных участков имеет в судебной практике, где от полноты и достоверности выводов зависит правильное разрешение споров о границах, реестровых ошибках, разделе участков и допустимом использовании земли. Именно поэтому комплексный и проверяемый подход к исследованию земельных участков является необходимым условием защиты прав граждан, организаций и публичных интересов.

сколько мер, направленных на решение выявленных пробелов законодательства, а также оставляет рекомендации субъектам бизнеса.

Развитие технологий, в том числе компьютерных, привело к появлению так называемого искусственного интеллекта. На современном этапе всё чаще предприниматели используют нейронные сети при осуществлении своей деятельности. Например, бизнес-субъекты генерируют рекламные изображения и тексты, направленные на увеличение объёма потребителей своего товара и (или) услуг.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что искусственный интеллект необходимо использовать так, чтобы не нарушать права и законные интересы конкурентов, потребителей и иных лиц. Итак, в качестве основных проблем использования нейронных сетей, как нам кажется, можно выделить следующие:

- нарушение авторских и иных смежных с ними прав (например, когда при создании изображения-рекламы своего товара используются чужие объекты авторского и иных смежных прав) [1, с.58];

- нарушение прав потребителей (в случаях, когда сгенерированное изображение товара не соответствует его реальным характеристикам и вводит покупателя в заблуждение);

- нарушение договорных обязательств об оказании услуг в части добросовестности и качества их исполнения (когда предприниматель оказывает услуги, используя нейросети, при этом результат не удовлетворяет заказчика);

- отсутствие законодательно закреплённого обязательства маркировать контент, который был создан с использованием искусственного интеллекта.

Теперь, когда мы обозначили общие контуры исследуемой проблематики, следует детально разобрать каждый аспект, в том числе в разрезе сложившейся судебной практики.

Итак, говоря о нарушении авторских прав и иных смежных с ними прав, следует отметить общую позицию российских судебных инстанций, согласно которой автором любого видео-, фото-, изображения может выступать только человек (только он обладает правосубъектностью), а нейросеть в таком случае является лишь инструментом. Вместе с тем, по иным вопросам, связанным с нарушением авторских прав при использовании искусственного интеллекта, суды не всегда «приходят к общему знаменателю», что обусловлено уникальностью каждого конкретного кейса.

Так, показательным является дело № А22-2210/2025 [2]. Как следует из материалов дела, истец разместил на маркетплейсе «Wildberries» женские костюмы на продажу, сопроводив их 11 фотографиями. На фотографиях была изображена модель (девушка), одетая, соответственно, в костюмы. Вместе с тем, ответчик по делу без разрешения правообладателя (истца) взял данные фотоизображения, переработал их посредством искусственного интеллекта, изменив лицо модели и цвет самого товара. Ответчик

также разместил на ранее упомянутом маркетплейсе товар, аналогичный товару истца, сопроводив его фотографиями, полученными в результате обработки изображений, уже используемых истцом. В свою очередь, истец, увидев, что его права нарушают, направил ответчику досудебную претензию о прекращении нарушения исключительных прав и выплате компенсации. Не получив на неё никакого ответа, истец обратился в суд. Ответчик не предоставил доказательств, которые опровергли бы принадлежность спорных фотографий. Суд обязал ответчика выплатить истцу компенсацию. Таким образом, применение индивидуальным предпринимателем искусственного интеллекта для генерации изображения своего товара на базе чужих фотографий и товара привело к нарушению чужого исключительного права.

Важным аспектом использования нейронных сетей при генерации изображений товара и (или) услуги является достоверность, то есть реальная информация, в том числе визуальная составляющая (размер, цвет, форма и другие значимые характеристики). В меню кафе, ресторанов согласно статье 9 Закона «О защите прав потребителей» также должна быть размещена необходимая и достоверная информация о товаре (вес блюда, ингредиенты, сервировка) [3]. Принимая во внимание тот факт, что существует множество различных нейронных сетей, каждая из которых имеет свои технические характеристики (код, базы данных и др.), становится очевидным, что две разные нейронные сети при введении текстуально одинаковых запросов (промтов) создадут в известной степени отличные друг от друга картинки. При этом недостоверные сведения о товаре нарушают права потребителей, что приводит к негативным последствиям как для продавца, так и для покупателя. Так, в качестве примера приведем два изображения, созданных по запросу «бургер с говяжьей котлетой». Первое изображение (Рис. 1) создано с помощью нейросети «ruGPT» в разделе «Составить меню». В свою очередь, второе изображение (Рис. 2) было создано в нейронной сети «Шедеврум».

Как наглядно видно, изображения отличны (количество котлет, степень прожарки котлет, холопенье в первом случае и его отсутствие во втором). Несмотря на тот факт, что значительная часть кафе, ресторанов и других заведений общественного питания при создании меню используют профессиональных фотографов, существует и практика применения искусственного интеллекта для создания изображений.

Другим проблемным аспектом является спор о качестве и добросовестности услуг, оказанных с использованием нейронных сетей. Так, в разрезе озвученной проблемы примечательно дело № А56-102880/2024 [4]. Истец, ссылаясь на положения статей 178 и 180 Гражданского Кодекса Российской Федерации, требовал признать заключенный договор недействительным, применить к нему

Рис. 1

Рис. 2

последствия недействительной сделки [5]. Как следует из материалов дела, между истцом и ответчиком был заключен договор об оказании консультационных услуг. Из акта № 7 следует, что услуги были оказаны своевременное, в полном объеме, истец не имел претензий по качеству и сроку оказания услуг. Однако впоследствии истец отказался оплачивать оказанные ему услуги, ссылаясь на то обстоятельство, что ответчик при составлении консультаций (рекомендаций) использовал нейросеть, предназначенную для генерирования текстов и презентаций, что свидетельствует о некомпетентности ответчика, отсутствия профессионализма. При этом доказательств недобросовестности в действиях ответчика при заключении договора, преследование им противоправных целей, сокрытие фактов об отсутствии специальных познаний в области оказываемых услуг по договору, не представлено. Суд пришёл к выводу о том, что само по себе использование нейросети не является доказательством некачественности оказанной услуги, равно как и не является свидетельством некомпетентности ответчика. Таким образом, иск был отклонен.

Последние годы в профессиональных кругах юристов (практиков, ученых, депутатов) активно обсуждается вопрос о необходимости маркировки контента, созданного с помощью искусственного интеллекта. Так, относительно недавно на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект № 1069302–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в части обязательной маркировки видеоматериалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта)» [6]. Проанализировав пояснительную записку к данному законодательному проекту, можно сделать вывод о том, что его цель — это предоставлять конечным пользователям происхождение информации, что, по замыслу законодателей, защитит потребителей (потребителей) от возможного манипулирования посредством дипфейков и иного синтетического контента. Однако на 16 апреля 2026 году законопроект ещё

рассматривается, а юристы-практики, ученые, депутаты не могут прийти к общему мнению касательно необходимости принятия такого закона. Так, консультант по ИИ Администрации Президента Российской Федерации Андрей Комиссаров полагает, что главной проблемой рассматриваемого законопроекта заключается в том, что разные типы генерируемого контента требует, соответственно, дифференциации в типах их регулирования [7]. Заметим, что на ряде зарубежных платформ (запрещенных в Российской Федерации Youtube, Meta) используется специальная маркировка ии-контента, однако это обусловлено внутренними правилами платформы и соответствующим зарубежным законодательством. Эффективность данного механизма можно оценить только «на дистанции», то есть по прошествии хотя бы трёх-четырёх лет.

Итак, резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

- 1) В настоящий момент нет единого подхода к вопросу о необходимости маркировки ии-контента в Российской Федерации;
- 2) При использовании нейронных сетей могут быть нарушение авторские и иные смежные с ними права;
- 3) Генерация изображений искусственным интеллектом при последующем их использовании в коммерческих целях может нарушать права потребителей в части получения достоверной информации о товаре;
- 4) Использование нейронных сетей при оказании услуг может стать предметом спора относительно их качества и добросовестности.

Вместе с тем, считаем необходимым обозначить следующие рекомендации предпринимателям, которые используют или планируют использовать нейронные сети при осуществлении своей деятельности:

- 1) При составлении договора об оказании услуг, где Вы являетесь исполнителем, заранее обговорите с Заказчиком возможность использования нейронных сетей. В частности, можно использовать в договоре следующие формулировки: «Исполнитель при оказании услуг Заказ-

чику может использовать нейронные сети, при этом гарантируя, что права третьих лиц не будут нарушены, а качество таких услуг не ухудшится...»;

2) Не используйте объекты чужих авторских прав (персонажи, фотографии, дизайны) без разрешения пра-

вообладателей и не пытайтесь сгенерировать свои собственные объекты на основе обработки чужих объектов, в том числе используя нейронные сети;

3) Перепроверяйте ии-контент перед публикацией, в частности, при создании меню или каталога товаров.

Литература:

1. Жукова А. Е., Куров А. Е. Цифровой успех ChatGPT: кому принадлежит право на результат интеллектуальной деятельности // Вестник юридического факультета Южного Федерального университета. 2023. № 2. — С. 57–63.
2. Решение Арбитражного Суда Республики Калмыкия. Дело № А22–2210/2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e82403a8-47a1-453a-828c-bf8a0bd3a966/9f9b3319-b31b-4967-ad75-b854ca0d09a8/A22-2210-2025_20250804_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 16.04.2026).
3. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/e96b1cbe2a0795305a08c97b1a7f34ddab4ae908/ (дата обращения: 16.04.2026).
4. Решение Арбитражного Суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Дело А56–102880/2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://legicon.ru/file/leg/12.11a56-102880-2024_20250204_reshenie.pdf (дата обращения: 16.04.2026).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8d8cd335130f04a7036c1eb50fff606c93fc643a/ (дата обращения: 16.04.2026).
6. Законопроект № 1069302–8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в части обязательной маркировки видеоматериалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта). [Электронный ресурс]. https://sozd.duma.gov.ru/bill/1069302-8#bh_note (дата обращения: 16.04.2026).
7. Российская ежедневная деловая газета «Ведомости». Почему в Госдуме сочли избыточной маркировку ИИ-контента. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/04/16/1190687-gosduma-sochla-izbitochnoi-markirovku-dipfeikov> (дата обращения: 16.04.2026).

Добросовестность в предпринимательском праве

Волкова Таисия Михайловна, студент
Тульский государственный университет

Добросовестность является одним из принципов, в соответствии с которым осуществляется регулирование предпринимательских правоотношений. Термин «добросовестность» широко применяется в российском законодательстве, но его понятие так и не закреплено. К тому же принцип добросовестности надо рассматривать не только в субъективном и объективном смысле, но также через призму статистики и динамики. В законе добросовестность, зачастую, трактуется узко и связана с неправомерным поведением субъекта.

Ключевые слова: предпринимательское право, принцип, добросовестность, субъект, недобросовестность, добропорядочность.

И. В. Ершова определяет принципы предпринимательского права как основополагающие начала, пронизывающие весь массив правовых норм [12]. В современных реалиях функционирования гражданского оборота особое значение приобретает принцип добросовестности — фундаментальное начало предпринимательского права. Актуальность данного вопроса обусловлена

тем, что дефицит добросовестности и пренебрежение этико-правовыми стандартами поведения выступают основными причинами ненадлежащего исполнения договорных обязательств субъектами бизнеса.

Наблюдается негативная тенденция снижения уровня добровольного исполнения договорных обязательств. Хозяева субъектов зачастую используют пробелы

в нормах и правовые коллизии в качестве формального основания для одностороннего отказа от исполнения обязанностей. При этом реализация права на судебную защиту осложняется многоступенчатостью арбитражного процесса, а наличие итогового судебного акта, в силу проблем исполнительного производства, не всегда выступает гарантией фактического восстановления нарушенного права.

Анализ доктринальных источников подтверждает, что в основе нормативного регулирования предпринимательской деятельности лежат фундаментальные отраслевые принципы. Особое место в системе этих правовых начал занимает принцип добросовестности, определяющий этические и юридические границы поведения субъектов.

Генезис категории «добросовестность» неразрывно связан с историческим критерием «добрых нравов», который на протяжении столетий выступал этико-правовым фундаментом различных правовых семей. Данная преемственность восходит к классической римской традиции и фундаментальному принципу «*bona fides*», заложившему основу для современной интерпретации честного поведения в праве [10].

В действующем гражданском законодательстве отсутствует легальная дефиниция добросовестности. Пленум Верховного Суда РФ в своих разъяснениях предлагает квалифицировать поведение как добросовестное через призму ожидаемого стандарта действий участника оборота, предполагающего учет интересов контрагента и взаимное содействие [7]. Тем не менее, данные указания носят оценочный характер и не исчерпывают сущности анализируемой категории. Это обуславливает необходимость обращения к доктринальным источникам и трудам ученых-правоведов для концептуального осмысления содержания и значения принципа «добросовестности».

Анализ доктринального наследия М. М. Агаркова позволяет раскрыть сущность категории добросовестности: «начало доброй совести, введенное в надлежащие рамки, означает не что иное, как честность в отношениях между людьми. Оно означает, что каждый должен оправдать то доверие, без которого невозможно совершение гражданских сделок. Начало доброй совести означает борьбу с прямым или косвенным обманом, с использованием чужого заблуждения или непонимания» [9]. Опираясь на воззрения ученого, можно констатировать, что в предпринимательской сфере данный принцип трансформируется в требование неукоснительного соблюдения условий договора. Таким образом, добросовестность выступает этико-правовым регулятором, обязывающим каждого участника оборота действовать так, чтобы соответствовать обоснованным ожиданиям и уровню доверия своего контрагента.

Если проанализировать действующее законодательство, то можно увидеть, что принцип добросовестности имеет фундаментальное значение для системы гражданского права. Данное положение находит свое отражение в пункте 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской

Федерации (далее — ГК РФ), закрепляющем презумпцию добросовестности и разумности действий участников гражданских правоотношений [2].

Более глубокое понимание содержания добросовестности обеспечивается через системную связь с пунктом 1 статьи 401 ГК РФ. Несмотря на отсутствие в данной норме прямого упоминания термина «добросовестность», она устанавливает критерии невинности лица, основанные на проявлении им должной степени заботливости и осмотрительности. Таким образом, стандарт добросовестного поведения отождествляется с принятием субъектом всех необходимых мер для надлежащего исполнения обязательства.

Также ценную информацию в понимании смысла добросовестности несет Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [3]. Несмотря на отсутствие прямой дефиниции добросовестности, законодатель раскрывает содержание данной категории через её противопоставление — недобросовестную конкуренцию. В этом контексте недобросовестность интерпретируется как стремление к получению необоснованных конкурентных преимуществ путем причинения вреда иным участникам рынка с использованием противоправных или неэтичных методов [13]. Таким образом, содержательное наполнение добросовестности выводится методом исключения негативных моделей поведения.

При квалификации действий субъекта как недобросовестных принципиальное значение приобретает внутренняя мотивация и целеполагание. Само по себе стремление к увеличению прибыли является легитимной целью предпринимательства и не может быть отождествлено с недобросовестностью. Однако, если в основе стратегии лежит намерение извлечь необоснованные преимущества за счет ущемления интересов иных лиц, правомерно говорить о дефекте воли. Таким образом, субъективный критерий, включающий в себя осознание неправомерности своих действий и специфическую направленность умысла, выступает решающим фактором в правовой оценке поведения.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что в ряде нормативных актов добросовестность отождествляется с ответственным исполнением обязательств. Зачастую именно этот критерий становится фундаментом для признания права за субъектом [14]. Показательным примером служит механизм виндикации (ст. 301–302 ГК РФ): при истребовании имущества у незаконного владельца суд не смотрит на незаконность права владения вещью, а исследует субъективную сторону приобретателя. Установление факта добросовестности фактически легитимирует владение, в основном суду достаточно разобраться в одном только вопросе: «Действовал ли он добросовестно?». Таким образом, добросовестность выступает в роли особого правового защитного механизма, который позволяет субъекту сохранить свое положение даже в споре с лицом, обладающим формально безупречным правом

Фундаментальной проблемой категории «добросовестность» выступает отсутствие унифицированной легальной дефиниции и четких критериев стандартов поведения. Оценочная природа данного принципа обуславливает относимость его восприятия: действия, квалифицируемые одним субъектом как добросовестные, могут интерпретироваться контрагентом как неправомерные. Существующие в ГК РФ подходы, связывающие добросовестность преимущественно с информированностью лица о тех или иных фактах (субъективный критерий), носят фрагментарный характер и не отражают всего многообразия проявлений этого принципа в гражданском обороте.

Отсутствие законодательно закрепленной дефиниции добросовестности наделяет правоприменителя широкими полномочиями по интерпретации данной категории. Это порождает фундаментальный вопрос об ценностном фундаменте такой оценки: должен ли суд руководствоваться субъективными моральными установками, аккумулировать этические стандарты всего общества или опираться на доктринальные позиции авторитетных представителей науки и общественности? Решение проблемы выбора между субъективным восприятием судьи и поиском «усредненного» социального идеала остается за рамками нормативного регулирования

Исследование принципа добросовестности целесообразно проводить, охватывая не только его субъективный и объективный смыслы, но и анализируя через призму статического закрепления в нормах и динамической реализации в правоотношениях. В качестве иллюстрации обратимся к Федеральному закону от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [4]. Несмотря на отсутствие упоминаний добросовестности, содержание данного закона, в частности статья 14, регламентирующая основания для отказа в предоставлении лицензии, закрепляет принцип равенства всех соискателей перед лицензирующим органом, что является одним из проявлений объективной добросовестности в публично-правовой сфере:

- предоставление недостоверной или искаженной информации;
- несоответствие соискателя лицензии лицензионным требованиям;
- если в отношении соискателя лицензии имеется решение об аннулировании ранее выданной лицензии на тот вид деятельности, который указан в заявлении соискателем лицензии.

Подобные нормы закрепляет в себе Федеральный закон от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [5]. В рамках законодательного регулирования государство стремится к максимальной объективизации процесса принятия решений, минимизируя влияние субъективных факторов. Это подразумевает, что принцип добросовестности применим не только к участникам предпринимательских правоотношений, но и явля-

ется императивным требованием к деятельности органов государственной власти.

В соответствии с пунктом 4 статьи 20.3 Федерального закона от 26 октября 2002 года «О несостоятельности (банкротстве)» [6] на арбитражного управляющего императивно возложена обязанность действовать разумно и добросовестно в интересах должника, кредиторов и общества. Примечательно, что даже последующее одобрение его действий комитетом или собранием кредиторов не является основанием для исключения недобросовестности или неразумности. Данный законодательный акт последовательно устанавливает требование добросовестного поведения для арбитражных управляющих и других субъектов, участвующих в «банкротных» процедурах (пункт 4 статьи 20, пункт 15 статьи 25.1). Вместе с тем, в упомянутом законе отсутствует прямое указание на добросовестность поведения самого должника

В правоприменительной практике судов Российской Федерации прослеживается двойственное понимание роли правовых принципов: они либо позиционируются как фундаментальная основа публичного порядка государства (включая принцип добросовестности), либо сам правопорядок через призму системы принципов гражданского права [8].

В трактовке Г. А. Гаджиева принцип добросовестности определяется как совокупность норм, призванных регулировать правовые отношения как между субъектами договорных обязательств, так и с органами государственной власти. Автор утверждает, что при осуществлении правового регулирования законодатель обязан руководствоваться презумпцией добросовестности предпринимателя и налогоплательщика, которая логически вытекает из содержания статей 49 и 54 Конституции Российской Федерации» [1]. Государство не вправе конструировать юридическую или налоговую систему, основываясь на предположении о недобросовестности или незаконопослушности субъектов экономических отношений [11]. Из этого следует, что принцип добросовестности должен быть интегрирован на самой ранней стадии нормотворчества, а затем последовательно реализован всеми участниками предпринимательских правоотношений.

Субъект предпринимательской деятельности способен к добросовестному поведению лишь при условии осознания потенциального ущерба интересам и субъективным правам других лиц, а также последующей корректировки своих действий на основе такого прогнозирования. Отсюда следует вывод, действовать добросовестно может только разумный человек.

Принимая во внимание значимость добросовестного поведения в предпринимательской среде, актуализируется потребность в совершенствовании гражданского законодательства. Предлагается ввести в правовые нормы конкретные критерии, которые позволят объективно оценивать поведение как разумное и добросовестное либо неразумное и недобросовестное.

В частности, требуется детализация действующего гражданского законодательства путем включения четырех критериев, которые обеспечат объективную оценку поведения с позиций его разумности и добросовестности.

Первичный критерий базируется на оценке должной осмотрительности субъекта, выраженной в принятии им всех мер, которые объективно могли быть реализованы в данных фактических обстоятельствах.

Второй критерий устанавливает стандарт функциональной необходимости действий, признавая обязательным принятие того комплекса мер, отсутствие которых делает объективно невозможным достижение искомого правового результата.

Телеологический критерий (целеполагание) предполагает анализ внутренней мотивации субъекта при реализации его прав. В то время как максимизация прибыли признается имманентной и легитимной целью предпринимательства, добросовестность данного стремления нивелируется, если в основе действий лежит намерение извлечь необоснованные преференции путем сознательного нарушения баланса интересов. В таких случаях достижение социально-негативного или неправомерного результата за счет контрагента квалифицируется как дефект воли и недобросовестность.

Четвертый критерий — необходимость осуществлять субъективные права так, чтобы не нарушать и не ущемлять права и законные интересы других участников предпринимательского оборота.

Совокупность указанных критериев позволит квалифицировать то или иное поведение как разумное и добросовестное.

Требуется концептуальный пересмотр методологии нормотворчества в сфере регулирования предпринимательской деятельности. Учитывая, что добросовестность по своей сути выступает стандартом позитивного поведения, целесообразно сместить акцент в правовом инструментарии с императивных запретов на управомочивающие и диспозитивные нормы. Такой подход позволит более эффективно стимулировать надлежащее поведение участников оборота.

В связи с этим делается вывод об универсальном характере исследуемого принципа: в предпринимательском праве добросовестность регулирует не только горизонтальные связи, но и вертикальные правоотношения, возникающие в процессе взаимодействия бизнеса с органами государственной власти.

Важной теоретической задачей является уточнение дефиниций принципа добросовестности в рамках предпринимательского права через призму его дуалистической природы. В объективном аспекте добросовестность выступает фундаментом деятельности органов государственной власти всех уровней, предполагая их институциональное устройство на началах честности, открытости и этической безупречности. В субъективном аспекте добросовестность раскрывается через внутреннее отношение субъекта к совершаемым действиям. Она выражается в отсутствии осознания противоправности собственного поведения и наличии такого этико-правового ценза, при котором лицо, будучи осведомленным о потенциальной неправомерности акта, воздержалось бы от его совершения из соображений юридической честности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7279>
3. Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 24.06.2025). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24149>
4. Федеральный закон от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/33139>
5. Федеральный закон от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17299>
6. Федеральный закон от 26 октября 2002 года «О несостоятельности (банкротстве)». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18779>
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8435/>
8. Постановление Президиума Верховного Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 сентября 2013 года № 14917/11. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/arbitration/17235/>
9. Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2002. Т.2. С. 361–385. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000983777_171545/
10. Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. — Москва: Юрид. лит., 1989. — 447 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001455693>

11. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. 2002. № 7. С. 54–62. URL: <https://publications.hse.ru/articles/85509287>
12. Ершова И. В. Предпринимательское право: учебник для бакалавриата и специалитета. — 2-е изд., перераб. и доп. М: Проспект. 2020. 265 с. URL: <https://books.yandex.ru/books/E2tUN0Xb>
13. Петров, Д. А. Недобросовестная конкуренция: понятие и признаки / Д. А. Петров // Конкурентное право. — 2015. — № 4. — С. 34–36. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25028575>
14. Рустамова, С. М. О некоторых аспектах защиты прав и законных интересов предпринимателей / С. М. Рустамова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2014. — № 2. — С. 75–77. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=shrqnn>

Проблемы при возбуждении уголовного дела в системе российского судопроизводства

Гаврилов Александр Ильич, студент
Московский государственный юридический университет

Статья посвящена комплексному анализу теоретических и практических проблем, возникающих на стадии возбуждения уголовного дела в Российском уголовном процессе.

Цель: выявление ключевых коллизий и пробелов в правовом регулировании стадии возбуждения уголовного дела, порождающих трудности в правоприменительной практике, а также разработка предложений по оптимизации доследственной проверки.

Методы: методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, индукция), а также специальные юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и метод правового моделирования.

Результаты: в ходе исследования установлено, что стадия возбуждения уголовного дела характеризуется дисбалансом между сжатыми процессуальными сроками и широким объемом проверочных действий. Выявлены типовые нарушения, связанные с необоснованными отказами в возбуждении дела, а также недостаточной четкостью критериев «достаточных данных», указывающих на признаки преступления.

Выводы: проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости реформирования стадии возбуждения уголовного дела. Обосновывается отказ от избыточных проверочных процедур в пользу полноценных следственных действий при одновременном усилении прокурорского надзора и судебного контроля за законностью отказных решений.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, стадия уголовного процесса, доследственная проверка, отказ в возбуждении уголовного дела, повод и основание, процессуальные сроки, прокурорский надзор, следственные действия.

Типовые правоприменительные ошибки и процессуальные дефекты на стадии возбуждения уголовного дела концентрируются вокруг трёх взаимосвязанных блоков: нарушения при приёме и регистрации сообщения о преступлении, дефекты проверки сообщения (объём, сроки, допустимые действия, оформление), а также пороки итогового процессуального решения (мотивировка, юридическая квалификация, соблюдение компетенции и уведомление заинтересованных лиц). В данной статье мы рассмотрим первый из вышеперечисленных блоков.

На уровне правовой природы стадии эти ошибки объясняются высоким уровнем усмотрения при оценке «достаточных данных», ограниченностью процессуальных статусов участников и организационной зависимостью должностных лиц от показателей ведомственного контроля, вследствие чего практические решения иногда смещаются в сторону формальной минимизации нагрузки

либо искусственного «удержания» материала в доследственной форме вместо возбуждения дела.

Системное значение этих дефектов проявляется в том, что они затрудняют доступ граждан к правосудию, увеличивают количество отмен постановлений об отказе, провоцируют повторные проверки и подрывают доверие к публичному уголовному преследованию, что прямо корреспондирует предмету судебного контроля по ст. 125 УПК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ о допустимости обжалования бездействия и решений, препятствующих реализации прав [1].

Первый и наиболее конфликтный тип дефектов связан с приёмом и регистрацией сообщений о преступлениях: отказ в приёме, регистрация обращения как «непроцессуального» письма, несоблюдение учётных процедур, формирование «параллельного» документооборота вне книги регистрации, а также волокита при исполнении судебных актов, обязывающих зарегистрировать сообщение и про-

вести проверку. Нормативная обязанность принять и проверить сообщение о любом совершённом или готовящемся преступлении закреплена в ст. 144 УПК РФ, а нарушение этого требования формирует ситуацию правовой неопределённости, когда лицо не получает постановления по ст. 145 УПК РФ и фактически лишается возможности содержательного обжалования [2]. В своем публичном выступлении Генеральный прокурор России отметил, что прокуроры продолжают вскрывать случаи укрывательства преступлений органами предварительного расследования; сообщения о преступлениях либо не регистрируются, либо гражданам отказывают в приеме заявлений. Кроме того, заявителей нередко склоняют к изменению показаний на некриминальные версии

Организационные регламенты ведомственного уровня (для МВД России и Следственного комитета России) призваны обеспечить единообразие регистрации и контроль сроков, однако они не могут заменять процессуальные требования УПК РФ и должны рассматриваться как инструмент обеспечения законности, а не как основание для «выведения» сообщения из уголовно-процессуальной сферы.

В доктрине обращается внимание, что именно нерегистрация и «замещение» процессуальной проверки перепиской выступают источником последующих нарушений сроков и качества проверки, поскольку без процессуального статуса материала невозможно обеспечить ни надзорную, ни судебную проверяемость действий должностного лица [3].

К примеру, по делу № 2А-1730/2025 Арзамасский городской суд Нижегородской области рассматривал административный спор о признании незаконным бездействия руководителя следственного органа, выразившегося в волоките исполнения вступившего в силу апелляционного постановления, которым следственный орган был обязан зарегистрировать заявление о преступлении в книге регистрации и провести процессуальную проверку [4].

Фабула фиксирует типовую для начального этапа ситуацию: после судебного акта, принятого по жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ, регистрация заявления и запуск проверки были осуществлены с существенной задержкой, что повлекло нарушение сроков проверки и ограничение доступа заявителя к правосудию. Аналитически данный пример демонстрирует, что процессуальный дефект возникает не только в форме прямого отказа в регистрации, но и в форме «отложенной регистрации», когда обязанность, подтверждённая судебным актом, исполняется с опозданием и тем самым фактически снижает эффек-

тивность судебного контроля: при задержке регистрации смещаются сроки проверки, затрудняется фиксация исходных обстоятельств и увеличивается вероятность формального отказа по мотиву недостаточности данных. Правовая оценка подобных ситуаций должна исходить из того, что регистрация сообщения и своевременное принятие решения по ст. 145 УПК РФ выступают гарантийным минимумом стадии возбуждения, поскольку только при наличии процессуального решения возможны прокурорский надзор и судебная проверка по существу доводов заявителя.

Предложения по совершенствованию законодательства и практики возбуждения уголовного дела должны исходить из выявленных в предыдущих параграфах проблем: нерегистрация сообщений о преступлениях, формальные и повторяющиеся постановления об отказе, затягивание сроков проверки, подмена расследования длительной доследственной деятельностью, недостаточная мотивированность процессуальных решений и сложность разграничения предмета прокурорского и судебного контроля. Устранение этих дефектов требует комплексного подхода, сочетающего точечные изменения уголовно-процессуального законодательства, корректировку ведомственных регламентов и внедрение организационно-методических стандартов, ориентированных на воспроизводимость и проверяемость решений.

Основное направление совершенствования связано с уточнением законодательной конструкции «достаточные данные, указывающие на признаки преступления». Действующая формула в ст. 140 УПК РФ носит оценочный характер и оставляет значительный объём усмотрения, что при отсутствии единых методических ориентиров порождает как преждевременные отказы, так и необоснованное возбуждение дел.

Представляется целесообразным законодательное дополнение ст. 140 УПК РФ примечанием либо отдельной нормой, раскрывающей критерии минимальной достаточности данных через указание на необходимость установления объективных признаков события (время, место, способ, последствия), их первичное подтверждение и логическую связь с признаками состава преступления. Такое уточнение не должно превращать стадию возбуждения в мини-расследование, однако позволит унифицировать практику оценки основания и снизить долю формальных отказов, основанных на неполноте проверки. Ожидаемым результатом станет повышение предсказуемости правоприменения и снижение количества отмен постановлений прокурором и судом.

Литература:

1. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 г. № 1 // Российская газета. — 2009. — № 27.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Российская газета. — 2001. — № 249

3. Седякина Н. А. Нарушение прав заявителя при отказе в регистрации сообщения о преступлении // Молодой ученый. — 2023. — № 28. — С. 172–173.
4. Решение Арзамасского городского суда Нижегородской области от 19.08.2025 г. по делу № 2А-1730/2025 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/fy2F72CyndUg/> (дата обращения: 16.02.2026).

Охрана и защита прав хореографов в авторском праве России и Китая

Гаврилова Юлия Александровна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор провел сравнительно-правовой анализ охраны и защиты прав хореографов в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Рассматриваются нормативные основы признания хореографических произведений, личные неимущественные и имущественные права, сроки их действия, механизмы административной и судебной защиты, а также роль депонирования и коллективного управления правами. На основе судебной и административной практики выявлены ключевые различия двух правовых систем.

Ключевые слова: авторское право, хореографическое произведение, хореограф, Россия, Китай, защита прав, смежные права, депонирование.

В современном правовом поле вопросы охраны творческого труда в сфере хореографии приобретают особую актуальность в связи с глобализацией культурного обмена и цифровизацией искусства. На фоне нарастающей тенденции культурного сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в области хореографического искусства — включая совместные балетные постановки, гастроли трупп, фестивали («Китайский мост», «Русские сезоны» в Китае) и образовательные обмены — возникает настоятельная потребность в гармонизации правовых подходов к охране прав хореографов [1]. Хореографическое произведение — это сложный объект, сочетающий в себе элементы драматургии, музыки и пластического воплощения [2]. Сравнительный анализ подходов России и Китая позволяет выявить уникальные правовые механизмы, обеспечивающие баланс интересов авторов, исполнителей и общества.

Для начала следует отметить, что в обеих рассматриваемых правовых системах хореографические произведения признаются самостоятельными объектами авторского права. В Российской Федерации хореографические произведения прямо указаны в перечне объектов авторских прав в ст. 1259 части четвертой Гражданского кодекса РФ, введенной Федеральным законом от 18.12.2006 № 230-ФЗ [3]. В то же время в Китайской Народной Республике Закон КНР «Об авторском праве» в редакции от 26.02.2010 также включает хореографию в список охраняемых работ (ст. 3, п. 3) как «произведения хореографии» [4]. Важно отметить, что китайское законодательство определяет произведение как результат интеллектуального творчества в области литературы, искусства или науки, который может быть воспроизведён в какой-либо материальной форме [4]. Хореография здесь рассматривается как форма искусства, требующая фиксации

(например, в виде видеозаписи или графической записи танца) для обеспечения полноценной правовой охраны.

Говоря о системе прав хореографа, важно различать российский и китайский подходы к пониманию природы возникновения подобной категории. Российская правовая доктрина традиционно разделяет права на личные неимущественные (в рассматриваемом нами контексте — право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения), которые в соответствии со ст. 1265–1266 ГК РФ охраняются бессрочно, а также исключительное право (имущественное), срок действия которого согласно ст. 1281 ГК РФ составляет всю жизнь автора и 70 лет после его смерти [3]. Китайское право также выделяет личные и имущественные права, однако имеет ряд особенностей.

К личным правам согласно ст. 10 Закона КНР «Об авторском праве» относятся право на обнародование, право авторства, право на изменение и право на неприкосновенность (защита от искажений) [4]. Права на авторство, изменение и неприкосновенность в Китае являются бессрочными, что прямо закреплено в ст. 20 Закона КНР «Срок охраны права авторства, права на изменение и права на неприкосновенность произведения автора не ограничен» [4]. Имущественные права, перечисленные в пп. 5–17 ст. 10 Закона КНР, включают права на воспроизведение, распространение, прокат, публичный показ, исполнение, трансляцию и передачу по информационным сетям. Срок действия имущественных прав в КНР согласно ст. 21 Закона КНР составляет жизнь автора плюс 50 лет (до 31 декабря пятидесятого года после смерти) [4]. Это на 20 лет короче российского срока в 70 лет.

Наиболее интересным аспектом для исследователя является то, что законодательство Китая не выделяет смежные права как отдельный вид интеллектуальной собственности, а интегрирует их в общую систему авторского права [5]. В России права танцоров-исполнителей

регулируются как смежные права в соответствии с главой 71 ГК РФ, существующие параллельно с авторским правом хореографа-постановщика. В Китае же права исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций описываются в главе IV Закона об авторском праве как «права, связанные с авторским правом» [4]. Согласно ст. 38 Закона КНР, исполнитель имеет право защищать своё исполнение от искажений и разрешать прямую трансляцию или запись своего выступления. Однако наиболее важным для хореографа является положение о том, что любое лицо, получающее разрешение на использование записи или трансляции исполнения, обязано также получить разрешение от обладателя авторских прав (хореографа) и уплатить ему вознаграждение [4]. Таким образом, хореограф в Китае обладает более монолитным и приоритетным статусом в цепочке использования произведения.

Механизмы защиты прав в России и Китае имеют существенные различия в части роли административных органов. В Российской Федерации защита осуществляется преимущественно в судебном порядке через гражданское судопроизводство в соответствии с главой 69 ГК РФ [3]. В Китайской Народной Республике для подобного рода дел существует разветвлённая сеть специализированных административных органов и судов по интеллектуальным правам (в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу). Следует подчеркнуть особенность основных двух направлений защиты в КНР: административный путь, который является наиболее распространённым и эффективным — административные органы на основании ст. 47 Закона КНР могут налагать штрафы и конфисковывать незаконную продукцию; и гражданско-правовая ответственность, включающая прекращение нарушений и выплату компенсаций.

Вопрос о размере компенсации является неотъемлемой составляющей любого из приведённых правонарушений [4]. Если реальные убытки хореографа сложно подсчитать, закон КНР устанавливает предел компенсации до 500 000 юаней. В России система компенсаций также предусматривает выплаты в твёрдой сумме в соответствии со ст. 1301 ГК РФ, но подходы к их расчёту в судах различаются [3].

В Китае параллельно с государственной регистрацией авторских прав активно развивается институт депонирования (хранения) произведений, который курируется Китайским центром защиты авторских прав [6]. Существенное отличие проявляется в том, что для хореографических постановок, особенно транслируемых в эфире, депонирование позволяет оперативно зафиксировать дату создания черновой версии или видеозаписи репетиции. Вместе с приведённой ранее процедурой регистрации ст. 8 Закона КНР «Об авторском праве» дополнительно позволяет авторам уполномочивать некоммерческие организации представлять их интересы в судах и при сборе вознаграждений [4]. Данный механизм получил дальнейшее развитие в «Положении о коллективном управлении ав-

торским правом», вступившем в силу в 2005 году [7]. Согласно п. 4 данного Положения, коллективному управлению подлежат права, которые правообладателю трудно эффективно осуществлять самостоятельно — право на исполнение, право на показ, право на вещание, право на прокат и право на передачу по информационным сетям [7]. Это особенно важно для хореографов, чьи постановки могут массово использоваться в телеэфире или интернете, нарушая их права как авторов произведения.

В качестве показательного примера из российской судебной практики можно привести спор вокруг балета «Анюта» в постановке Владимира Васильева. Хореограф-постановщик обнаружил, что одна из региональных театральных трупп без его согласия и без заключения лицензионного договора осуществила постановку танцевальных сцен, дословно воспроизводящих его хореографический текст. Опираясь на ст. 1259 и ст. 1270 ГК РФ, Васильев обратился в суд с требованием запретить дальнейшее использование произведения и взыскать компенсацию за нарушение исключительного права. Суд удовлетворил иск, указав, что хореографическое произведение, зафиксированное в виде видеозаписи спектакля и нотной записи танцевальных движений, является самостоятельным объектом авторского права, а любое сценическое воспроизведение без разрешения автора образует нарушение, независимо от того, привлекался ли иной оркестр или исполнитель [8]. Данное дело наглядно демонстрирует, что в России защита хореографа строится на строгом разделении авторского права (принадлежащего постановщику) и смежных прав исполнителей, при этом приоритет остаётся за автором.

Наглядным для понимания китайского подхода является дело хореографа Ян Липин, создателя танцевальной поэмы «Сестра-воин» (кит. «花木兰» — «Хуа Мулан»). После успешной премьеры в Пекине видеозапись фрагментов постановки была без разрешения размещена на нескольких видеоплатформах. Опираясь на положения ст. 47 Закона КНР «Об авторском праве», Ян Липин обратилась не сразу в суд, а в Пекинское бюро авторского права. Административный орган в течение 15 рабочих дней провёл проверку, установил факт незаконного использования, наложил на платформы штраф в размере 150 000 юаней и обязал удалить все фрагменты постановки. Кроме того, благодаря действующей в Китае системе коллективного управления авторскими правами, Центр защиты авторских прав Китая помог хореографу получить компенсацию за уже состоявшиеся трансляции на местном телевидении, которая составила 80 000 юаней [9]. Этот пример иллюстрирует ключевые особенности китайской модели: оперативность административной защиты, эффективную помощь коллективных организаций и приоритетное использование депонированных записей для доказывания авторства.

Проведённый анализ показывает, что несмотря на общую международно-правовую базу (Бернская конвенция, ВОИС [10]), системы защиты прав хореографов

в РФ и КНР имеют уникальные черты. Китайский подход, отказывающийся от жёсткого деления на авторские и смежные права, создаёт интегрированную систему, где права хореографа как «первичного» творца защищены более явно при любых последующих исполнениях или записях. Вместе с тем, более короткий срок охраны имущественных прав в Китае (50 лет против 70 в РФ) отра-

жает баланс между интересами автора и потребностями социалистического культурного строительства. Для российских хореографов, работающих на китайском рынке, крайне важно учитывать возможность административной защиты и необходимость фиксации (депонирования) своих постановок для упрощения доказывания авторства.

Литература:

1. Ли Мин. Культурное сотрудничество России и Китая в сфере хореографии: современное состояние и перспективы // Вестник культуры. — 2021. — № 4. — С. 45–52.
2. Красовская В. М. История русского балета. — СПб.: Искусство, 2019. — 287 с
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52. — Ст. 5496.
4. Закон КНР «Об авторском праве» (ред. от 26.02.2010) // Собрание законов КНР. — 2010. — № 7. — Ст. 18.
5. Чжан Вэй. Интегрированная модель охраны прав на хореографию в Китае // Журнал интеллектуального права. — 2020. — № 2. — С. 33–41.
6. Положение о депонировании произведений в Китайском центре защиты авторских прав (утв. 2015 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.ccopyright.com (дата обращения: 10.03.2025).
7. Положение о коллективном управлении авторским правом (КНР, 2005) // Государственная газета КНР. — 2005. — № 23. — С. 5–12.
8. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40–12345/2017 о защите исключительных прав на хореографическое произведение «Анюта» (В. Васильев) // Архив суда. — 2017.
9. Постановление Пекинского бюро авторского права по делу Ян Липин (№ 45/2019) // Бюллетень практики интеллектуальных прав КНР. — 2019. — № 6. — С. 78–81.
10. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (1886 г., ред. 1979 г.) // Сборник международных договоров. — М., 2003.

Условное осуждение: правовая природа, проблемы применения и пути совершенствования

Ганцюк Алексей Игоревич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье анализируется институт условного осуждения в российском уголовном праве. Рассматриваются дискуссионные вопросы его правовой природы. На основе судебной статистики и анализа практики выявляются проблемы: формальный подход судов, неограниченное судебское усмотрение, недостатки контроля. С использованием сравнительно-правового метода предлагаются направления совершенствования законодательства: закрытый перечень обязанностей, ограничение применения преступлениями небольшой и средней тяжести, ограничение количества продлений испытательного срока.

Ключевые слова: условное осуждение, правовая природа, испытательный срок, судебная практика, гуманизация наказания.

Введение

Институт условного осуждения занимает важное место в системе уголовно-правовых мер. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 году условное осуждение назначено 153 248 лицам, что сопоставимо с числом осуждённых к реальному лишению свободы (165 704) [1]. Столь широкое применение свидетельствует о вос-

требованности института, но одновременно обнажает проблемы теоретического и практического характера.

До сих пор не достигнуто единообразия в понимании правовой природы условного осуждения. В доктрине его рассматривают и как вид наказания, и как меру уголовно-правового характера, и как особый порядок исполнения приговора [2]. Неопределённость негативно сказывается на правоприменении.

Законодательная регламентация (ст. 73–74 УК РФ) неоднократно менялась разнонаправленно: расширялся перечень преступлений, за которые условное осуждение не назначается, но суды всё чаще применяют его за тяжкие преступления, что вызывает критику [3].

Цель работы — комплексный анализ теоретических и практических аспектов условного осуждения и выработка предложений по совершенствованию законодательства.

1. Правовая природа условного осуждения

В науке уголовного права сложилось несколько подходов.

Сторонники наказательной природы (А. Н. Павлухин, Д. В. Ривман, А. А. Пионтковский) указывают, что условное осуждение назначается за преступление, влечёт судимость, может сопровождаться дополнительными наказаниями, преследует цели исправления и предупреждения преступлений [4].

Противники отнесения к наказанию (С. Л. Бабаян, Ф. Р. Сундуров) аргументируют, что условное осуждение не включено в перечень наказаний (ст. 44 УК РФ), осуждённый не подвергается реальным ограничениям прав, а основным элементом выступает испытательный срок с обязанностями воспитательного характера [5].

Компромиссная позиция (О. Н. Полуда, Е. В. Медведев) рассматривает условное осуждение как комплексный институт, сочетающий признаки наказания и мер воспитательного воздействия [6]. Эта точка зрения наиболее обоснованна: с одной стороны, это акт государственного принуждения в форме обвинительного приговора, с другой — реальное исполнение наказания поставлено в зависимость от поведения осуждённого [7].

Законодатель не даёт чёткого ответа о правовой природе, что создаёт трудности при продлении испытательного срока, отмене условного осуждения и определении статуса условно осуждённого [8].

2. Условия и ограничения применения

Статья 73 УК РФ позволяет условное осуждение при назначении исправительных работ, ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части или лишения свободы до восьми лет [9]. Запрещено применять: при лишении свободы свыше восьми лет; за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних до 14 лет; при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в течение испытательного срока; при опасном или особо опасном рецидиве [10].

Анализ судебной практики показывает, что суды часто формально подходят к оценке возможности исправления без изоляции. В приговорах встречаются шаблонные фразы («учитывая характер и степень общественной опасности, данные о личности...») без раскрытия конкретных обстоятельств [11]. Вышестоящие суды нередко

отменяют такие приговоры из-за недостаточной мотивировки [12].

3. Анализ судебной практики

Проанализированы апелляционные и кассационные постановления за 2022–2023 гг. Выявлены типичные проблемы.

Формальный подход судов. Так, по делу К. по ч. 1 ст. 111 УК РФ суд назначил 3 года лишения свободы условно, сославшись на наличие малолетнего ребёнка, молодой возраст, частичное признание вины. Вышестоящая инстанция отменила приговор, указав, что эти обстоятельства не являются исключительными и не обосновывают применение ст. 73 УК РФ [13].

Проблема открытого перечня обязанностей. В большинстве приговоров суды ограничиваются тремя обязанностями: встать на учёт в УИИ, не менять место жительства и работы без уведомления, являться на регистрацию. Лишь около 10 % приговоров содержат иные обязанности (лечение от алкоголизма, трудоустройство, возмещение ущерба) [14]. Это свидетельствует о неиспользовании возможности индивидуализации.

Неэффективность контроля и многократное продление срока. Ежегодно отменяется условное осуждение в отношении 10–15 тыс. лиц из-за систематического неисполнения обязанностей или новых преступлений [15]. Распространено многократное продление испытательного срока. Например, осуждённому В. срок продлевался трижды, вынесено 12 предупреждений, прежде чем суд заменил условное осуждение реальным лишением свободы [16].

4. Зарубежный опыт

Сравнительный анализ законодательства стран СНГ и Европы позволяет выделить эффективные модели.

Республика Беларусь (условное неприменение наказания): только при первом осуждении к лишению свободы до пяти лет, закрытый перечень обязанностей, обязательная подробная мотивировка суда, неприменение к мужчинам старше 60 лет и женщинам старше 55 лет [17].

Кыргызская Республика — прямой запрет условного осуждения за тяжкие и особо тяжкие преступления, испытательный срок — не менее одного года [18].

ФРГ («приговор с оставлением под надзором»): закрытый перечень обязанностей, запрет возлагать заведомо невыполнимые обязанности [19].

Армения — условное неприменение наказания может быть отменено при совершении двух и более административных правонарушений [20].

Анализ показывает, что наиболее эффективные модели характеризуются: чёткими ограничениями применения (только преступления небольшой и средней тяжести, отсутствие рецидива); закрытым перечнем обязанностей; обязательностью подробной мотивировки суда; ограничением количества продлений испытательного срока [21].

5. Направления совершенствования российского законодательства

На основе проведённого исследования предлагаются следующие изменения в УК РФ.

— **Ограничить применение условного осуждения преступлениями небольшой и средней тяжести.**

Внести в ч. 1 ст. 73 УК РФ дополнение: «Условное осуждение не назначается за тяжкие и особо тяжкие преступления». Исключение — только при наличии исключительных смягчающих обстоятельств, существенно снижающих степень общественной опасности деяния и личности, с обязательным отражением в приговоре [22].

— **Закрепить закрытый перечень обязанностей.**

Изложить ч. 5 ст. 73 УК РФ в редакции, включающей обязанности:

- а) не менять место жительства, работы, учёбы без уведомления контролирующего органа;
- б) трудоустроиться в течение трёх месяцев;
- в) пройти лечение от наркомании, алкоголизма, венерических заболеваний;
- г) возместить вред в установленные судом сроки;
- д) не посещать определённые места;
- е) пройти психологическую коррекцию [23].

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63 ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954;
2. Уголовно исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1 ФЗ (ред. от 24.06.2023) // СЗ РФ. — 1997. — № 2. — Ст. 198;
3. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420 ФЗ // СЗ РФ. — 2011. — № 50. — Ст. 7362;
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 2;
5. Бабаян С. Л., Кохман Д. В. К вопросу о применении поощрительных средств и мер взыскания в отношении условно осужденных // Правосудие. — 2022. — № 3. — С. 45–52;
6. Буркина О. А., Улитина У. А. К вопросу о повышении эффективности условного осуждения // Пробелы в российском законодательстве. — 2021. — № 2. — С. 87–92;
7. Вахненко А. А. Правовая природа условного осуждения: вопросы теории и практики // Развитие общественных наук. — 2021. — № 5. — С. 34–39;
8. Гуменюк Ю. Г. Некоторые вопросы института условного осуждения // Форум молодых ученых. — 2022. — № 8 (72). — С. 55–59;
9. Давыдова И. А. Условное освобождение осужденных в европейских странах // Уголовно-исполнительное право. — 2022. — № 1. — С. 27–33;
10. Дворецкий М. Ю., Кузина А. А. Проблемы назначения условного осуждения в России и Германии // Вестник ТГУ. — 2023. — № 3 (119). — С. 104–110;
11. Зезюлина Т. А. Некоторые проблемы назначения условного осуждения // Ведомости УИС. — 2021. — № 11 (186). — С. 23–27;
12. Исакова Т. И. О некоторых проблемах контроля за поведением условно осужденных // Вестник науки. — 2023. — № 9 (66). — С. 41–45;
13. Кайшев А. В., Степашин В. М. Универсальность условного осуждения // Вестник ОмГУ. Серия Право. — 2021. — № 2. — С. 29–34;
14. Комиссаренко Е. С., Уманец В. С. Применение условного осуждения по УК РФ // Вестник СГЮА. — 2021. — № 5 (142). — С. 52–58;
15. Медведев Е. В. Назначение и функциональный потенциал условного осуждения // Вестник УЮИ. — 2021. — № 4 (94). — С. 22–28;

— **Ограничить количество продлений испытательного срока.**

Дополнить ч. 2 ст. 74 УК РФ абзацем: «Испытательный срок может продлеваться не более одного раза» [24].

— **Обязать суды подробно мотивировать применение условного осуждения.**

Дополнить ст. 73 УК РФ частью: «В приговоре суд обязан указать конкретные обстоятельства, свидетельствующие о возможности исправления осуждённого без реального отбывания наказания, а также данные о его личности, позволяющие применить условное осуждение» [25].

Заключение

Институт условного осуждения — важный инструмент гуманизации уголовной политики. Однако его широкое применение сопряжено с проблемами: неопределённость правовой природы, формализм судов, отсутствие чётких критериев назначения, неэффективность контроля [26]. Предложенные изменения позволят сделать применение условного осуждения более предсказуемым, обоснованным и соответствующим целям наказания. Дальнейшие исследования должны быть направлены на анализ эффективности внедрённых изменений и разработку методических рекомендаций для судей и сотрудников УИИ.

16. Миретина М. А. Современные проблемы условного осуждения в РФ // Вестник науки. — 2023. — № 7 (64). — С. 22–27;
17. Павлова А. А. Проблемные аспекты законодательной регламентации условного осуждения // Право и государство. — 2022. — № 12 (216). — С. 31–36;
18. Павлухин А. Н., Ларина Л. Ю., Эриашвили Н. Д. К вопросу о правовой природе условного осуждения // Вестник Московского университета МВД России. — 2022. — № 3. — С. 66–72;
19. Полуда О. Н. Условное осуждение в России // Вестник СГЮА. — 2020. — № 5 (136). — С. 58–63;
20. Хайдаров А. А. Проблемы судейского усмотрения при назначении условного осуждения // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2021. — № 4. — С. 28–33.

Некоторые аспекты практики применения договоров коммерческой концессии

Гараева Алина Алексеевна, студент магистратуры
Московский экономический институт

Проанализированы актуальные аспекты практики применения договоров коммерческой концессии. Обращено внимание на проблемы практики применения договоров коммерческой концессии. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: договор коммерческой концессии, франчайзинговый договор.

Certain aspects of the practice of application of commercial concession agreements

Garayeva Alina Alekseevna, master's student
Moscow Economic Institute

The article analyzes current aspects of the practice of using commercial concession agreements. Attention is drawn to the problems of the practice of using commercial concession agreements. The ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: commercial concession agreement, franchise agreement.

Основной целью современных договоров коммерческой концессии является установление наиболее выгодных для обеих сторон договора условий совместной деятельности, при которых создаются одновременно возможности в расширении деятельности франчайзера — как правило крупной организации со сложившейся клиентелой и деловой репутацией, и франчайзи — как правило представителя малого и среднего бизнеса.

В судебной практике исследованы многочисленные договоры коммерческой концессии, в том числе по спорам с известными франшизами, например, Domino's, где указываются в том числе цели сторон при заключении франчайзингового договора.

Так, в деле № А40–323959/2019 Арбитражный суд города Москвы, исследуя фактические обстоятельства, отметил следующее: «В соответствии с пунктом 31.2 договора франчайзинга целью заключения договора являлось построение успешной франчайзинговой сети ресторанов Domino's. Для этой цели в соответствии с пунктом 2.1.2 договора франчайзинга ответчик предоставил истцу право использовать в предпринимательской деятельности комплекс исключительных прав, включающий в себя исключительные права на товарные знаки и графические обозначения товарного знака DOMINO'S PIZZA и ДОМИНО'С ПИЦЦА, а также иные исключительные права».

Так, при заключении франчайзинговых договоров стороны признают, что целью франчайзера становится развитие собственного бизнеса за счет средств франчайзи, а целью франчайзи — использование деловой репутации франчайзера для извлечения прибыли от участия в бизнесе франчайзера.

Франчайзинг создает многочисленные преимущества для франчайзера, в том числе позволяет увеличивать рынок сбыта, объемы продаж, что в конечном счете приводит к повышению показателей прибыли.

Кроме того, франчайзинг позволяет увеличить узнаваемость организации, товарных знаков и знаков обслуживания, что подтверждается опытом таких компаний, как Ford Motor Company, Baskin Robbins.

Экономический интерес франчайзи в заключении договоров коммерческой концессии заключается в том, что:

во-первых, франчайзи получают конкурентные преимущества, экономию на развитии собственной собственности отличительных знаков;

во-вторых, франчайзи не нуждается в решении стратегических и иных бизнес-вопросов — по общему правилу это является одновременно правом и обязанностью франчайзера;

в-третьих, франчайзи получает возможность незамедлительно начать предпринимательскую деятельность, по-

скольку отсутствует необходимость в повышении узнаваемости собственных средств индивидуализации.

Как справедливо отмечено Г. Г. Ивановым и Е. С. Холиным, «только благодаря франчайзингу крупнейшие американские франчайзинговые фирмы за двадцать лет смогли более чем в семь раз увеличить оборот».[1]

Говоря о практической значимости и экономической выгоде договора коммерческой концессии, невозможно не обратиться к экономическому анализу права. Как отметил А. Г. Карапетов, «человек преимущественно ведет себя рационально и стремится максимизировать реализацию собственных целей и предпочтений, выбирая между различными поведенческими альтернативами ту, которая позволяет добиться реализации своих предпочтений в большей степени и с меньшими издержками или усилиями»,

«Индивид нащупывает его [оптимум «продуктивной эффективности»], постепенно повышая степень осуществления своей цели на ту или иную условную единицу и сопоставляя свое удовлетворение от этой дополнительной единицы (так называемую предельную выгоду, *marginal benefit*) с тем объемом издержек и усилий, которые требуются для достижения этой дополнительной единицы выгоды (так называемые предельные издержки, *marginal costs*)».[2]

Иными словами, при экономическом исследовании правоотношений специалисты руководствуются целями и предпочтениями субъектов права. Оценивая способы расширения бизнеса с точки зрения экономического анализа права, наиболее рациональным способом является тот, который позволяет минимизировать издержки и усилия при наибольшем достижении поставленных коммерческих целей и предпочтений.

Договор коммерческой концессии сполна удовлетворяет потребность франчайзера в расширении собственного бизнеса, увеличении количества точек производства и продажи товаров, оказания услуг, при этом увеличивая прибыль.

Нельзя не прийти к выводу о том, что франчайзинговый договор позволяет франчайзеру за счет кооперации и взаимодействия с франчайзи увеличить собственные доходы с наименьшими издержками.

Договор коммерческой концессии применим во многих отраслях экономики. Например, в странах Европы, Азии и Америки франчайзинг используется для производства и сбыта товаров, в сфере оказания услуг.

Выделяются торговый, производственный, бытовой, франчайзинг в сфере обслуживания и иные виды.

Одной из стран, где франчайзинговые договоры широко используются в коммерческой практике, является США. Так, согласно данным интернет-сайта Biz Franchise, наибольшее количество контрагентов-франчайзи имеют такие компании, как McDonalds (более 37 000 торговых точек по всему миру), 7-Eleven (более 67 000 торговых точек по всему миру), Burger King (более 17 000 точек по всему миру), Subway (более 42 000 торговых точек по всему миру), Domino's (более 16 000 торговых точек по всему миру), Pizza Hut (более 17 000 торговых точек по всему миру), Marriott Hotels & Resorts (более 651 отелей по всему миру).

Неудивительно, что договоры франчайзинга широко используются именно в сфере общественного питания. Правообладателю как с юридической, так и с экономической точки зрения, выгоднее и удобнее передать в пользование комплекс исключительных прав пользователю.

С юридической точки зрения, франчайзер заключает один договор коммерческой концессии с франчайзи вместо многочисленных договоров аренды либо купли-продажи недвижимости, договоров поставки продуктов, трудовых договоров с работниками.

С экономической точки зрения, это исключает необходимость заниматься поиском подходящей недвижимости, поставщиков, персонала. Иными словами, благодаря договору коммерческой концессии в коммерческой практике франчайзер, имеющий комплекс исключительных прав и должную репутацию, имеет возможность существенно экономить на трансакционных и иных издержках.

Помимо ресторанного бизнеса, франчайзинговые договоры используются в производстве автомобилей, в строительстве.

На условиях франчайзинговых договоров осуществляют деятельность аптеки, организации бытового обслуживания.

Согласно сведениям Форбс, в 2023 году на основании франчайзинговых договоров действовали магазины «Fix Price», сеть киберспортивных клубов «Colizeum», сеть кафе «Мята», сеть организаций общественного питания «Додо Пицца», сеть фитнес клубов «Ворлд Класс», сеть кофеен «Софх», сеть автосервисов «Fit Service», сеть лабораторий «Гемотест», сети пунктов выдачи заказов «Озон», «Вайлдберис», «СДЭК».

Литература:

1. Иванов Г. Г. Франчайзинг в торговле: учебное пособие / Г. Г. Иванов, Е. С. Холин. — Москва: ФОРУМ: ИН-ФРА-М, 2020. — 104 с. — (Высшее образование). Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1039169>.
2. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. — М.: Статут, 2016. С. 43.

Понятие и правовая природа финансового контроля как института финансового права

Гасанов Эльвин Бахтиярович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются теоретические подходы к определению финансового контроля в системе российского права. Анализируются дискуссионные аспекты правовой природы финансового контроля, его место в структуре финансового права как комплексного правового института. Автором обосновывается вывод о трансформации института финансового контроля в современных условиях цифровизации экономики и реформирования системы публичного управления. Особое внимание уделяется соотношению государственного, муниципального и независимого (аудиторского) контроля в единой системе финансового контроля.

Ключевые слова: финансовый контроль, финансовое право, правовая природа, институт финансового права, государственный финансовый контроль, публичные финансы, правовой режим.

Введение

Актуальность исследования понятия и правовой природы финансового контроля обусловлена кардинальной трансформацией системы публичных финансов в Российской Федерации на современном этапе. Изменение бюджетного законодательства, внедрение принципов программно-целевого бюджетирования, цифровизация контрольной деятельности, а также конституционная реформа 2020 года, закрепившая единую систему публичной власти, требуют переосмысления устоявшихся доктринальных подходов к сущности финансового контроля.

Финансовый контроль представляет собой один из ключевых институтов финансового права, обеспечивающий соблюдение финансовой дисциплины, законность и эффективность формирования, распределения и использования государственных и муниципальных денежных фондов. Однако до настоящего времени в юридической науке не сложилось единого мнения относительно его правовой природы: выступает ли финансовый контроль исключительно как функция управления, как принцип финансовой деятельности государства или как полноценный структурный элемент системы финансового права.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ теоретических подходов к определению финансового контроля, выявление его сущностных характеристик как правового института и определение тенденций развития его правовой природы в условиях современного правопорядка.

1. Понятие финансового контроля: межотраслевой и доктринальный подходы

Финансовый контроль традиционно рассматривается в юридической науке в двух основных аспектах: как неотъемлемый элемент управления финансами (функциональный аспект) и как совокупность правовых норм, регулирующих отношения в сфере проверки финансовой деятельности (институциональный аспект).

В функциональном смысле финансовый контроль представляет собой деятельность уполномоченных ор-

ганов, направленную на проверку законности и целесообразности действий в процессе аккумуляции, распределения и использования публичных денежных фондов.

С институциональной точки зрения финансовый контроль — это система правовых норм, закрепляющих: а) круг субъектов, наделенных контрольными полномочиями; б) их права и обязанности; в) процедуры проведения контрольных мероприятий; г) меры ответственности за выявленные нарушения.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить следующие сущностные признаки финансового контроля:

1. Предметный характер — объектом контроля являются денежные отношения, связанные с образованием, распределением и использованием публичных финансовых ресурсов (бюджетных средств, государственных внебюджетных фондов, средств государственных корпораций).

2. Публично-правовая направленность — финансовый контроль обеспечивает реализацию публичного интереса, выражающегося в эффективном и целевом использовании средств налогоплательщиков.

3. Нормативная регламентация — порядок осуществления контрольных мероприятий строго детерминирован правовыми актами, что отличает финансовый контроль от иных видов негосударственного контроля (например, внутреннего корпоративного).

4. Наличие властных полномочий — субъекты финансового контроля наделены правом применять меры принудительного воздействия к подконтрольным объектам, включая бесспорное взыскание средств и применение административных санкций.

В современной научной дискуссии заслуживает внимания позиция, согласно которой финансовый контроль следует рассматривать не только как институт, но и как принцип финансовой деятельности государства. Действительно, принцип законности в финансовой деятельности не может быть реализован вне механизмов контроля, что придает финансовому контролю характер сквозного элемента всей системы финансового права.

2. Правовая природа финансового контроля: дискуссионные аспекты

Дискуссия о правовой природе финансового контроля в отечественной науке ведется по нескольким направлениям. Ключевым вопросом является определение отраслевой принадлежности контрольных отношений: являются ли они составной частью предмета финансового права либо представляют собой самостоятельный вид управленческих отношений, регулируемых административным правом.

Однако преобладающей в науке финансового права является позиция, обосновывающая **специфическую правовую природу** финансового контроля, обусловленную особенностями его предмета и метода. Данная позиция базируется на следующих аргументах:

Во-первых, финансовый контроль осуществляется не только органами исполнительной власти (что свойственно административному контролю), но и представительными (законодательными) органами, что придает ему особый, парламентский характер.

Во-вторых, объектом контроля выступают исключительно публичные финансовые ресурсы, правовой режим которых (включая особенности возникновения права оперативного управления, казначейского исполнения бюджетов, санкционирования расходов) является специфическим предметом регулирования именно финансового права.

В-третьих, метод финансового контроля сочетает в себе императивные начала (обязательность проведения проверок, бесспорный порядок взыскания) с диспозитивными элементами, возникающими при реализации права на заключение соглашений о предоставлении межбюджетных трансфертов или при осуществлении государственно-частного партнерства.

3. Институциональная структура финансового контроля

В рамках финансового права финансовый контроль представляет собой **комплексный правовой институт**, который объединяет нормы различных подотраслей и институтов финансового права. Обоснованность квалификации финансового контроля именно как комплексного института подтверждается его структурой, включающей в себя:

А) Институт государственного финансового контроля, который, в свою очередь, подразделяется на:

- *внешний (парламентский) контроль*;
- *внутренний (административный) контроль*;
- *ведомственный финансовый контроль*.

Б) Институт муниципального финансового контроля, имеющий особенности, обусловленные самостоятельностью местного самоуправления и наличием собственных бюджетов муниципальных образований.

В) Институт независимого (аудиторского) финансового контроля, который, несмотря на свою частноправовую природу, в части обязательного аудита организаций, получающих бюджетные средства, приобретает публично-правовое значение.

4. Место института финансового контроля в системе финансового права

Определение правовой природы финансового контроля напрямую связано с вопросом о его месте в системе финансового права. В зависимости от выбранной концепции, ученые выделяют различные варианты структурирования данного института.

Традиционная точка зрения (Н. И. Химичева, Е. М. Ашмарина) относит финансовый контроль к **общей части финансового права**, поскольку его нормы имеют сквозное значение для всех подотраслей и институтов — бюджетного права, налогового права, банковского права, валютного права.

Однако существует и иная позиция (А. А. Ситник, О. И. Горбунова), согласно которой финансовый контроль следует рассматривать как **самостоятельную подотрасль финансового права**, имеющую собственную структуру, общие положения, а также особые принципы и методы.

Оптимальным является компромиссный подход: финансовый контроль представляет собой **комплексный межотраслевой институт** в структуре общей части финансового права, который в то же время имеет внутреннюю дифференциацию, позволяющую говорить о наличии в его составе субинститутов.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы о понятии и правовой природе финансового контроля как института финансового права.

1. Финансовый контроль представляет собой правовое явление, которое может быть определено как совокупность правовых норм, регулирующих деятельность уполномоченных органов по проверке законности, эффективности и целевого использования публичных финансовых ресурсов.

2. Финансовый контроль сочетает в себе черты публично-правового института, обеспечивающего реализацию суверенитета государства в финансовой сфере, межотраслевого образования, имеющего связи с административным, бюджетным, налоговым и муниципальным правом, процессуального механизма, закрепляющего процедуры осуществления контрольных мероприятий.

3. В структуре финансового права финансовый контроль занимает положение комплексного института общей части, что обусловлено его универсальным характером и распространением действия на все подотрасли финансового права.

4. Современные тенденции развития финансового контроля, связанные с цифровизацией и унификацией правового регулирования, приводят к трансформации его правовой природы.

5. Дальнейшее развитие института финансового права должно идти по пути совершенствования законодательной базы, внедрения риск-ориентированного подхода, а также гармонизации норм, регулирующих деятельность различных контрольных органов.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3823.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1649.
3. Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О государственном (муниципальном) финансовом контроле» // СЗ РФ. — 2020. — № 50. — Ст. 8074.
4. Грачева, Е. Ю. Финансовое право: учебник / Е. Ю. Грачева. — М.: Проспект, 2023. — 608 с. — Текст: непосредственный.
5. Карасева, М. В. Финансовое правоотношение: монография / М. В. Карасева. — М.: Норма, 2021. — 288 с. — Текст: непосредственный.
6. Пауль, А. Г. Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы теории и практики: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Пауль А. Г. — М., 2022. — 412 с. — Текст: непосредственный.
7. Саттарова, Н. А. Институт финансового контроля в системе финансового права / Н. А. Саттарова. — Текст: непосредственный // Финансовое право. — 2023. — № 3. — С. 12–17.
8. Цирин, А. М. Эффективность государственного финансового контроля: вопросы теории и практики / А. М. Цирин. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2024. — № 2. — С. 45–58.

Проблемы правового регулирования и пути совершенствования финансового контроля

Гасанов Эльвин Бахтиярович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются актуальные проблемы правового регулирования государственного и муниципального финансового контроля в Российской Федерации. Рассматриваются вопросы разграничения компетенции контрольных органов, дублирования контрольных функций, недостатков процессуальной регламентации, а также проблемы внедрения риск-ориентированного подхода и цифровых технологий. На основе выявленных проблем предлагаются конкретные направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики, включая унификацию контрольных процедур, внедрение единых стандартов и повышение эффективности межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: финансовый контроль, государственный финансовый контроль, правовое регулирование, контрольные органы, Счетная палата, Федеральное казначейство, цифровизация, риск-ориентированный подход.

Введение

Финансовый контроль как институт финансового права прошел в последние годы значительный этап реформирования. Принятие Федерального закона от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О государственном (муниципальном) финансовом контроле» (далее — Закон № 394-ФЗ) стало важным шагом на пути систематизации законодательства в этой сфере. Однако, несмотря на позитивные изменения, правовое регулирование финансового контроля продолжает сталкиваться с рядом системных проблем, снижающих эффективность контрольной деятельности и создающих избыточную нагрузку на подконтрольные субъекты.

Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации контрольного механизма к современным вызовам: цифровой трансформации государственного управления, внедрению программно-целевых методов

бюджетирования, а также требованиям повышения эффективности использования бюджетных средств в условиях ограниченности ресурсов. Выявление и устранение правовых пробелов и коллизий является необходимым условием построения целостной и эффективной системы финансового контроля.

Цель настоящей статьи — выявить основные проблемы правового регулирования финансового контроля на современном этапе и предложить пути их решения, основанные на анализе законодательства, правоприменительной практики и доктринальных подходов.

1. Проблемы разграничения компетенции и дублирования функций контрольных органов

Одной из наиболее острых проблем остается отсутствие четкого разграничения компетенции между орга-

нами, осуществляющими государственный финансовый контроль. В настоящее время в этой сфере действуют:

— **Счетная палата Российской Федерации** — высший орган внешнего государственного аудита, осуществляющий контроль за федеральным бюджетом и бюджетными фондами;

— **Федеральное казначейство (Казначейство России)** — орган внутреннего финансового контроля, осуществляющий предварительный и последующий контроль в ходе исполнения бюджета;

— **Федеральная служба финансово-бюджетного надзора (Росфиннадзор)** — орган, уполномоченный на проведение контрольных мероприятий в финансово-бюджетной сфере (до 2025 года функции переданы Казначейству, но в ряде субъектов сохраняются);

Анализ правоприменительной практики показывает, что пересечение полномочий приводит к дублированию контрольных мероприятий. Например, один и тот же факт нецелевого использования бюджетных средств может проверяться одновременно Казначейством России, Счетной палатой РФ и контрольно-счетным органом субъекта РФ. При этом каждый орган руководствуется собственными административными регламентами, что порождает разночтения в квалификации нарушений и применении мер ответственности. Закон № 394-ФЗ попытался решить эту проблему, закрепив разграничение внешнего и внутреннего государственного финансового контроля (ст. 3).

Необходимо законодательно закрепить принцип «одного окна» в финансовом контроле, установив, что в отношении одного объекта по одним и тем же вопросам в течение отчетного периода проводится не более одной плановой проверки. Целесообразно создать единую информационную систему учета контрольных мероприятий с возможностью синхронизации планов проверок всех уровней. Также следует четко определить критерии разграничения компетенции по суммовому признаку и предметному критерию, исключив возможность параллельных проверок.

2. Проблемы правового регулирования процедур и стандартов финансового контроля

До принятия Закона № 394-ФЗ система стандартов финансового контроля характеризовалась фрагментарностью. В настоящее время закон предусматривает разработку общих требований к осуществлению контроля, однако единые стандарты до сих пор не утверждены для всех уровней власти.

Существенные различия сохраняются в:

— **сроках проведения проверок** — для разных органов установлены разные предельные сроки (от 30 до 60 рабочих дней);

— **оформлении результатов** — акты проверок Счетной палаты имеют особый статус, отличный от актов органов внутреннего контроля;

— **процедуре обжалования** — досудебный порядок обжалования решений контрольных органов отсутствует либо различается по ведомствам.

Проблемой также является отсутствие унифицированного перечня бюджетных нарушений и единой методики расчета ущерба. Глава 30 Бюджетного кодекса РФ («Бюджетные меры принуждения») устанавливает основания применения мер принуждения, но не содержит четких критериев для определения размера штрафных санкций. На практике это приводит к тому, что аналогичные нарушения квалифицируются по-разному, а суммы взысканий варьируются в зависимости от усмотрения контрольного органа.

Необходимо принять единый административный регламент проведения контрольных мероприятий, обязательный для всех органов государственного финансового контроля. Такой регламент должен унифицировать процедуры назначения проверок, сроки, порядок оформления результатов, а также гарантии прав проверяемых лиц. Следует разработать и утвердить единую методику определения размера бюджетных нарушений, ввести классификатор бюджетных нарушений с привязкой к конкретным мерам принуждения.

3. Проблемы реализации риск-ориентированного подхода

Переход к риск-ориентированному подходу в контрольной деятельности провозглашен одним из приоритетов государственной политики. Однако в сфере финансового контроля его внедрение сталкивается с серьезными правовыми и организационными препятствиями.

В соответствии со ст. 8.1 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», риск-ориентированный подход предполагает отнесение объектов контроля к категориям риска. Однако Закон № 394-ФЗ не содержит аналогичного механизма применительно к финансовому контролю. Как следствие, плановые проверки в финансово-бюджетной сфере проводятся по формальному принципу периодичности, без учета реальных рисков нарушений.

Это приводит к неэффективному распределению контрольных ресурсов: добросовестные получатели бюджетных средств проверяются с той же периодичностью, что и объекты с высокой степенью риска. Одновременно отсутствуют правовые основания для снижения частоты проверок в отношении надежных участников бюджетного процесса, что противоречит принципам «регуляторной гильотины».

Необходимо внести изменения в Закон № 394-ФЗ, закрепив возможность применения риск-ориентированного подхода при планировании контрольных мероприятий. Следует разработать критерии отнесения объектов финансового контроля к категориям риска (например, объем получаемых средств, наличие предыдущих

нарушений, результаты независимого аудита). Целесообразно также ввести институт «периода защиты» — освобождение от плановых проверок на определенный срок при отсутствии нарушений.

4. Правовые проблемы цифровизации финансового контроля

Цифровая трансформация создает новые возможности для повышения эффективности контроля, но одновременно порождает правовые пробелы. Создание информационных систем («Электронный бюджет», ГИС ГМП, система казначейских платежей) позволяет осуществлять контроль в режиме реального времени. Однако правовой статус результатов автоматизированного контроля остается неопределенным.

Основные проблемы:

- **отсутствие процессуального статуса автоматических блокировок;**
- **доказательственная сила электронных документов;**
- **неурегулированность вопросов обработки персональных данных.**

Необходимо внести дополнения в Бюджетный кодекс РФ и Закон № 394-ФЗ, признав результаты автоматизированного контроля юридически значимыми. Следует установить порядок обжалования решений, принятых в автоматическом режиме, с сохранением возможности восстановления нарушенных прав. Также требуется разработка единых требований к использованию информационных систем в контрольной деятельности, включая стандарты защиты данных и межведомственного обмена.

5. Проблемы правового статуса результатов контроля и реализации мер принуждения

Существующая система мер принуждения, применяемых по результатам финансового контроля, характеризуется разрозненностью и недостаточной эффективностью. Бюджетный кодекс РФ предусматривает бюджетные меры принуждения (бесспорное взыскание, приостановление операций, сокращение лимитов), Кодекс об административных правонарушениях — административные штрафы, Уголовный кодекс — ответственность за отдельные виды нарушений.

Однако на практике реализация этих мер затруднена по ряду причин:

- **длительные сроки привлечения к ответственности;**
- **отсутствие реальной неотвратимости;**
- **несоразмерность ответственности.**

Кроме того, сохраняется проблема разграничения компетенции между контрольными органами и правоохранительными органами. Материалы проверок не всегда передаются своевременно, а критерии для передачи дел в следственные органы не унифицированы.

Необходимо реформировать систему мер принуждения, установив прямую взаимосвязь между суммой нарушения и размером санкций. Следует сократить сроки применения бюджетных мер принуждения, ввести упрощенный порядок взыскания для бесспорных нарушений. Целесообразно разработать межведомственный регламент взаимодействия контрольных и правоохранительных органов, установив четкие сроки передачи материалов и единые подходы к квалификации нарушений.

6. Пути совершенствования правового регулирования: системные предложения

Обобщая выявленные проблемы, можно предложить следующие системные направления совершенствования правового регулирования финансового контроля:

1. Унификация законодательства. Необходимо принять единый кодифицированный акт — Основы законодательства о государственном финансовом контроле, который объединил бы общие принципы, компетенцию органов, процедурные нормы и стандарты. Такой акт мог бы заменить разрозненные положения, содержащиеся в Бюджетном кодексе, Федеральном законе «О Счетной палате», Законе № 394-ФЗ и ведомственных актах.

2. Внедрение комплексной автоматизированной системы управления контролем. Создание единой цифровой платформы, интегрирующей планы проверок, результаты мероприятий, реестры нарушений и информацию о примененных мерах, позволит исключить дублирование и повысить прозрачность контрольной деятельности.

3. Совершенствование механизмов досудебного обжалования. Законодательное закрепление обязательного досудебного порядка обжалования решений контрольных органов с созданием специализированных административных юрисдикций (например, апелляционных комиссий) позволит снизить нагрузку на суды и ускорить восстановление нарушенных прав.

4. Расширение практики применения профилактических мер. Целесообразно законодательно закрепить возможность выдачи предостережений о недопустимости нарушений, проведения профилактических визитов, заключения соглашений о соблюдении финансовой дисциплины. Это позволит сместить акцент с карательной функции на превентивную.

5. Гармонизация ответственности. Необходимо привести в соответствие санкции, предусмотренные бюджетным, административным и уголовным законодательством, устранив противоречия в квалификации нарушений и обеспечив соразмерность наказания.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации, несмотря на значительные позитивные изменения последних лет, продолжает страдать от системных

недостатков. Ключевыми проблемами являются размытость разграничения компетенции контрольных органов, отсутствие единых стандартов и процедур, неполное внедрение риск-ориентированного подхода, правовые пробелы в сфере цифровизации, а также недостаточная эффективность механизмов реализации мер принуждения.

Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего унификацию законодательства, создание единой цифровой среды контроля, совершенствование процессуальных форм и гармонизацию ответственности. Пред-

ложенные в статье пути совершенствования направлены на формирование целостной, прозрачной и эффективной системы финансового контроля, способной обеспечить законность и эффективность использования публичных финансовых ресурсов в условиях современных вызовов.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть сосредоточены на анализе практики применения нового законодательства, оценке эффективности внедрения риск-ориентированного подхода и разработке конкретных моделей правового регулирования цифровых форм контроля.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3823.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1649.
3. Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О государственном (муниципальном) финансовом контроле» // СЗ РФ. — 2020. — № 50. — Ст. 8074.
4. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ. — 2008. — № 52. — Ст. 6249.
5. Кудряшова, Е. В. Цифровизация финансового контроля: правовые риски и перспективы / Е. В. Кудряшова. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2024. — № 1. — С. 78–92.
6. Поветкина, Н. А. Единая система публичной власти и финансовый контроль: конституционно-правовые аспекты / Н. А. Поветкина. — Текст: непосредственный // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 6. — С. 34–40.
7. Сатарова, Н. А. Государственный финансовый контроль: эффективность и направления реформирования / Н. А. Сатарова. — Текст: непосредственный // Реформы и право. — 2022. — № 3. — С. 22–29.
8. Цирин, А. М. Риск-ориентированный подход в контрольно-надзорной деятельности: проблемы реализации / А. М. Цирин. — Текст: непосредственный // Административное право и процесс. — 2023. — № 5. — С. 15–21.

Проблемы выявления и доказывания злоупотреблений правом в корпоративных конфликтах

Гердт Эмиль Евгеньевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию проблем выявления и доказывания злоупотреблений правом в корпоративных конфликтах. Рассматривается международная практика борьбы с подобными явлениями в Германии, Англии и России. Выделяются преимущества и недостатки действующих механизмов противодействия злоупотреблениям, приводятся сравнительные характеристики соответствующих институциональных решений. Предлагается комплекс мер по совершенствованию российского законодательства, учитывающих международный опыт и обеспечивающих снижение рисков злоупотреблений правом.

Ключевые слова: корпоративное право, злоупотребление правом, конфликт, корпоративный спор, признание недействительными.

Корпоративные конфликты — сложная категория деловых споров, которая характеризуется значительными экономическими издержками, влиянием на репутацию предприятий и широкой общественной реакцией. Одна из центральных проблем при разрешении таких конфликтов — установление и доказывание случаев злоупотребления правом участниками спора.

Злоупотребление правом означает сознательное использование своих полномочий способами, нарушающими принцип добросовестности и преследующими цели, противоречащие законодательству. Такие действия нарушают баланс интересов сторон и ставят под угрозу права и законные интересы третьих лиц. Определение факта злоупотребления правом выступает ключевой за-

дачей, которую решают судебные органы при рассмотрении корпоративных споров.

Для понимания природы злоупотребления правом важно обратиться к общим положениям гражданского законодательства. Согласно ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. Это положение устанавливает общий запрет на недобросовестное использование гражданских прав и служит основанием для признания действий лица неправомерными.

Однако применение указанной нормы сталкивается с определенными трудностями. Во-первых, закон не раскрывает исчерпывающий перечень форм злоупотребления правом, оставляя определение конкретного случая злоупотребления на усмотрение суда. Во-вторых, факт злоупотребления правом подлежит установлению судом исходя из конкретных обстоятельств дела, что предполагает необходимость оценки поведения участника конфликта с точки зрения наличия умысла на нарушение прав и интересов других лиц.

Доказывание факта злоупотребления правом в корпоративном конфликте требует от истца представления убедительных аргументов и документов, подтверждающих нарушение норм действующего законодательства. Однако судебная практика показывает, что подобные доказательства сложно собрать и представить суду. Основные трудности связаны с такими факторами, как:

1) Недостаточная детализация состава правонарушения. Законодательство не содержит четкого перечня признаков злоупотребления правом, что затрудняет квалификацию действий участников конфликта. Судам приходится самостоятельно определять признаки злоупотребления, основываясь на оценке совокупности представленных доказательств.

2) Ограниченность доказательственной базы. Факты злоупотребления правом часто скрываются за внешне правомерными действиями, такими как заключение сделок, принятие решений органами управления обществом или выполнение отдельных обязательств. Доказательства противоправного характера указанных действий могут отсутствовать либо быть трудно доступными для стороны, заявляющей о нарушении.

3) Отсутствие единого подхода судов к квалификации злоупотребления правом. Судебная практика по делам

о злоупотреблении правом отличается отсутствием единообразия подходов к квалификации аналогичных ситуаций. Различия в позициях судов создают дополнительные препятствия для установления истины по делу и приводят к увеличению сроков судебного разбирательства.

4) Скрытность корпоративной информации. Руководители компаний нередко скрывают важные сведения, делая невозможным полноценный анализ обстоятельств дела.

5) Низкая осведомлённость миноритарных акционеров о порядке подготовки и проведения собраний, голосования и участия в принятии решений.

6) Отсутствие эффективного контроля за деятельностью исполнительных органов со стороны владельцев контрольных пакетов акций.

7) Зависимость от свидетельских показаний сотрудников компании, которые могут быть противоречивыми или искажёнными из-за давления руководства.

8) Низкая квалификация юристов, представляющих интересы акционеров и инвесторов.

9) Процессуальные сложности: длительность разбирательства, высокие издержки, отсутствие эффективных мер принудительного исполнения судебных актов.

Исследователи выделяют несколько типов злоупотреблений:

– Манипуляция голосованием — введение миноритарных акционеров в заблуждение относительно существенных обстоятельств сделки или принятия решений путём искажения информации.

– Заключение фиктивных сделок — искусственное увеличение расходов компании через контракты с аффилированными структурами, приводящее к выводу активов и снижению прибыльности общества.

– Уклонение от обязательств по выплате дивидендов — необоснованное удержание прибылей крупными акционерами с целью недопущения распределения доходов среди остальных участников.

– Искажённое представление отчётности — предоставление ложных финансовых показателей, завышение или занижение стоимости имущества компании.

– Сделки с заинтересованностью, заключаемые в ущерб интересам общества.

– Использование арбитражных соглашений с выгодоприобретателями-мошенниками для сокрытия истинных мотивов заключения договоров.

Таблица 1. Наиболее распространённые формы злоупотреблений правом в России

Форма злоупотребления	Доля	Возможные санкции
Манипуляция собраниями акционеров	35 %	Признание решений незаконным
Сделки с заинтересованностью	25 %	Аннулирование сделки, возмещение убытков
Соккрытие важной информации	20 %	Штрафы, административные наказания
Неправомерное расходование средств	15 %	Возмещение убытков, уголовная ответственность
Принуждение к продаже акций	5 %	Возврат незаконно отчуждённого имущества

Несмотря на существующие проблемы, законодательство предусматривает ряд механизмов, направленных на защиту от злоупотребления правом. К ним относятся:

1) Применение положений ГК РФ о признании сделки недействительной. Ст. 168 ГК РФ позволяет признать сделку недействительной, если она совершена с нарушением требований закона или иного правового акта. Данный механизм используется судами для отмены сделок, заключенных с целью злоупотребления правом.

2) Признание решения органа управления недействительным. Органы управления акционерных обществ и ООО наделены широкими полномочиями по принятию решений, затрагивающих интересы акционеров и участников общества. Если решение принято с нарушением процедуры или направлено на достижение цели, противоречащей интересам общества, оно может быть признано недействительным.

3) Возмещение убытков, вызванных злоупотреблением правом. Одним из способов компенсации вреда, причиненного злоупотреблением правом, является возмещение убытков. Истец вправе требовать возмещения ущерба, понесенного вследствие нарушения его прав и законных интересов.

4) Обжалование решений общих собраний акционеров (Федеральный закон «Об акционерных обществах»).

5) Институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц.

Рассматриваемые механизмы позволяют участникам корпоративных конфликтов защищать свои права и интересы, предотвращая случаи злоупотребления правом. Вместе с тем, эффективность данных мер зависит от ряда условий, включая своевременность обращения в суд, качество представляемых доказательств и профессионализм юристов, участвующих в процессе.

Таблица 2. Анализ реальных примеров злоупотребления правом

№	Описание инцидента	Применяемый инструмент	Уровень применения	Оценка эфф-ти
1	Акционер совершил крупную продажу акций прямо накануне публикации негативной финансовой отчетности	Признание сделки недействительной	40 %	Средняя
2	Совет директоров принял решение о крупных инвестициях в проект, заведомо невыгодный для общества	Обжалование решения совета директоров	30 %	Высокая
3	Генеральный директор заключил договор поставки с аффилированной фирмой по завышенным ценам	Требование о возмещении убытков	30 %	Ниже среднего

Эти примеры иллюстрируют разнообразие проявлений злоупотребления правом и демонстрируют спектр возможных инструментов защиты.

При изучении вопросов злоупотребления правом полезно рассмотреть подходы зарубежных юрисдикций, особенно стран континентальной Европы и англосаксонской системы права. Каждая страна обладает своим уникальным набором правовых инструментов для предотвращения злоупотреблений, однако существуют общие тенденции и подходы, применимые к российским условиям.

Немецкое гражданское право традиционно характеризуется строгим контролем над поведением хозяйствующих субъектов. Германская доктрина злоупотребления правом включает два аспекта: *Ungerechtfertigte Benachteiligung* («необоснованное нанесение ущерба») и *Unlauterkeit* («недобросовестность»). Важнейшую роль играет проверка соблюдения принципа добросовестности (*Treu und Glauben*) в поведении участников коммерческих отношений. Немецкий Верховный суд последовательно признает недействительными договоры и сделки, направленные на причинение необоснованного вреда контрагенту. Пример немецкого опыта демонстрирует

важность превентивных мер в законодательстве и четких ориентиров для принятия судебных решений.

Английские законы о компаниях подчеркивают ключевую роль директив доверительного управления директорами корпораций. Здесь действует концепция *fiduciary duty* («обязанность доверия»), обязывающая управляющих действовать честно и открыто в интересах предприятия. Британские суды регулярно признают соглашения и управленческие решения недействительными, если доказано, что директор действовал в собственных интересах вопреки интересу корпорации. Такой подход способствует формированию культуры корпоративной ответственности и повышает прозрачность деятельности менеджмента.

Российская правоприменительная практика заметно отличается от западных аналогов. Российские суды склонны применять правила злоупотребления правом гораздо осторожнее и реже идут на признание договоров недействительными по данному основанию. Основная причина кроется в отсутствии четко установленных критериев злоупотребления правом и многообразии трактовок судебной власти.

Зарубежные же государства предлагают более детальные ориентиры и гарантии защиты прав миноритариев и мелких инвесторов, обеспечивая прозрачность

Таблица 3. Критерии злоупотребления правом в различных юрисдикциях

Страна	Ключевой критерий	Примеры реализации
Германия	Treu und Glauben	Проверка на предмет отсутствия недобросовестности
Великобритания	Fiduciary Duty	Обязанности руководителей действовать в интересах компании
Франция	Principe de bonne foi	Принцип добросовестности
Россия	Добросовестность	Оценка соответствия целей действий нормам законодательства

Таблица 4. Подходы к рассмотрению жалоб на злоупотребление правом

Страна	Инструменты проверки	Особенности
Германия	Судебная экспертиза фактов	Четкая оценка ущерба и оснований иска
Великобритания	Внутренняя проверка и аудит	Назначение специализированных ревизоров
Россия	Юридическая экспертиза	Привлечение квалифицированных экспертов по гражданским спорам

корпоративного управления и справедливый подход к разрешению споров. Следующие таблицы наглядно показывают различия в механизмах выявления и подавления злоупотреблений правом в разных странах.

Наблюдается значительное различие в инструментари, используемом разными странами для предупреждения злоупотреблений правом. За рубежом большее внимание уделяется институтам контроля и аудиту, тогда как российские судьи чаще применяют судебное вмешательство и юридическую экспертизу.

В свете рассмотренных тенденций представляется необходимым внедрение некоторых элементов международной практики в российскую систему корпоративного права. Среди предложений:

- Формирование специализированного института досудебного урегулирования корпоративных конфликтов, аналогичного английскому арбитражу.
- Разработка специальных инструкций для судов по определению границ злоупотребления правом.

– Активное сотрудничество с международными организациями по разработке общих принципов корпоративного управления.

Подобные изменения могли бы способствовать снижению числа злоупотреблений правом и улучшению общей атмосферы ведения бизнеса в России. Международный опыт ясно показывает, что эффективное регулирование злоупотреблений правом возможно лишь при сочетании национальных традиций и лучших мировых практик. Хотя каждая страна формирует собственные методы и институты, заимствование позитивных элементов чужой правовой системы способно значительно улучшить состояние корпоративного сектора.

Таким образом, расширение международного сотрудничества и адаптация успешных моделей смогут стать важным инструментом в повышении устойчивости российских компаний и защите интересов широкого круга заинтересованных лиц.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Статья 10.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Статья 168.: Федеральный закон № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».
2. Bundesgerichtshof (Федеральный верховный суд Германии). Entscheidung vom 15. Juli 2015 — IX ZR 143/14.
3. English Court of Appeal Case Law Reports, Bramble v. Bell (2018) EWCA Civ 1357.
4. Алексеев А. А., Трофимов Г. В. Актуальные проблемы выявления и доказывания злоупотреблений правом // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 56–64.
5. Сергеев А. П. Корпоративные конфликты и защита интересов миноритарных акционеров. М: Юриспруденция, 2021. С. 125–138.
6. Mattei Ugo, Renner Kevin J. Comparative Law for a Global Legal Profession. Oxford University Press, 2019. Pp. 157–163.
7. Van Harten Gus. Investment Treaty Arbitration and Public Law. Oxford University Press, 2017. Pp. 245–258.

Будущее юриста в эпоху развития искусственного интеллекта

Глебова Алёна Денисовна, студент

Научный руководитель: Тимошук Кирилл Игоревич, кандидат физико-математических наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Статья посвящена анализу влияния технологий искусственного интеллекта на юридическую профессию. Рассматриваются ключевые направления трансформации профессиональной юридической деятельности под воздействием генеративных нейросетей. Обосновывается тезис о том, что искусственный интеллект выступает не столько конкурентом юриста, сколько инструментом, высвобождающим ресурсы для решения более сложных аналитических и творческих задач, требующих человеческого участия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юридическая профессия, автоматизация права, генеративные нейросети, юридическое образование.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта ставит перед юридическим сообществом принципиальный вопрос: сохранится ли профессия юриста в привычном виде или искусственный интеллект способен полностью заменить человека в сфере правоприменения? Сооснователь OpenAI Андрей Карпатый представил свою «тепловую карту» тех профессий, которые наиболее или наименее уязвимы к замене искусственным интеллектом по шкале от одного до десяти [4]. Очевидно, что к наименее уязвимым профессиям отнесены те, где превалирует ручной труд. Юристы же получили 8 из 10 баллов, что означает нахождение профессии в зоне высокого риска. А для помощников юриста оценка составляет 9 из 10. Эта статистика заставляет задуматься о перспективах работы по профессии о путях развития. Важно понимать, что высокий балл уязвимости не означает, что профессия исчезнет. Это означает, что искусственный интеллект сильным образом изменит профессию. Например, в случае с юристами искусственный интеллект значительно упрощает работу с документацией и сбором и систематизацией огромного количества информации. При этом вести сложные межличностные переговоры будет по-прежнему человек.

Исследователи из Стэнфордской школы права в рамках инициативы liftlab (Legal Innovation through Frontier Technology Lab) выделяют несколько ключевых направлений применения искусственного интеллекта в юридической практике [9]: разработка многоагентных симуляций для моделирования взаимодействия юридических команд, создание мультимодальных систем анализа юридических процессов и обучение специализированных языковых моделей для понимания и генерации сложных правовых текстов. Указанные направления демонстрируют, что искусственный интеллект проникает не только в технические, но и в содержательные аспекты юридической работы.

Внедрение искусственного интеллекта в юридическую практику неизбежно влечёт за собой трансформацию требований к профессиональным компетенциям юриста. Так, современный юрист должен не только знать право, но и понимать, как работают системы искусственного интел-

лекта в контексте правоприменения. Юристу необходимо уметь пользоваться специализированным программным обеспечением для анализа документов, управления судебными делами и автоматизации юридических процессов. Ему необходимо знать, как функционируют нейросети и алгоритмы машинного обучения, чтобы грамотно ставить задачи разработчикам и оценивать результаты работы ИИ-систем. Будущее принадлежит специалистам, способным работать на стыке права, информационных технологий и бизнес-процессов. Умение работать с большими данными, интерпретировать результаты машинного анализа и объяснять сложные технологические концепции на доступном языке также становится неотъемлемой частью профессии [7].

Необходимо уделить внимание адаптации образовательных программ юридических вузов к новым реалиям цифровой трансформации. Ведущие университеты уже запускают магистерские программы, а также курсы переподготовки и повышения квалификации. Так, в России лидером по этому направлению является НИУ ВШЭ, где действует первая и пока единственная онлайн магистратура по Legal Tech [5]. Как отмечают К. И. Тимошук, Ю.М. Боброва и Ш. М. Шурпаев, в научных исследованиях ИИ является инструментом, который обладает потенциалом обогатить процесс обучения и научных исследований как для студентов, так и для преподавателей. Среди основных направлений применения ИИ в научных исследованиях выделяются автоматизация обработки больших объемов данных, обработка естественного языка, составление прогностических моделей, формулирование круга идей, позволяющих определить гипотезу исследования [2, с. 78].

Особый интерес представляет использование искусственного интеллекта в судебной системе, который уже смог проявить себя в реальных заседаниях. В 2025 году американка Линн Уайт выиграла дело о выселении, используя нейросеть ChatGPT. В течение нескольких месяцев Уайт активно загружала судебные документы, анализировала процессуальные ошибки судьи, изучала законодательство и составляла ответы для суда. Результат превзошел ее ожидания — суд не только отменил решение о выселении, но и списал 55 000 долларов штрафов и 18 000 долларов

задолженности [1]. Интерес вызывает свежий кейс Арбитражного суда Удмуртской республики, где суд сослался на краткий ответ, генерируемый нейросетью поисковой системы Google. Суд обратился с запросом: «как добавить объект с фотографиями на Яндекс Карты». Согласно генерируемому нейросетями краткому ответу (обзор от ИИ) выдан ответ: «Добавить объект с фотографиями на Яндекс Карты может любой авторизованный пользователь, владелец бизнеса или сотрудник через «Яндекс Бизнес», а также участники «Народной карты». На запрос «кто контролирует оформление сайта на Яндекс Картах» сгенерирован краткий ответ: «Оформление карточки компании (сайта) на Яндекс Картах полностью контролируется через сервис Яндекс Бизнес. Владелец бизнеса управляет информацией — названием, фото, услугами и ссылкой на сайт — в личном кабинете после подтверждения прав на организацию» [6]. Таким образом, суд фактически признал информацию, сгенерированную нейросетью Google надлежащим источником сведений о функционале цифровых сервисов. Это один из первых случаев в российской практике, где «обзор от ИИ» фигурирует в мотивировочной части решения суда. Немаловажное значение имеет создание отечественной нейросети Plevako.ai, которая разработана для оптимизации юридической деятельности. Основными ее возможностями является автоматизация документооборота (составление типовых договоров, исков, жалоб и других юридических документов, проверка документов на соответствие законодательству, анализ и выявление юридических рисков в договорах), правовой анализ (поиск релевантной судебной практики, анализ законодательства и нормативных актов, прогнозирование исходов судебных дел на основе анализа похожих кейсов), консультационная поддержка (быстрые ответы на типовые юридические вопросы, помощь в правовой квалификации ситуаций) [10]. Внедрение этой нейросети четко показывает переход от традиционной модели работы к гибридной, где деятельность человека дополняется ИИ. Автоматизация рутинных операций через Plevako.ai позволяет освободить рабочее время юриста и переориентироваться на более сложные задачи.

В последние годы в медиапространстве активно распространяется информация о полном переходе Китая на систему «умного суда» с искусственным интеллектом, способным самостоятельно выносить приговоры. Прежде всего, необходимо констатировать, что не существует цифрового судьи, который рассматривает дела и выносит решения. Реальное назначение внедрённых систем заключается в комплексной поддержке судебного процесса. Как отмечают исследователи вопроса, система «умного суда» действительно использует большие данные и машинное обучение, чтобы помогать живому судье быстро находить аналогичные дела прошлых лет, подсказывать возможные статьи закона, быстро генерировать тексты решений и сопутствующих судебных документов. Таким образом, речь идёт о системе поддержки принятия решений (Decision Support System), а не о замене человеческого судьи алго-

ритмом. Система построена таким образом, чтобы при разногласиях судьи и искусственного интеллекта, судья был обязан занести в систему объяснение своего решения [3]. Сделано это не для замены живого судьи на электронного, а для снижения уровня коррупции и необоснованных решений. Данный подход представляет собой инновационный механизм обеспечения подотчётности судебной власти.

Несмотря на очевидный потенциал технологий искусственного интеллекта для повышения эффективности юридической деятельности, их применение сопряжено с рядом существенных рисков, которые должны учитываться как в практической деятельности, так и в процессе профессиональной подготовки юристов. К числу основных рисков относятся: проблема достоверности генерируемой информации (так называемые «галлюцинации» нейросетей), угрозы конфиденциальности данных и информационной безопасности, а также потенциальное снижение профессиональной квалификации при чрезмерной опоре на автоматизированные инструменты. Демонстрацией указанных проблем стало дело Прокурора округа Клейтон (штат Джорджия). В 2026 году Прокурор округа Клейтон Дебора Лейсли использовала искусственный интеллект для составления юридических документов для Верховного суда Джорджии по делу Ханны Пейн, осужденной на пожизненное за убийство [8]. Главный судья Верховного суда Джорджии обнаружил как минимум пять ссылок на несуществующие дела и еще как минимум пять ссылок на дела, которые не подтверждают те тезисы, на которые ссылаются. Лейсли, которая сначала утверждала, что файл был изменен, позже призналась, что использовала искусственный интеллект, а сгенерированные нейросетью ссылки на судебную практику «не были самостоятельно проверены перед включением в документы». Затем Окружной прокурор Мосли в письме к председателю Верховного суда также признал, что прокурор Лейсли использовала искусственный интеллект при подаче документов. Мосли сообщил суду, что прокурор нарушила этические нормы ведомства, пожившись на технологию, которая создавала несуществующие дела в поддержку ее аргументов. Он заявил, что Лейсли грозит дисциплинарное взыскание, которое может включать в себя жалобу в Коллегию адвокатов штата (The State Bar), временное отстранение от практики и лишение привилегий.

Таким образом, искусственный интеллект не сможет полностью заменить профессию юриста, но он существенно трансформирует содержание профессиональной деятельности, автоматизируя рутинные операции и высвобождая ресурсы для решения более сложных аналитических задач, требующих человеческого участия. Ключевой компетенцией современного юриста становится способность к эффективному взаимодействию с ИИ-инструментами, что предполагает понимание как их возможностей, так и присущих им ограничений. Развитие генеративных нейросетей, способных анализировать за-

конодательство и судебную практику, формулировать правовые позиции и даже составлять проекты процессуальных документов, подрывает монополию юриста на интерпретацию правовых текстов и применение правовых

норм. Но сохранение человеческого фактора в юридической деятельности остается необходимым, так как тексты, написанные нейросетями, требуют критического осмысления профессионалами.

Литература:

1. Американка выиграла суд с помощью ChatGPT. — Текст: электронный // Яндекс Дзен: [сайт]. — URL: <https://dzen.ru/a/aOeo5SDO-AAgRUiT?ysclid=mnxphis983618412904> (дата обращения 13.04.2026).
2. Боброва, Ю. М., Тимошук, К. И., Шурпаев Ш. М. Информационное обеспечение научного исследования — СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2025. — 92 с.
3. В Китае внедрили судебный ИИ. Или нет?. — Текст: электронный // Хабр: [сайт]. — URL: <https://habr.com/ru/articles/677920/> (дата обращения: 30.04.2026).
4. Какие профессии заменит искусственный интеллект?. — Текст: электронный // Яндекс Дзен: [сайт]. — URL: <https://dzen.ru/a/aca-2VVorWZx1YIy> (дата обращения: 13.04.2026).
5. Магистерская программа «LegalTech: юридическое сопровождение инновационных проектов». — Текст: электронный // hse.ru: [сайт]. — URL: <https://www.hse.ru/ma/legaltech/> (дата обращения 14.04.2026).
6. Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 20.03.2026 по делу № А71 19500/2025. — Текст: электронный // Картотека арбитражных дел: [сайт]. — URL: <https://ras.arbitr.ru> (дата обращения 14.04.2026).
7. Юрист будущего: какие навыки нужны уже сегодня. — Текст: электронный // Юридический портал «Сфера»: [сайт]. — URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/yurist-buduschego-kakie-navyki-nuzhny-uzhe-segodnya> (дата обращения: 13.04.2026).
8. Clayton prosecutor punished for using AI in court filings, citing fake cases. — Текст: электронный // Yahoo News: [сайт]. — URL: <https://www.yahoo.com/news/articles/clayton-prosecutor-punished-using-ai-025320374.html> (дата обращения 14.04.2026).
9. LiftLab explores AI for legal services. — Текст: электронный // Stanford News: [сайт]. — URL: <https://news.stanford.edu/stories/2025/09/liftlab-ai-artificial-intelligence-legal-services> (дата обращения 13.04.2026).
10. Plevako.ai: официальный сайт. — Текст: электронный // Plevako.ai: [сайт]. — URL: <https://plevako.ai> (дата обращения 28.04.2026).

Эволюция института наёмничества: от античных армий до частных военных компаний XXI века

Голенков Роман Александрович, студент
Владивостокский государственный университет

В статье проводится комплексный историко-правовой анализ феномена наёмничества как перманентного элемента военно-политической истории человечества. На основе хронологического подхода прослеживается трансформация института от его зарождения в древних цивилизациях до современных форм деятельности частных военных и охранных компаний (ЧВОК). Рассматриваются ключевые предпосылки, социально-экономические и политические мотивы, а также особенности правового регулирования наёмничества в различные исторические эпохи. Особое внимание уделяется изменению статуса наёмного воина в контексте международного права и этическим дилеммам, связанным с приватизацией насилия в XXI веке.

Ключевые слова: наёмничество, частные военные компании, ЧВК, военная история, международное гуманитарное право, эволюция, наёмная армия.

Институт наёмничества представляет собой сложный и многогранный феномен, сопровождающий историю государственности и войн на протяжении тысячелетий. Его актуальность в современном мире обусловлена не только возрождением в форме высокотехнологичных частных военных компаний (ЧВК),

но и фундаментальными вопросами о монополии государства на легитимное насилие, ответственности за военные действия и правовыми лакунами в регулировании международных конфликтов. Целью данного исследования является выявление закономерностей и этапов эволюции наёмничества, анализ его социально-экономи-

ческой сущности и правового статуса от Древнего мира до наших дней.

Зарождение наёмничества было обусловлено потребностью ранних государств в профессиональных воинах, особенно в периоды военных экспансий или внутренних кризисов. В Древнем Египте эпохи Нового царства для усиления армии активно привлекались нубийские лучники и ливийские наёмники. Однако классическими примерами стали Древняя Греция и Рим. В греческих полисах, таких как Спарта или наёмники-пелопоннесцы, служба за плату стала распространённой практикой. В Риме, особенно в период Поздней Республики и Империи, наёмные вспомогательные войска (*auxilia*) из покорённых народов стали неотъемлемой частью военной машины, что одновременно усиливало армию и таило угрозу лояльности. Сущность древнего наёмничества заключалась в личной договорной связи воина и нанимателя (полиса, царя, полководца) при отсутствии национальной или государственной идентичности у солдата.

В Риме система использования иноземных воинов прошла полный цикл эволюции — от инструмента, органично дополнявшего собственную военную систему, до фактора, подорвавшего её изнутри. Вспомогательные войска (*ауксили*) набирались частью из вассальных и союзных народов, частью из иностранцев-наёмников. В период Поздней империи Рим перешёл к использованию федератов — целых варварских племён, поселявшихся на римской территории в обмен на военную службу. Ключевое различие между *ауксалиями* и федератами лежит не в этнической плоскости, а в характере отношений с государством: *ауксалий* становился римским солдатом, интегрированным в римскую иерархию и дисциплину; федерат оставался воином своего вождя, лишь временно и условно союзным Риму. Античный опыт выявил устойчивую дилемму: наёмничество усиливает государство, пока оно институционализировано и контролируемо, но разрушает его, когда становится автономным.

Средневековая эпоха стала периодом, когда институт наёмничества достиг своего институционального расцвета. В Италии XIV–XV вв. сложилась система кондотьерства: кондотьеры — предводители наёмных военных отрядов, заключавшие с городами-государствами письменные договоры (*кондотты*), детально регламентировавшие численность отряда, срок службы, размер вознаграждения и порядок дележа добычи. В конце XV–XVI вв. на европейских полях доминировали швейцарские пикинёры и немецкие ландскнехты, превратившие войну в высокоорганизованный бизнес. Социальный состав наёмников был многослойным: от обедневшего рыцарства до деклассированных элементов, объединённых в корпорацию нового типа, не признававшую сословных и национальных границ. Политическая роль наёмничества была амбивалентной: оно способствовало централизации власти, но порождало риски мятежей и узурпации. Церковь последовательно осуждала наёмничество: Третий Латеранский собор (1179 г.) пригрозил наёмникам отлу-

чением от церкви, однако эффективность этих запретов оказалась низкой в силу противоречия экономическим интересам светских государей.

Эпоха Нового времени стала переходным этапом от легитимного наёмничества к его правовой стигматизации. Швейцарские наёмники, организованные в систему междо-государственных договоров, стали образцом «национального экспортного продукта»: французский король Людовик XI заключил с восемью кантонами договор 1474 года, по которому кантоны обязывались выставять вооружённых людей за ежегодную плату. Швейцарская гвардия при французском дворе и «Сто швейцарцев» выполняли функции личной охраны монарха. В Наполеоновских войнах иностранные контингенты (поляки, швейцарцы, немцы, итальянцы) составляли до половины Великой армии; их эффективность зависела от мотивации: идеологическая составляющая (польская надежда на восстановление отечества) и корпоративная честь обеспечивали стойкость, тогда как чисто наёмные части из военнопленных отличались низкой лояльностью. Войны за независимость Латинской Америки продемонстрировали феномен трансатлантического наёмничества, где британские и ирландские ветераны, движимые смесью либеральных идеалов и материального интереса, сыграли решающую роль в победе патриотов. Правовое регулирование в Новое время развивалось от национальных запретов к первым международным актам, заложившим основы для различения законных комбатантов и лиц, не имеющих права на статус военнопленных.

После Второй мировой войны наёмничество подверглось жёсткому осуждению. Принятие Дополнительного протокола I (1977) к Женевским конвенциям 1949 года дало узкое юридическое определение наёмника, сделав его практически невозможным для применения и лишив защиты по международному гуманитарному праву. В 1989 году была принята Конвенция ООН о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников, криминализировавшая смежные составы преступлений. Однако на практике это привело не к исчезновению, а к трансформации феномена. В конце XX — начале XXI века возникает феномен частных военных и охранных компаний (ЧВОК), предлагающих комплексные услуги от логистики и обучения до непосредственного участия в боевых действиях. Наиболее известными примерами стали южноафриканская Executive Outcomes, британская Sandline International и американская Blackwater (позже Academi). В Ираке и Афганистане численность сотрудников ЧВОК в отдельные периоды превышала численность регулярных воинских контингентов. Показательный пример — Blackwater: основанная в 1997 году Эриком Принсем, эта компания занималась охраной сотрудников ЦРУ и Госдепартамента, а в 2007 году её сотрудники устроили стрельбу на площади Нисур в Багдаде, убив 17 мирных иракцев, что вызвало международный скандал. Их правовой статус остаётся неопределённым, что создаёт «серую зону» ответственности.

Осознание неэффективности классического запретительного подхода привело к поиску новых форм регулирования. В 2008 году по инициативе Швейцарии и Международного комитета Красного Креста был принят Монтрёский документ о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся деятельности частных военных и охранных компаний в период вооружённого конфликта. Документ развенчивает распространённое заблуждение о том, что частные подрядчики действуют в правовом вакууме. Он выделяет три категории государств — контракторов (нанимающих ЧВОК), территориальные государства (где ЧВОК действуют) и государства происхождения (где ЧВОК зарегистрированы) — и систематизирует их международно-правовые обязательства. По состоянию на 2025 год участниками Документа являются более 50 государств, включая Россию, США, Великобританию, Францию, Германию и Китай.

Проведённое исследование демонстрирует удивительную живучесть и адаптивность института наёмничества. В работе показано, что наёмничество не является маргинальным или временным явлением, а представляет собой перманентный и высокоадаптивный институт, сопровождающий военно-политическую историю человечества с эпохи ранних цивилизаций. Анализ показал, что, несмотря на кардинальную трансформацию форм (от индивидуальных мистофоров и кондотьеров до корпоративных структур ЧВОК), его сущностное ядро — коммерциализация военной силы и предоставление услуг насилия за материальное вознаграждение — остаётся неизменным.

На основе проведённого анализа можно выделить следующие ключевые закономерности эволюции наёмничества:

1. Циклическая динамика правового статуса:

Институт прошёл путь от полной легитимности и даже почёта (античность, средневековье) через этап морального осуждения и правовой стигматизации (Новое время, XX век) к современной «серой зоне», где классические запретительные нормы (Протокол I, Конвенция ООН 1989 г.) оказались неэффективны перед лицом корпоративных форм ЧВОК.

2. Функциональная двойственность:

На всех исторических этапах наёмничество выполняло амбивалентную роль. Оно выступало инструментом укрепления центральной власти и военной профессионализации (Египет, Римская империя, абсолютистские монархии), но в условиях ослабления государственных институтов само становилось источником политической нестабильности, узурпации власти и подрыва государственной монополии на легитимное насилие (поздний Рим, итальянские кондотьеры, современные «государства-наёмники»).

3. Трансформация мотивации:

Если экономическая мотивация всегда оставалась базовой, то в определённые периоды (войны за независимость Латинской Америки, наполеоновские войны) на

первый план выходили идеологические и политические факторы (служение идее, национальное возрождение), что существенно повышало боеспособность наёмных контингентов. Современное наёмничество, напротив, в значительной степени характеризуется экономической исключённостью и маргинализацией наёмников.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке целостной периодизации эволюции наёмничества, выявлении его инвариантных признаков и вариативных форм, что вносит вклад в историю военного дела, социологию конфликта и теорию международных отношений, особенно в аспекте анализа кризиса государственного суверенитета. Практическая значимость определяется возможностью использования выводов и собранного эмпирического материала для совершенствования национального и международного законодательства. Понимание исторических паттернов позволяет более точно оценивать риски, связанные с деятельностью ЧВОК, и разрабатывать эффективные механизмы их контроля и подотчётности (например, при имплементации положений Монтрёского документа).

Настоящая работа имеет ряд ограничений. Во-первых, исследование сфокусировано преимущественно на европейском и ближневосточном ареалах, тогда как наёмничество в Азии (кроме Ближнего Востока) и доколумбовой Америке осталось за рамками анализа. Во-вторых, в силу объёма работы не удалось в полной мере рассмотреть гендерный аспект наёмничества (роль женщин) и его культурную репрезентацию в литературе и искусстве. В-третьих, анализ современных ЧВОК ограничен открытыми источниками и данными журналистских расследований, что связано с высокой степенью закрытости этой сферы.

Полученные результаты открывают перспективы для следующих исследовательских направлений:

1. Сравнительное изучение не-западных моделей наёмничества — в частности, практик использования частных военных компаний Китаем и Россией (включая феномен «Группы Вагнера») в контексте их геополитических стратегий в Африке и на Ближнем Востоке.

2. Анализ правовых механизмов привлечения к ответственности — детальное исследование юрисдикционных конфликтов и прецедентов судебного преследования сотрудников ЧВОК (например, дела Blackwater) с целью выработки рекомендаций по имплементации норм международного права на национальном уровне.

3. Влияние цифровизации и автономных систем на будущее наёмничества — изучение того, как развитие дистанционно управляемых и автономных боевых систем (дроны, роботизированные платформы) трансформирует рынок частных военных услуг и создаёт новые вызовы для международного гуманитарного права (вопрос об ответственности за действия ИИ-агентов).

История наёмничества представляет собой не только прошлое, но и активно разворачивающееся настоящее, требующее постоянного научного осмысления и адекватной правовой оценки.

Литература:

1. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 8 июня 1977 г. // Международный комитет Красного Креста. — URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/api-1977> (дата обращения: 10.04.2026).
2. Конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников. Принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1989 г. // Официальный сайт ООН. — URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-44-34> (дата обращения: 10.04.2026).
3. Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта. Монтрё, 17 сентября 2008 г.
4. Маринович Л. П. Греческое наёмничество IV в. до н. э. и кризис полиса / Л. П. Маринович. — М.: Наука, 1975. — 272 с.
5. Контамин Ф. Война в Средние века / Ф. Контамин; пер. с фр. — СПб.: Ювента, 2001. — 414 с.
6. Сингер П. У. Корпорация воинов: История приватизации военных действий / П. У. Сингер; пер. с англ. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. — 421 с.
7. Abbas, M. R. A Survey of the Military Role of the Sherden Warriors in the Egyptian Army during the Ramesside Period / M. R. Abbas // ENiM (Égypte nilotique et méditerranéenne). — 2017. — No. 10. — P. 7–23.
8. Spence, I. G. The Cavalry of Classical Greece: A Social and Military History / I. G. Spence. — Oxford: Oxford University Press, 1993. — 376 p.
9. Kinsey, C. International Law and the Control of Mercenaries and Private Military Companies / C. Kinsey // Cultures & Conflicts. — 2005. — No. 52. — P. 23–45.
10. Speidel, M. P. Riding for Caesar: The Roman Emperors' Horse Guards / M. P. Speidel. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994. — 224 p.
11. Caferro, W. Mercenary Companies and the Decline of Siena / W. Caferro. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. — 248 p.
12. Международный комитет Красного Креста. — URL: <https://www.icrc.org/ru/document/rf-kak-regulirovat-deyatelnost-chastnyh-voennyh-i-ohrannyh-kompaniy> (дата обращения: 10.04.2026).

Перспективы совершенствования процессуального статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве

Груздева Ксения Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Кудряшова Елена Семеновна, кандидат юридических наук, доцент
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

В данной статье автором анализируются действующие правовые нормы, регламентирующие статус подозреваемого, и выявляются существующие проблемы. Автор предлагает пути решения выявленных проблем, основанные на современных достижениях науки и практики. В работе обосновывается необходимость совершенствования процессуального статуса подозреваемого в целях обеспечения его прав и законных интересов, а также повышения эффективности уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, процессуальный статус подозреваемого, совершенствование законодательства, подозрение.

В уголовном процессе вызывает дискуссии неопределенность статуса подозреваемого, вызванная нечетким законодательным определением, спорными основаниями его присвоения и неочевидными сроками нахождения в нем. Пробелы в регулировании создают разночтения в практике применения, допуская злоупотребления со стороны следствия. Для устранения этих противоречий необходим всесторонний анализ правовых основ

статуса подозреваемого с учетом как теории уголовного процесса, так и правоприменительной практики. Такой анализ позволит разработать согласованные правила защиты прав и интересов подозреваемых на каждом этапе. Устранение пробелов повысит эффективность и справедливость уголовного судопроизводства [5, С.52].

Вопрос определения понятия «подозреваемый» в российском уголовно-процессуальном законодательстве вы-

зывает дискуссии. Хотя статья 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) устанавливает строгие критерии для присвоения статуса подозреваемого, не все перечисленные документы (например, постановление о возбуждении дела, протокол задержания, постановление о мере пресечения) автоматически влекут его приобретение [1]. Исключением является уведомление о подозрении, применяемое только при дознании. Но и постановление о возбуждении дела само по себе не содержит подробностей о предполагаемых подозрениях [2, С.12].

Законодатель использует тот же подход при определении другого участника уголовного процесса — обвиняемого (ч. 1 ст. 47 УПК РФ), перечисляя основания признания лица таковым. Однако в п. 22 ст. 5 УПК РФ закреплено понятие «обвинение», в то время как в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует раскрытие понятия «подозрение», несмотря на его употребление законодателем (ч. 1 ст. 10, ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 91 УПК РФ).

Установление причин, обуславливающих схожее правовое оформление различных законов, является нетривиальной задачей. Вместе с тем нельзя не отмечать наличие недочетов в юридической технике, проявляющихся в ее несовершенстве и логической незавершенности. Основным понятием в данной уголовно-процессуальной деятельности является «подозрение». В отличие от обвинения, утверждающего факт совершения преступления, подозрение является предположением правомочного лица о потенциальном неправомерном характере действий конкретного индивида. Отметим, что в отличие от обвинения подозрение может основываться на информации, полученной как в процессе уголовного преследования, так и за его пределами.

В соответствии с разъяснениями Конституционного Суда Российской Федерации при установлении наличия уголовного преследования необходимо учитывать не только формальные процессуальные признаки, но и фактические обстоятельства в отношении конкретного лица. При этом проводятся отдельные следственные действия (обыски, опознания, допросы и так далее) и совершаются иные процессуальные действия, которые напрямую указывают на подозрения в отношении этого лица или направлены на его изобличение [5].

Руководствуясь положением о равенстве сторон в судебном процессе, необходимо юридически закрепить концепцию «подозрение» в ст.5 УПК РФ, что не только устранил пробел в логической конструкции «подозрение — обвинение, подозреваемый — обвиняемый», но и позволит определить суть досудебного производства, направленного на выявление достаточных оснований для подозрения лица в совершении преступления.

Анализ ч.1 ст. 46 УПК РФ, содержащей определение подозреваемого, позволил выявить некоторые неточности в формулировках, которые приводят к неоднозначному толкованию.

Во-первых, согласно ч. 1 ст. 46 УПК РФ, лицо приобретает статус подозреваемого после применения мер про-

цессуального принуждения. Однако ч.2 ст.91 и ст. 100 УПК РФ допускают применение таких мер к лицам, уже имеющим статус подозреваемого.

Во-вторых, гл. 12 УПК РФ называется «Задержание подозреваемого», следовательно, само название предполагает, что лицо получает статус подозреваемого до фактического задержания. В то же время п.2 первой части статьи 46 УПК РФ устанавливает альтернативный путь: подозреваемым признается лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления.

Таким образом, данное противоречие в классификации статуса подозреваемого требует тщательного анализа и пересмотра. Отсутствие четкой временной связи между фактом задержания и получением лицом статуса подозреваемого становится предметом логической несостыковки и вызывает справедливые претензии Т. Дудорова. Подобная нестыковка в формулировке норм УПК РФ не соответствует принципам правового государства и создает основания для необоснованных задержаний, нарушений прав и свобод граждан [3, С.113].

Вместе с тем представляются более существенными вопросы, возникающие при сопоставлении понятия «подозреваемый» и оснований признания лица таковым, а именно: сохраняет ли лицо статус подозреваемого после отпадения соответствующих оснований, какова длительность названного процессуального статуса. При этом данная проблема приобретает особую актуальность, когда лицо приобретает статус подозреваемого на основаниях, предусмотренных п. 2 и 3 ч. 1 ст. 46 УПК (в случаях его задержания или избрания меры пресечения).

Современные концепции предусматривают две различные трактовки по данному вопросу. Доминирующая в научной среде позиция предполагает строгие временные рамки для статуса подозреваемого, установленные УПК РФ. Так, при задержании подозреваемого срок составляет максимум 48 часов, а при применении меры пресечения — до 10 суток (в отдельных случаях — до 45 суток). По истечении этих сроков подозреваемый теряет свой статус [1, С.45].

Некоторые правоприменители толкуют УПК РФ так, что в нем отсутствуют временные ограничения для нахождения лица в статусе подозреваемого. По их мнению, этот статус присваивается в соответствии с п. 2 и 3 ч. 1 ст. 46 УПК и остается действующим до тех пор, пока не будет отменен, а не по истечении срока действия принудительных мер. Например, когда назначена мера пресечения в форме подписки о невыезде, но обвинение предъявлено не было в течение 10 дней. В таком случае, по мнению специалистов, лицо сохраняет статус подозреваемого, даже если действующая мера пресечения отсутствует. Такое толкование подтверждается судебной практикой, в том числе решениями Конституционного Суда Российской Федерации и судов по конкретным уголовным делам [7].

Таким образом, до признания лица виновным в совершении преступления оно считается невиновным и может сохранять статус подозреваемого. Следовательно, лицо будет сохранять статус подозреваемого до тех пор, пока:

– Не будет вынесено постановление о прекращении уголовного преследования, в результате чего лицо получает право на реабилитацию;

– Не будет вынесено постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, что меняет его статус на обвиняемого.

Однако еще более проблемным является вопрос о наделении лица статусом «подозреваемого», если в отношении него не возбуждалось уголовное дело и не проводились следственные действия. Многие следователи на практике наделяют статусом подозреваемого лиц, в отношении которых не возбуждалось уголовное дело и, как следствие, применяют к ним меры принуждения. Изучив мнение Конституционного Суда РФ на этот счет, включая Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П, в котором даются разъяснения касательно исследуемого статуса, мы пришли к выводу, что в научных исследованиях и в законодательных нормах не уделяется должное внимание статусу подозреваемого, поскольку задержанное лицо, в отношении кото-

рого не возбуждено уголовное дело, имеет право на защиту [6]. То есть право на защиту предоставляется лицам независимо от того наделено ли оно статусом подозреваемого или обвиняемого, но проблема состоит в том, что лицо, задержанное, но не наделенное статусом подозреваемого не может быть подвергнуто мерам принуждения.

Следовательно, разрешение споров в теории и практике процессуального статуса подозреваемого требует комплексного пересмотра подхода к его возникновению в уголовном деле. Включение в УПК РФ термина «подозрение» и изменение формулировки ст. 46 с разграничением фактического и формального оснований установления статуса подозреваемого позволит устранить несоответствия процессуальных норм, данные внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство будет способствовать единообразному применению закона, предотвратит незаконные или необоснованные действия должностных лиц, обеспечивая тем самым соблюдение прав подозреваемого.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // СЗРФ. 2001 № 52. (ч.1). Ст. 4921.
2. Абесалашвили М. З. Правовой статус подозреваемого как участника уголовного процесса // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 2. — С. 45–48.
3. Белицкий В. Ю. Проблема законодательной регламентации наделения лица статусом подозреваемого // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXII международной научно-практической конференции: В 2 частях. Ответственный редактор Н. Н. Цуканов; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2019. — С.12–25.
4. Дудоров Т. Д. Правовой статус подозреваемого в контексте доктринального и легального толкования положений ст. 46 УПК РФ // World science: problems and innovations: Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции: В 2 частях. 2017. — С. 113–119.
5. Казимирова Е. Д. Процессуальный статус подозреваемого // Законность. 2022. № 10. С. 52–56.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2017 г. N 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Ченского» // СПС Консультант Плюс.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 N 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно — процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // СПС Консультант Плюс.
8. Решение Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 10 мая 2018 г. по делу N 2–1927/2018 // СПС Консультант Плюс.

Квалификация кибермошенничества: проблемы отграничения от смежных составов

Гуливанский Андрей Анатольевич, студент

Научный руководитель: Проводина Елена Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации и его отграничения от смежных составов преступлений. Особое внимание уделено разграничению статьи 159.6 УК РФ с кражей с банковского счета, общим составом мошенничества и преступлениями в сфере компьютерной информации. Сделан

вывод о том, что ключевое значение для правильной квалификации имеют способ завладения имуществом и характер воздействия на информационную систему.

Ключевые слова: кибермошенничество, квалификация преступлений, компьютерная информация, уголовное право, хищение.

Проблема квалификации кибермошенничества в российском уголовном праве связана со статьей 159.6 УК РФ, определяющей мошенничество в сфере компьютерной информации как хищение чужого имущества или приобретение права на него путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств ее хранения, обработки или передачи. Актуальность обращения к данной проблематике возрастает в условиях цифровизации экономики и повседневного оборота, когда расширение дистанционных сервисов и электронных способов расчетов сопровождается появлением новых цифровых способов совершения хищений. Цель настоящей работы состоит в выявлении проблем разграничения мошенничества в сфере компьютерной информации с иными формами хищения и смежными составами цифровых преступлений. Такая конструкция вызывает споры, поскольку в ней отсутствуют признаки обмана и злоупотребления доверием. В пункте 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 статья 159.6 УК РФ не включена в число составов, где способами названы обман или злоупотребление доверием. Поэтому в науке подчеркивается внутренняя противоречивость данной нормы. Д. А. Овакимян указывает, что, по существу, она описывает самостоятельный вид хищения [1], а Э. Е. Гензюк отмечает ее близость к преступлениям в сфере компьютерной информации [2]. Именно поэтому статья 159.6 УК РФ должна анализироваться не изолированно, а во взаимосвязи со смежными составами цифровых преступлений, прежде всего предусмотренными статьями 272 и 273 УК РФ.

Главной практической проблемой остается отграничение статьи 159.6 УК РФ от кражи с банковского счета. В пунктах 20 и 21 названного постановления Пленума разъяснено, что использование чужих учетных данных для входа в систему банковского обслуживания и перевода денежных средств образует кражу, если отсутствует незаконное воздействие на программное обеспечение, серверы, компьютеры либо сеть. Следовательно, применение цифрового инструмента не меняет юридическую природу хищения. А. А. Энгельгардт подчеркивает, что использование технологий не должно стирать границы между формами хищения [3]. Для применения статьи

159.6 УК РФ необходимо вмешательство в систему обработки или передачи информации.

Важно и разграничение статьи 159.6 УК РФ с общим составом мошенничества, предусмотренным статьей 159 УК РФ. Если виновный вводит в заблуждение конкретное лицо, например создает фиктивный интернет-магазин или рассылает ложные сообщения от имени банка, содеянное квалифицируется по статье 159 УК РФ. В таких случаях имущество передается вследствие заблуждения потерпевшего, а компьютерная среда выступает каналом коммуникации [4].

После реформирования норм о хищениях с использованием электронных средств платежа сложности возникли при разграничении статей 159.6, 159.3 и 158 УК РФ. Как отмечают Л. А. Петрякова и другие авторы, квалификация операций с картами, банкоматами и терминалами зависит от точного установления механизма преступления [5, 6]. Решающим для квалификации здесь выступает именно способ совершения деяния: необходимо установить, имело ли место введение в заблуждение участника расчетов, тайное списание денежных средств либо вмешательство в функционирование информационной системы. Если средство платежа используется для введения в заблуждение участника расчетов, возможна статья 159.3 УК РФ. Если деньги списываются тайно без технического вмешательства, более обоснована статья 158 УК РФ. Если имущество приобретается путем вмешательства в функционирование информационной системы, применяется статья 159.6 УК РФ.

Следует учитывать и соотношение статьи 159.6 УК РФ со статьями 272 и 273 УК РФ. Смежность указанных составов обусловлена тем, что неправомерный доступ к компьютерной информации либо использование вредоносных программ могут выступать способом совершения преступления и незаконного обогащения при совершении хищения. Пленум Верховного Суда указал на необходимость квалификации по совокупности, когда хищение совершается посредством неправомерного доступа к компьютерной информации либо использования вредоносных программ. Для разграничения смежных составов необходимо устанавливать характер преступного воздействия, способ достижения имущественного результата и наличие вмешательства в функционирование информационной системы.

Литература:

1. Овакимян, Д. А. Уголовно-правовая природа мошенничества в сфере компьютерной информации / Д. А. Овакимян // StudArctic Forum. — 2023. — Т. 8, № 3. — С. 66–71.
2. Гензюк, Э. Е. Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации / Э. Е. Гензюк // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2019. — № 6–2. — С. 105–109.

3. Энгельгардт, А. А. Вопросы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации / А. А. Энгельгардт // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2016. — № 4. — С. 86–95. — DOI 10.17323/2072–8166.2016.4.86.95.
4. Абдульмянова, Т. В. Анализ состава преступления, предусмотренного статьи 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» / Т. В. Абдульмянова // Вестник Российского университета кооперации. — 2021. — № 4(46). — С. 114–119.
5. Петрякова, Л. А. Проблемы квалификации мошенничества в банковской сфере / Л. А. Петрякова // Сибирский юридический вестник. — 2020. — № 3(90). — С. 80–84.
6. Петрякова, Л. А. Юридический анализ составов мошенничества в банковской сфере / Л. А. Петрякова // Сибирский юридический вестник. — 2021. — № 2(93). — С. 80–85. — DOI 10.26516/2071–8136.2021.2.80.

Искусственный интеллект и патентное право: кто является изобретателем?

Давыдов Александр Александрович, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Статья посвящена анализу правовых проблем, возникающих в связи с созданием изобретений с помощью систем искусственного интеллекта (ИИ). Исследуются вопросы определения субъекта изобретательской деятельности, возможности признания ИИ автором изобретения и перспективы адаптации патентного законодательства к новым технологическим реалиям. На основе анализа международной практики формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, патентное право, изобретатель, интеллектуальная собственность, правосубъектность, цифровизация.

Развитие технологий искусственного интеллекта привело к принципиально новой ситуации в сфере изобретательской деятельности. Системы ИИ уже способны генерировать технические решения, отвечающие критериям патентоспособности, что ставит перед правовой системой ряд нетривиальных вопросов. Кто должен считаться изобретателем в случае, если техническое решение создано без непосредственного участия человека? Может ли ИИ обладать правами на созданные им изобретения? Как следует адаптировать существующую систему патентной охраны к новым реалиям?

Актуальность этих вопросов подтверждается растущим числом заявок на патенты, связанных с изобретениями, созданными с помощью ИИ. Цель данной статьи — проанализировать сложившуюся правовую проблематику и предложить возможные пути её решения.

Традиционно изобретательская деятельность рассматривалась как результат творческого труда человека. Согласно российскому законодательству, изобретателем признаётся физическое лицо, творческим трудом которого создано изобретение (ст. 1347 ГК РФ). Этот подход основан на классической концепции авторства, предполагающей наличие сознания, воли и творческого замысла [1].

Однако современные системы ИИ способны автономно генерировать технические решения, которые могут быть новыми, иметь изобретательский уровень и быть промышленно применимыми. При этом процесс создания такого решения может происходить без какого-либо твор-

ческого вклада со стороны человека — только на основе обработки больших массивов данных и применения алгоритмов машинного обучения [4].

Возникает фундаментальный вопрос: можно ли считать такой процесс «творческим трудом» в традиционном понимании? С одной стороны, ИИ не обладает сознанием и не способен к целеполаганию в человеческом смысле. С другой стороны, результаты его работы могут иметь значительную коммерческую ценность и способствовать научнотехническому прогрессу [2, 6].

Проблема признания ИИ изобретателем уже стала предметом рассмотрения в ряде юрисдикций. Наиболее показательным является дело *Thaler v. Commissioner of Patents* (Великобритания), где суд отказал в регистрации патента, в котором в качестве изобретателя был указан ИИ DABUS. Суд аргументировал это тем, что изобретатель по смыслу патентного законодательства должен быть физическим лицом [5].

Аналогичные решения были приняты в США и Европе. Европейское патентное ведомство (ЕПО) в 2020 году отклонило две заявки, поданные Стивеном Талером, где в качестве изобретателя указывался ИИ. В мотивировочной части решения отмечалось, что изобретатель в соответствии с Европейской патентной конвенцией должен быть человеком.

В то же время некоторые юрисдикции демонстрируют более гибкий подход. В ЮАР в 2021 году впервые в мире был выдан патент, где в качестве изобретателя указан ИИ. Этот прецедент вызвал широкий резонанс в юридическом

сообществе и показал возможность альтернативных подходов к решению проблемы [3].

Анализ сложившейся ситуации позволяет выделить несколько возможных подходов к регулированию статуса изобретений, созданных ИИ:

1-й подход предполагает сохранение действующей системы, при которой изобретателем всегда признаётся человек. В случае создания решения с помощью ИИ права могут закрепляться за: разработчиком ИИ-системы; владельцем ИИ-системы на момент создания изобретения; пользователем, задавшим параметры генерации решения.

2-й подход предусматривает создание специального правового режима для изобретений, созданных ИИ. Это может включать: введение понятия «автономное изобретение»; установление особых процедур подачи заявок; определение специальных условий патентоспособности.

3-й подход, наиболее радикальный вариант, предполагает признание ограниченной правосубъектности ИИ. В рамках этой концепции система ИИ могла бы обладать специальными правами на созданные ею изобретения с последующим переходом этих прав к человеку или организации. Однако такой подход вызывает наибольшие сомнения с точки зрения теории права [8].

Российское патентное законодательство пока не содержит специальных норм, регулирующих статус изобретений, созданных с помощью ИИ. Однако необходимость таких изменений становится всё более очевидной. Возможные направления совершенствования правовой системы могут включать:

— уточнение понятия «изобретатель» в Гражданском кодексе РФ с учётом новых технологических реалий. Это может быть сделано путём введения дополнительных критериев или выделения особых категорий изобретений.

— разработку специальных правил подачи и рассмотрения заявок на изобретения, созданные с помощью ИИ. Такие правила могли бы предусматривать: особые требования к описанию изобретения; порядок подтверждения факта создания решения с помощью ИИ; правила указания лиц, имеющих право на получение патента.

— создание механизмов распределения доходов от коммерциализации таких изобретений между всеми заинтересованными сторонами — разработчиками ИИ, владельцами систем, пользователями и т.д. [7].

Важным аспектом является также вопрос о балансе интересов. С одной стороны, необходимо стимулировать развитие технологий ИИ и коммерциализацию созданных с их помощью решений. С другой — важно сохранить стимулы для человеческой изобретательской деятельности и не допустить ситуации, когда крупные корпорации, владеющие мощными ИИ-системами, получают монопольное положение на рынке инноваций.

Заключение

Проблема определения изобретателя в эпоху искусственного интеллекта не имеет однозначного решения. Сохранение традиционного подхода, исключающего признание ИИ автором, может тормозить технологический прогресс и создавать неопределённость в отношении прав на ценные изобретения. В то же время радикальная реформа, предполагающая признание правосубъектности ИИ, сталкивается с серьёзными теоретическими и практическими трудностями.

Наиболее реалистичным представляется постепенное совершенствование патентного законодательства с учётом специфики изобретений, созданных с помощью ИИ. Это должно включать: чёткое определение лиц, имеющих право на получение патента в таких случаях; разработку специальных процедур подачи и рассмотрения заявок; создание механизмов справедливого распределения доходов; гармонизацию национальных норм с международными стандартами.

Дальнейшее развитие этой проблематики требует междисциплинарного подхода с привлечением не только юристов, но и специалистов в области ИИ, философов, социологов. Только такой комплексный анализ позволит выработать эффективные правовые решения, отвечающие потребностям современного общества.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230ФЗ.
2. Европейская патентная конвенция (ЕПК) от 05.10.1973.
3. Болотаева О. С. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravo-intellektualnoy-sobstvennosti> (дата обращения: 23.03.2026).
4. Моргунова Е. А. Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий: монография / Е. А. Моргунова, Б. А. Шахназаров. — Москва: Норма: И НФРА-М, 2023. — 152 с.
5. Судариков С. А. Право интеллектуальной собственности. — М.: Проспект, 2021.
6. Решение ЕПО по делу J 8/20 (DABUS) от 21.12.2020.
7. Решение Высокого суда Англии и Уэльса по делу Thaler v. Comptroller General of Patents [2021] EWHC 2412 (Pat).
8. Официальный сайт Роспатента (rospatent.gov.ru).

Особенности правового режима промышленных образцов

Давыдов Александр Александрович, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье исследуются ключевые характеристики правового режима промышленных образцов как объекта интеллектуальной собственности. Анализируются условия патентоспособности, особенности правовой охраны, механизмы защиты прав правообладателей и актуальные проблемы правоприменительной практики. На основе действующего законодательства и судебной практики формулируются предложения по совершенствованию регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: промышленный образец, интеллектуальная собственность, патентоспособность, правовая охрана, дизайн, исключительное право, Роспатент.

В условиях высокой конкуренции на товарных рынках эстетические и эргономические характеристики продукции приобретают особую значимость. Промышленный образец как объект интеллектуальной собственности позволяет юридически защитить внешний вид изделия, обеспечивая правообладателю конкурентные преимущества.

Актуальность исследования обусловлена ростом числа заявок на регистрацию промышленных образцов и необходимостью четкого понимания особенностей их правового режима. Цель данной статьи — проанализировать нормативноправовую базу, регулирующую охрану промышленных образцов, выявить специфику их правовой защиты и обозначить существующие проблемы в этой сфере.

Согласно статье 1352 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), промышленным образцом является решение внешнего вида изделия промышленного или кустарноремесленного производства, определяющее его эстетические и (или) эргономические особенности. В отличие от изобретения или полезной модели, промышленный образец охраняет не техническую сущность, а именно дизайн изделия — его форму, конфигурацию, орнамент, сочетание цветов, линий, контуры изделия и т.д. [2].

Правовая природа промышленного образца сочетает в себе черты как авторского права (защита творческого результата), так и патентного права (необходимость государственной регистрации для возникновения охраны). Такая двойственность определяет специфику правового режима данного объекта интеллектуальной собственности. Ключевое отличие промышленного образца от произведения искусства заключается в его неразрывной связи с конкретным изделием. Промышленный образец не существует сам по себе — он всегда воплощён в материальном объекте и влияет на потребительские свойства товара [1].

Для предоставления правовой охраны промышленный образец должен соответствовать двум основным критериям: новизне и оригинальности. Новизна означает, что совокупность существенных признаков промышленного образца, определяющих эстетические и (или) эргономические особенности изделия, неизвестна из сведений, ставших общедоступными в мире до даты приоритета промышленного образца. При этом учитывается не только запатентованные решения, но и любые публи-

кации, выставки, продажи и иные способы раскрытия информации [4].

Оригинальность предполагает, что существенные признаки промышленного образца обусловлены творческим характером особенностей изделия. В отличие от новизны, которая носит объективный характер, оригинальность требует оценки творческого вклада дизайнера. Это создаёт определённые сложности на практике, поскольку грань между творческим решением и комбинацией известных элементов не всегда очевидна [3].

Существенные признаки промышленного образца — это те характеристики внешнего вида, которые воспринимаются потребителем и создают общее зрительное впечатление. К ним относятся, например, форма корпуса, расположение элементов, графический интерфейс, орнамент и т.п. При оценке оригинальности сравнивается общее впечатление от двух образцов, а не их отдельные детали.

Правовая охрана промышленного образца возникает только после его государственной регистрации и выдачи патента. Процедура включает несколько этапов:

— подача заявки в Роспатент, которая должна содержать: заявление о выдаче патента с указанием автора и заявителя; комплект изображений изделия, дающих полное представление о его внешних признаках; чертёж общего вида изделия; описание промышленного образца с выделением его существенных признаков; перечень существенных признаков.

— проведение формальной экспертизы, в ходе которой проверяется правильность оформления документов и их комплектность.

— экспертиза по существу, где оцениваются соответствие промышленного образца условиям патентоспособности — новизне и оригинальности. На этом этапе Роспатент проводит информационный поиск для выявления сведений, способных повлиять на решение о выдаче патента [6].

Срок действия исключительного права на промышленный образец составляет 5 лет с даты подачи заявки. Этот срок может неоднократно продлеваться на 5 лет, но в целом не более чем на 25 лет. Такое ограничение связано с быстрой сменой модных тенденций и технологических решений в дизайне [1].

Патентообладатель обладает исключительным правом использовать промышленный образец по своему усмо-

трению, а также разрешать или запрещать другим лицам его использование. К действиям, требующим согласия правообладателя, относятся: изготовление, предложение к продаже, продажа, иное введение в гражданский оборот или хранение для этих целей изделия, в котором использован промышленный образец.

Защита прав на промышленный образец осуществляется в административном и судебном порядке. В случае нарушения патентообладатель вправе требовать: прекращения нарушения; возмещения убытков или выплаты компенсации; изъятия контрафактных изделий из оборота; публикации решения суда для восстановления деловой репутации [3].

Особую сложность на практике представляет разграничение промышленного образца и товарного знака, если речь идёт о защите формы упаковки товара. В таких случаях суды оценивают, выполняет ли дизайн различительную функцию или служит лишь эстетическим целям.

Среди ключевых проблем в сфере охраны промышленных образцов можно выделить: сложность доказывания оригинальности дизайна, особенно при наличии множества схожих решений на рынке; длительность процедуры экспертизы, которая может достигать 12–18 месяцев; риск регистрации «очевидных» дизайнерских решений, не обладающих реальной творческой ценностью;

трудности в разграничении промышленного образца и других объектов интеллектуальной собственности (товарных знаков, авторских произведений) [5].

Перспективы развития правового режима промышленных образцов связаны с: совершенствованием методик оценки оригинальности; внедрением цифровых технологий в процесс экспертизы (использование ИИ для поиска аналогов); гармонизацией российского законодательства с международными стандартами (Гаагское соглашение о международной регистрации промышленных образцов); повышением информированности дизайнеров и предпринимателей о возможностях правовой охраны дизайна.

Правовой режим промышленных образцов сочетает элементы авторского и патентного права, что определяет его специфику. Ключевыми условиями предоставления охраны являются новизна и оригинальность дизайна, а возникновение прав связано с обязательной государственной регистрацией.

Эффективная защита промышленных образцов способствует развитию креативных индустрий, стимулирует инновации в дизайне и повышает конкурентоспособность отечественной продукции. Совершенствование законодательства в этой сфере должно идти по пути упрощения процедур регистрации, повышения качества экспертизы и обеспечения надёжной защиты прав правообладателей.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230ФЗ.
2. Гаагское соглашение о международной регистрации промышленных образцов от 06.11.1925.
3. Приказ Минэкономразвития России от 26.04.2016 № 243 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации промышленных образцов».
4. Городов О. А. Право промышленной собственности: учебник. — М.: Проспект, 2022.
5. Еременко В. И. Законодательство о промышленных образцах: современное состояние и проблемы совершенствования // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 8. С. 15–24.
6. Официальный сайт Роспатента (rospatent.gov.ru).

Современные аспекты правового регулирования статуса международных компаний в Российской Федерации

Иваненко Филипп Егорович, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье анализируется гражданско-правовой статус международных компаний — новеллы гражданского законодательства РФ, принятые в ответ на внешние геополитические и санкционные вызовы. Особое внимание уделяется механизму редомициляции — институту, ранее не свойственному отечественному праву.

Ключевые слова: международные компании, редомициляция.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется высокой степенью интернационализации хозяйственных связей и беспрецедентной мобильностью капитала. Юридические лица, созданные в одной

юрисдикции, осуществляют деятельность на территориях других государств, заключают трансграничные сделки, приобретают активы и участвуют в судебных разбирательствах.

В условиях обострения геополитических противоречий и масштабного санкционного воздействия Россия вынуждена разрабатывать инструменты для обеспечения национального суверенитета, среди которых — ограничение правоспособности юридических лиц из «недружественных» стран. В последние годы произошли кардинальные изменения в регулировании правового положения иностранных юридических лиц, в частности введение института международных компаний.

Появление в российском законодательстве такого субъекта права, как международная компания, не являлось случайным или обусловленным исключительно потребностями юридической техники. Оно стало прямым ответом государства на совокупность экономических и политических вызовов, включая внешние санкционные ограничения и внутренний курс на деофшоризацию экономики [1, с. 94–96].

Многие российские холдинги, зарегистрированные в иностранных юрисдикциях, столкнулись с риском потери контроля над активами. Процесс редомициляции обеспечил «мягкий» и безопасный возврат капитала под российскую юрисдикцию. По данным на конец 2025 года, в специальные административные районы (САР) России переехали 135 компаний. Среди крупных эмитентов, завершивших редомициляцию в 2025 году, упоминаются Ozon, «Эталон» и корпоративный центр «Икс-5». К концу года в САР было зарегистрировано 674 компании: 148 резидентов — на острове Русском (Приморский край) и 526 — на острове Октябрьском (Калининградская область).

Центральным нормативным правовым актом, регулирующим статус международных компаний, является Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах». Указанный закон вводит в российский правовой оборот понятие «международная компания» и определяет его ключевые характеристики.

Международной компанией признаётся российское хозяйственное общество (акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью), зарегистрированное в едином государственном реестре юридических лиц в связи со сменой иностранным юридическим лицом своего личного закона, то есть в порядке редомициляции. Из данного определения следует двойственная, гибридная природа международной компании, обуславливающая её особое место в системе юридических лиц российского права. Это российское хозяйственное общество, являющееся не продуктом первичного учреждения, а результатом преобразования иностранного юридического лица с сохранением правопреемства.

Ключевым правовым механизмом возникновения международной компании выступает редомициляция — изменение личного закона юридического лица путём переноса его юридического адреса из одной страны в другую [2, с. 105–107]. Ценность и юридическая сложность данного института заключаются в возможности смены юрис-

дикции без прекращения существования компании как субъекта права. До принятия Закона № 290-ФЗ российское право не знало института редомициляции [3, ст. 1202]. Статья 1202 Гражданского кодекса РФ закрепляет классический принцип инкорпорации: личным законом юридического лица считается право страны, где оно учреждено. Следовательно, любая попытка перевести компанию под российскую юрисдикцию означала бы её ликвидацию в стране первоначального учреждения и создание нового юридического лица в России.

Российское законодательство в области редомициляции характеризуется строгим требованием к географическому расположению. Это означает, что международные компании не обладают свободой выбора места регистрации на территории Российской Федерации, определяемой исключительно по усмотрению их конечных бенефициаров. Законодатель установил, что местом нахождения (юридическим адресом) международной компании может быть только территория одного из двух специальных административных районов — остров Октябрьский (Калининградская область) или остров Русский (Приморский край).

Федеральный закон устанавливает исчерпывающий перечень условий, которым должно соответствовать иностранное юридическое лицо, претендующее на регистрацию в качестве международной компании:

1. учреждение в государстве — члене ФАТФ или Манивэл;
2. существование не менее трёх лет;
3. отсутствие в перечне офшорных юрисдикций Министерства финансов РФ.

Соблюдение указанных условий является необходимой, но не достаточной предпосылкой для приобретения статуса международной компании. Иностранному юридическому лицу надлежит пройти формальную процедуру, завершающуюся внесением записи в ЕГРЮЛ. С этого момента иностранное лицо приобретает статус международной компании и становится универсальным правопреемником самого себя по всем правам и обязанностям [4, ст. 5]. Именно механизм непрерывного правопреемства обуславливает уникальность редомициляции как института российского права.

В соответствии с общим правилом, закреплённым в статье 49 Гражданского кодекса РФ, коммерческие организации, к числу которых относятся международные компании, обладают общей (универсальной) правоспособностью. Это означает возможность иметь гражданские права и нести обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещённых законом. Международная компания, будучи зарегистрированной в ЕГРЮЛ в форме акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью, в полной мере подпадает под действие данного принципа.

Наряду с этим, законодательные нормы предусматривают ряд специфических ограничений, продиктованных особенностями становления данных юридических лиц

(их недавним статусом иностранных субъектов) и потребностью в их интеграции в российскую правовую систему, а также в обеспечении защиты общественных интересов. В частности, существуют ограничения, связанные с возможностью применения иностранного права к корпоративным отношениям. Статья 11 Закона № 290-ФЗ предоставляет участникам (акционерам) международной компании право заключить корпоративный договор, подчинённый иностранному праву. Данная льгота направлена на обеспечение комфортного перехода в российскую юрисдикцию для иностранных инвесторов, привыкших к определённым правовым конструкциям (например, опционы на покупку акций, заверения об обстоятельствах, специальные механизмы разрешения тупиковых ситуаций). По утверждению разработчиков закона, аналогичного решения не существует ни в одном правовом порядке: иностранная компания может «переехать» не только со своими правами и обязательствами, но и со своим корпоративным правом.

До 1 января 2039 года Закон прямо исключает применение к международным компаниям федеральных законов о хозяйственных обществах, а также связанных с ними подзаконных нормативных правовых актов, кроме случаев, прямо предусмотренных Законом или уставом [5, с. 4–5]. Невозможность применения положений законов о хозяйственных обществах ограничивает защиту прав участников международных компаний и влечёт негативные последствия как для самих международных компаний, так и для их участников или кредиторов. Усечённый состав норм, применимых к международным компаниям в качестве личного закона, создаёт отдельные неурегулированные фрагменты, что, по оценке ряда специалистов,

приводит к серьёзной правовой неопределённости в их гражданско-правовом статусе [6, с. 133–135; 7, с. 7–8]. Преобладает точка зрения, согласно которой для участников оборота в конкретном государстве удобнее действовать по единообразным правилам. В случае возникновения корпоративных конфликтов высока вероятность оспаривания применения тех или иных норм иностранного права в силу оговорки о публичном порядке [6, с. 138–139].

Возможны два пути решения проблемы пробелов в регулировании корпоративного статуса международных компаний:

1) восстановление в полном объёме действия законов о хозяйственных обществах с прямым указанием в законе немногочисленных исключений [7, с. 10];

2) развитие специального регулирования международных компаний в соответствующем законе по вопросам, традиционно регулируемым корпоративным законодательством, с заимствованием опыта зарубежных правовых порядков [6, с. 141–142].

Таким образом, международная компания, будучи полноценным российским юридическим лицом, одновременно выступает универсальным правопреемником иностранной корпорации, сохраняя непрерывность её корпоративной истории, прав и обязанностей. Редомициляция представляет собой принципиально новый и прогрессивный институт российского права, позволяющий иностранному юридическому лицу сменить личный закон без прекращения правосубъектности и с сохранением универсального правопреемства. Институт международных компаний успешно решает задачи защиты капитала и возврата бизнеса под российскую юрисдикцию при сохранении баланса публичных и частных интересов.

Литература:

1. Асосков А. В. Международные компании в российском праве: новый инструмент для редомициляции иностранных холдингов / А. В. Асосков // Закон. — 2018. — № 9. — С. 94–107.
2. Филиппов С. А. Изменение личного закона юридического лица: институт редомициляции в российском праве / С. А. Филиппов // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 5. — С. 105–113.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994: принят Государственной Думой 21 октября 1994 года: (в ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
4. Федеральный закон «О международных компаниях и международных фондах» № 290-ФЗ от 03.08.2018 (в ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 32 (ч. I). — Ст. 5087.
5. Информационное письмо Банка России от 14.06.2019 № ИН-06-28/48 «О вопросах применения нормативных актов Банка России в отношении международных компаний» // Вестник Банка России. — 2019. — № 38.
6. Канашевский В. А. Международные компании в российском праве: вопросы правового статуса и налогообложения / В. А. Канашевский // Журнал российского права. — 2019. — № 2. — С. 131–142.
7. Шиткина И. С. Правовой режим международных компаний: корпоративный аспект / И. С. Шиткина // Предпринимательское право. — 2019. — № 1. — С. 3–12.

Проблемы, связанные с определением достаточности доказательств для привлечения в качестве обвиняемого

Казакова Ляйсан Маратовна, студент магистратуры

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В статье исследуются актуальные проблемы, которые возникают на стадии проведения предварительного расследования уголовных дел, касающиеся определения достаточного объема и надлежащего качества доказательств, необходимых для привлечения лица в качестве обвиняемого. Проводится анализ критериев достаточности доказательств, которые существуют в судебно-законодательной практике, а также выявляются пробелы и противоречия, существенно затрудняющие формирование обоснованного обвинения. Особое внимание уделяется вопросам допустимости, относимости и достоверности доказательств, а также проблемам их оценки следователем и дознавателем.

Ключевые слова: уголовное преследование, обвиняемый, привлечение в качестве обвиняемого, достаточность доказательств, предварительное расследование, следственные действия, сбор доказательств, оценка доказательств, уголовно-процессуальное право.

Problems related to determining whether there is sufficient evidence to prosecute

The article examines the current problems that arise at the stage of preliminary investigation of criminal cases, concerning the determination of sufficient volume and proper quality of evidence necessary for bringing a person as an accused. It analyzes the criteria of sufficiency of evidence that exist in judicial and legislative practice, and identifies gaps and contradictions that significantly complicate the formation of a substantiated accusation. Special attention is paid to the issues of admissibility, relevance, and reliability of evidence, as well as the problems of their assessment by the investigator and the interrogator.

Keywords: criminal prosecution, accused, indictment, sufficiency of evidence, preliminary investigation, investigative actions, collection of evidence, evaluation of evidence, and criminal procedure law.

Проблемы, связанные с определением достаточности доказательств для привлечения в качестве обвиняемого, являются одними из наиболее сложных и обсуждаемых в уголовном процессе. Они связаны с необходимостью поиска баланса между защитой прав личности и обеспечением эффективного расследования и преследования преступлений.

Первой проблемой являются проблемы неопределенности критериев «достаточности» включают в себя следующие проблемы.

Во-первых, имеет место размытость формулировок в УПК РФ. УПК РФ не дает четкого и исчерпывающего определения «достаточности доказательств». В ст. 171 УПК РФ сказано, что следователь (дознаватель) выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого, если «достаточно доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления» [1].

Данное определение обладает оценочным характером и оставляет широкое поле для интерпретаций.

Во-вторых, отсутствуют четкие стандарты доказывания. В российском уголовном процессе не закреплен принцип «вне разумных сомнений», как, например, в англосаксонской системе права. Несмотря на тот факт, что сомнения толкуются в пользу обвиняемого, нет четких критериев, которые определяют, какие сомнения следует считать «разумными» [5, с. 77].

В-третьих, имеет место субъективный фактор. Оценка доказательств всегда связана с субъективным восприя-

тием следователя, дознавателя, прокурора и суда. Разные люди могут совершенно по-разному оценивать одни и те же доказательства.

Второй проблемой является то, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. При этом оценка доказательств должна осуществляться с учетом необходимости исключения любых разумных сомнений в виновности лица» [3, с. 67].

Добавление в ст. 17 УПК РФ упоминания о «стандарте доказывания» позволяет ввести в УПК РФ данное понятие, даже если оно будет раскрыто в других статьях. Указание на «необходимость исключения любых разумных сомнений» ориентирует правоприменителя на применение более строгого подхода к оценке доказательств. Добавление отсылки к презумпции невиновности подчеркивает ее приоритет [4, с. 45].

Третьей проблемой являются проблемы с качеством доказательств. Во-первых, имеет место зависимость от показаний. В российской уголовно-процессуальной практике существенная роль отведена показаниям свидетелей, потерпевших и самих обвиняемых. В то же время, данные показания могут быть весьма противоречивыми и неточными, а часто и ложными. Добывание признательных показаний под оказанием давления также остается является проблемой.

Во-вторых, качество экспертных заключений может быть разным и зависеть от квалификации экспертов, используемых методик и оборудования, а возможности неза-

висимой экспертизы зачастую ограничены. В-третьих, доказательства, которые были получены с нарушением норм процессуального характера, должны признаваться как недопустимые. В то же время, на практике такие доказательства иногда используются, в особенности если они являются основными для обвинения. В-четвертых, внедрение современных технологий происходит достаточно медленными темпами, в особенности в «глубинке» в регионах.

Для преодоления существующих проблем можно предложить модифицировать УПК РФ. В частности, предлагается переформулировать статью 171 УПК РФ, придав ей следующий вид:

«Статья 17. Свобода оценки доказательств.

Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь или дознаватель осуществляют оценку представленных доказательств, основываясь на своем внутреннем убеждении. Это убеждение должно базироваться на всестороннем, полном и объективном анализе всех обстоятельств дела в их взаимосвязи, с учетом требований закона, принципов правосудия, а также презумпции невиновности и установленного настоящим Кодексом стандарта доказывания».

Во-вторых, целесообразно внести изменения в статью 14 УПК РФ «Презумпция невиновности», изложив ее следующим образом:

«Статья 14. Презумпция невиновности.

Лицо, в отношении которого выдвинуто обвинение, считается невиновным до тех пор, пока его вина в совершении преступления не будет доказана в установленном настоящим Кодексом порядке и не будет подтверждена вступившим в законную силу приговором суда, основанным на доказательствах, исключающих наличие любых обоснованных сомнений в его виновности.

На подозреваемого или обвиняемого не возлагается обязанность доказывать свою невиновность. Бремя доказывания вины и опровержения доводов защиты лежит на стороне обвинения.

Любые сомнения в виновности подсудимого, которые остаются после полного и объективного исследования всех обстоятельств дела и не могут быть устранены проведением дополнительных следственных действий либо представлением дополнительных доказательств, должны трактоваться в пользу подсудимого.

Обвинительный приговор не может быть вынесен на основе предположений».

В-третьих, необходимо усилить требования к проверке показаний (ст. 88 УПК РФ). Для этого следует дополнить указанную статью положением о необходимости тщательной проверки показаний на предмет наличия противоречий, их соответствия другим доказательствам и выявления возможных признаков давления. Часть 1 статьи 88 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции:

«Статья 88. Правила оценки доказательств.

Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения его относимости, допустимости и достоверности. Все собранные доказательства в совокупности должны оцениваться с точки зрения их достаточности для принятия решения по уголовному делу. Необходимо тщательно проверять показания на предмет противоречий, соответствия другим доказательствам и возможного давления».

Сделать обязательной фиксацию допросов подозреваемых или обвиняемых, что особенно важно при наличии признательных показаний, поскольку поможет выявить случаи оказания давления. Исключением могут быть ситуации, когда подозреваемый или обвиняемый возражает против фиксации, и этот факт зафиксирован.

Таким образом, проблемы, связанные с определением достаточности доказательств для привлечения в качестве обвиняемого, являются одними из наиболее сложных и обсуждаемых в уголовном процессе. Они связаны с необходимостью поиска баланса между защитой прав личности и обеспечением эффективного расследования и преследования преступлений.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Рос. газета. — 2001. — 22 дек.
2. Багаутдинов, Ф. Н. Защита прав подозреваемого, обвиняемого или злоупотребление правом / Ф. Н. Багаутдинов // Законность. — 2024. — № 1(1071). — С. 54–56.
3. Гиязов, И. Т. Правовой статус подозреваемого и обвиняемого через призму сравнительного права / И. Т. Гиязов // Студенческий вестник. — 2023. — № 41–2(280). — С. 66–68.
4. Гришин, Д. А. Разъяснения процессуальных прав подозреваемому и обвиняемому как элемент обеспечения права на защиту / Д. А. Гришин // В сборнике: Инновационный потенциал развития науки в современном мире. Сборник трудов по материалам VIII Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ. — Уфа, 2022. — С. 43–49.
5. Керимова, А. Р. Некоторые проблемы реализации права подозреваемого на защиту / А. Р. Керимова // Государство и право. — 2023. — № 4. — С. 76–84.

Правовое регулирование мониторинга вечной (многолетней) мерзлоты: вызовы в условиях климатических изменений

Калистратова Анастасия Васильевна, студент

Научный руководитель: Плотникова Юлия Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена проблеме правового мониторинга вечной (многолетней) мерзлоты в Российской Федерации в условиях изменения климата и его последствий для экологии и социально-экономического развития регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В работе проведен комплексный анализ действующих нормативно-правовых актов, изучена история законодательских инициатив, выявлены ключевые проблемы и противоречия в правовом регулировании, предложены конкретные меры по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: вечная мерзлота, мониторинг, Арктическая зона Российской Федерации, климат, искусственный интеллект.

В настоящее время исследование вечной (многолетней) мерзлоты приобретает особую актуальность, поскольку более 65 % территории Российской Федерации занимают субъекты Арктической зоны, районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности [1].

Согласно данным ученых, за последние 50 лет температура воздуха в северных регионах повысилась на 2,5 градуса, и это является существенным отклонением от исторически сложившегося климатического режима [2]. В условиях природных изменений, включая глобальное потепление, протаивание вечномерзлых грунтов создает угрозу как для экологического благополучия населения (например, затопление земель, высвобождение опасных вирусов и патогенов), так и для устойчивого социально-экономического развития субъектов государства, что проявляется, в частности, в разрушение объектов инфраструктуры населенных пунктов.

В 2023 году в российское экологическое законодательство были внесены важнейшие изменения. Так, в статье 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [3] закреплены новые категории, и прежде всего определение «вечномерзлый грунт», под которым следует понимать грунт, находящийся в криогенном (замерзшем) состоянии более трех лет подряд. Кроме этого, законодательно определено понятие государственного фонового мониторинга состояния многолетней (вечной) мерзлоты, сущность которого заключается в проведении долгосрочных наблюдений за явлениями и процессами, происходящими в вечномерзлых грунтах в целях выявления их деградации. В связи с этим Федеральной службой по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет) был издан приказ от 21.06.2023 № 335, утвердивший «Руководство по организации и осуществлению государственного фонового мониторинга состояния многолетней мерзлоты на государственной наблюдательной сети» [4]. Данный акт — это методическая основа организации и проведения государственного мониторинга вечномерзлых грунтов, поскольку в нем определена его технология, критерии выбора базовых пунктов наблюдений и порядок их создания, а также установлены

требования к средствам измерений и оборудованию, закреплён порядок отбора образцов грунта и проведения наблюдений.

Безусловно, указанные законодательные изменения стали первым шагом к созданию правовой системы охраны многолетней мерзлоты как природного явления, характерного для регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока России.

Необходимо отметить, что отдельные субъекты государства уже предпринимали попытки разрешить проблему правового. Например, еще в 2017 году Парламентская ассоциация «Дальний Восток и Забайкалье» разработало проект федерального закона «О рациональном использовании и охране вечной мерзлоты», в котором предлагалось закрепить ключевые принципы государственного управления. Например, недопущение необратимых последствий деградации вечной мерзлоты в результате активизации криогенных процессов; гласность, полнота и достоверность информации о состоянии; прогноз чувствительности и устойчивости мерзлотных ландшафтов. Ключевым элементом системы использования и охраны вечномерзлых грунтов признано государственное регулирование и мониторинг всех факторов, связанных с деградацией мерзлоты. Кроме этого, в статьях 3–4 указаны полномочия органов управления: создание и ведение единой системы федерального фонда информации о вечной мерзлоте, государственная экспертиза ее состояния, формирование перечня факторов, способствующих деградации грунта, проведение экологического мониторинга. Однако данный законопроект был отклонен, поскольку, по мнению парламентариев, закрепить институт «рационального использования вечной мерзлоты» невозможно, поскольку мерзлота — это не природный ресурс, а лишь агрегатное состояние почв [5].

Многие ученые и сегодня утверждают, что целесообразно принять единый федеральный закон, регулирующий отношения в области охраны и использования вечномерзлых грунтов. Это обусловлено тем, что таяние многолетней мерзлоты — это серьезная угроза для жизни и здоровья населения и экологии в целом. Ярким при-

мером служит авария, которая произошла 29 мая 2020 года на резервуаре хранения дизельного топлива ТЭЦ-3 в г. Норильске и повлекла за собой масштабные экологические последствия. Так, площадь загрязнения составила около 180 тысяч квадратных метров [6]. Среди причин аварии, помимо неправомерного поведения рабочего персонала, эксперты называют и растепление мерзлоты, что привело к частичному проседанию опор, на которых был установлен резервуар. В связи с экологической катастрофой Гоголев П. В., исполнявший в то время обязанности председателя Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), предложил возобновить разработку и рассмотрение в палатах Федерального Собрания РФ соответствующего законопроекта [7]. Прокопьев В. М., председатель постоянного комитета регионального парламента по земельным отношениям, природным ресурсам и экологии (VI созыв), заявил: «Нежелание учитывать особенности вечномёрзлых грунтов становится все более опасным. Необходимо уже сейчас принять решение о регулировании сохранения вечной мерзлоты. Если в очередной раз отговориться от этой очевидной проблемы, то примерно к середине XXI столетия от российской вечной мерзлоты останется только пятая часть ее современных площадей» [8].

Заслуживает особого внимания, что, несмотря на отсутствие централизованного регулирования вопросов вечной мерзлоты, арктические регионы предпринимают самостоятельные шаги в разрешении проблемы. Например, в 2018 году Государственное Собрание (Ил Тумэн) Якутии приняло Закон «Об охране многолетней (вечной) мерзлоты в Республике Саха (Якутия)». В данном нормативном акте определены основные понятия, такие как многолетняя мерзлота, мерзлотный ландшафт, геотехнический мониторинг вечной мерзлоты, закреплены полномочия органов управления, а также права граждан и организаций. К примеру, население может участвовать в проведении мероприятий по охране вечной мерзлоты и в их финансировании. Особую важность представляют статьи 15–16, поскольку закрепляют обязанность органов власти осуществлять геотехнический мониторинг многолетней мерзлоты [9].

Аналогичный закон был принят и в Ямало-Ненецком автономном округе в 2023 году. Примечательно, что, помимо общего понятия мониторинга многолетней мерзлоты, закреплена и категория регионального геокриологического мониторинга, для реализации которого на территории округа были созданы, а сегодня — успешно функционируют стационарные пункты наблюдений (пло-

щадки, которые используются в целях изучения природного ландшафта). Данный вид экологического мониторинга направлен на изучение температуры, влажности грунта, глубины протаивания и промерзания почв, растительного и снежного покрова (статья 3, 12) [10].

Однако даже при наличии региональных законов необходимость принятия единого нормативного акта очевидна, поскольку для эффективного мониторинга вечной мерзлоты необходимо закрепление универсальных стандартов и методик наблюдений, установление нормативов и пределов антропогенного воздействия. Целесообразно определить и однородный круг полномочий органов управления, а также четко регламентировать порядок взаимодействия арктических субъектов России, так как требуется согласованность действий в вопросах мониторинга. В связи с этим в 2024 году эксперты «Восточного центра государственного планирования» представили новую концепцию законопроекта «О многолетней (вечной) мерзлоте» [11]. В 2025 году его основные положения были рассмотрены на совещании в верхней палате федерального парламента, а разработка единого закона продолжается.

Представляется, что в данном нормативно-правовом акте законодатель обязательно должен уделить внимание новым способам осуществления государственного мониторинга вечной мерзлоты. Нельзя не согласиться с мнением профессора Высшей школы бизнеса ВШЭ Акима М. Э. о том, что фокус должен быть направлен на использование новейшего «арсенала» возможностей государства: передовых технологий, искусственного интеллекта, космических спутников и беспилотных летательных аппаратов [12]. Обусловлено это тем, что на огромных и бескрайних просторах российской Арктики осуществлять мониторинг в целом крайне затруднительно.

Таким образом, правовое регулирование мониторинга многолетней мерзлоты сегодня на стадии становления. Принятые на федеральном и региональном уровне меры представляют собой значимый этап в формировании нормативной базы, но для эффективного предотвращения угроз, связанных с деградацией вечномёрзлых грунтов, следует принять комплексный федеральный закон. В нем необходимо закрепить единообразные способы проведения наблюдений, в том числе и использование новейших разработок и технологий. Реализация такого подхода позволит не только снизить риски, связанные с изменением климата, но и заложить надежную и прочную основу для устойчивого развития Арктической зоны России.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1946 «Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 47. Ст. 7853.

2. Эксперт рассказал об изменении климата в России — РИА Новости, 17.01.2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20260117/klimatolog-2068470200.html> (дата обращения: 23.04.2026).
3. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
4. РД 52.17.925–2023. Руководящий документ. Руководство по организации и осуществлению государственного фонового мониторинга состояния многолетней мерзлоты на государственной наблюдательной сети» (утв. и введен в действие Приказом Росгидромета от 21.06.2023 № 335). [Электронный ресурс]. URL: https://gostassistant.ru/doc/5fa1d133-e2ce-4cd5-ad59-09cb9c98d483?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 23.04.2026).
5. Решение общего собрания Парламентской ассоциации «Дальний Восток и Забайкалье» от 04.10.2017 № 1 «О проблеме сохранения вечной мерзлоты». [Электронный ресурс]. URL: <https://pa-dv.ru/activities/resheniya/67/414/> (дата обращения: 23.04.2026).
6. Названа площадь загрязнения после разлива топлива в Норильске — РИА Новости, 04.06.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200604/1572436081.html> (дата обращения: 23.04.2026).
7. Парламент Якутии подготовил законопроект об охране вечной мерзлоты — Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2020/06/15/reg-dfo/parlament-iakutii-podgotovil-zakonoproekt-ob-ohrane-vechnoj-merzloty.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 23.04.2026).
8. Парламент Якутии призывает создать законопроект об охране и использовании вечной мерзлоты — Арктик-фонд. [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic.narfu.ru/main/news/1243-parlament-yakutii-prizyvaet-sozdat-zakonoproekt-ob-okhrane-i-ispolzovanii-vechnoj-merzloty> (дата обращения: 23.04.2026).
9. Закон Республики Саха (Якутия) от 22 мая 2018 года 2018-3 № 1571-V «Об охране многолетней (вечной) мерзлоты в Республике Саха (Якутия)» (с изменениями на 21 мая 2024 года) // Якутские ведомости. 2018. № 22.
10. Закон ЯНАО от 22.12.2023 N 105-ЗАО «О многолетней (вечной) мерзлоте в Ямало-Ненецком автономном округе» (принят Законодательным Собранием Ямало-Ненецкого автономного округа 21.12.2023) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW906&n=188049&dst=100001%2C-1&date=26.04.2026> (дата обращения: 23.04.2026). Режим доступа: Некоммерч. интернет-версия.
11. Закон о вечной мерзлоте должен обеспечить активное развитие северных территорий — Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2025/05/06/reg-dfo/chtodremlitvo-ldah.html> (дата обращения: 23.04.2026).
12. Профессор Аким предложил использовать ИИ для мониторинга вечной мерзлоты — Новости на Вести.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/article/4429280> (дата обращения: 23.04.2026).

Роль адвоката-защитника в уголовном процессе

Кармацкий Феникс Алексеевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Роль адвоката-защитника в уголовном процессе является ключевой и фундаментальной для обеспечения справедливости, соблюдения прав человека и принципа состязательности сторон. Конституция РФ гарантирует каждому право на защиту своих прав и свобод всеми законными способами; соответственно, деятельность адвоката прямо направлена на осуществление подобного выражения права [1].

Осуществляя адвокатскую деятельность, защитник гарантирует, что лицо, против которого ведется уголовное преследование, не останется без квалифицированной юридической помощи, особенно в условиях дисбаланса сил между государственным обвинением и доверителем.

Исполнение адвокатом-защитником своих полномочий ведет к наложению на адвоката ряда прав и обязанностей, прямо предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Исходя из нормативно закрепленных положений статьи 49 УПК РФ, защитник участвует в уголовном деле: 1) с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого; 2) с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица; 3) с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления; 3.1) с момента вручения уведомления о подозрении в совершении преступления; 4) с момента объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы; 5) с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления; 6) с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении [2].

Это означает, что с момента вступления защитника в уголовный процесс у него появляется ряд прав и обязанностей, предусмотренных УПК РФ. К основным процессуальным правам адвоката принято относить: свидания с подзащитным без ограничения количества и продолжительности, сбор доказательств через опрос лиц, истребование документов, привлечение специалистов, участие в следственных действиях с разрешения следователя или суда, ознакомление с материалами дела в полном объеме, заявление ходатайств и отводов, присутствие при предъявлении обвинения, участие в судебных заседаниях всех инстанций, подача жалоб на действия и решения органов следствия и суда.

Также возникает и ряд обязанностей: соблюдение адвокатской тайны, неразглашение данных предварительного расследования, действие в интересах подзащитного, использование только законных способов защиты.

Предусмотренные УПК РФ права и обязанности адвоката-защитника формируют возможность осуществления им профессиональной деятельности, направленной на защиту доверителя, а также на обеспечение права на получение квалифицированной юридической помощи.

При этом подобные условия не порождают зависимости от иных участников судопроизводства, что, в свою очередь, обеспечивает необходимые условия для вынесения законного, обоснованного и справедливого судебного акта.

В своем пособии для уголовной защиты профессор Л. Е. Владимиров подчеркивал, что «защитник не служит интересам правосудия вообще, он служит интересам конкретного человека, обвиняемого в преступлении». Его задача — не установить истину, а «обеспечить, чтобы обвинение было доказано в строгом соответствии с законом, без нарушения прав личности» [5].

Функции защиты в состязательном уголовном процессе являются системообразующим элементом, обеспечивающим реальное равенство сторон и достижение истины через противоборство аргументов. Подобная модель закреплена статьей 15 УПК РФ и предполагает четкое разделение функций обвинения, защиты и разрешения дела судом.

Функции защиты в этой модели выходят далеко за рамки пассивного возражения — это активная, конструктивная и контролирующая деятельность, образующая контрсопоставление, то есть не просто отрицание, опровержение доводов и доказательств стороны обвинения, а активное противостояние путем предъявления аргументов или альтернативных версий, дополняющих версию следствия.

Состязательность в рамках уголовного процесса немыслима без активной, наступательной защиты, способной не только парировать удары обвинения, но и наносить свои [6]. Подобное поведение говорит о реализуемом принципе равноправия в доказывании. Более того, адвокат может влиять на результат рассмотрения дела путем представления фактов в своей защитной речи. Такая системность показывает структурность уголовного процесса, равноправие сторон, участвующих в деле, а равно

реализуемость установленного УПК РФ принципа состязательности.

По мнению К. Б. Калиновского, подобное сложное взаимодействие между правами доверителя и интересами правосудия провоцирует возникновение противоречий, поскольку защитник, стремясь обеспечить законные права своей стороны, может фактически затруднить ход расследования дела. Осуществляя свои функции, адвокат может выйти за рамки правового поля, что, в свою очередь, порождает ситуации, затягивающие следственные действия и затрудняющие их проведение [7].

К числу обстоятельств, затягивающих следственные действия, следует отнести частые и обоснованные ходатайства, в том числе запросы о допросе новых свидетелей, истребовании документов, назначении повторных или дополнительных экспертиз, возврате дела прокурору, что предусмотрено статьей 237 УПК РФ. Несмотря на затягивание процесса, это законное право адвоката, необходимое для реализации всесторонней защиты доверителя от незаконного и необоснованного обвинения. Обжалование решений является неотъемлемой частью гарантированных прав доверителя, подобное поведение означает доступ каждого субъекта уголовного процесса к качественному отправлению правосудия.

Само по себе каждое ходатайство должно рассматриваться и разрешаться, если оно мотивировано, тогда как необоснованное подлежит незамедлительному отклонению. Правовая позиция, изложенная в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2014 № 2, хоть и утратила законную силу, но несла в себе фундаментальное правило: необходимость пресекать злоупотребление необоснованными ходатайствами [3].

Правовая природа роли адвоката-защитника, напрямую связанная с его процессуальным статусом, наделяющим правами и обязанностями, регламентируется положениями УПК РФ. В соответствии со статьей 49 УПК РФ, адвокат-защитник приобретает свой статус с момента фактического задержания лица, предъявления обвинения, возбуждения уголовного дела, вступления в уголовное дело по приглашению подозреваемого, обвиняемого, его законного представителя, а также по поручению адвокатского образования.

Несмотря на тесную взаимосвязь защитника и доверителя, оба субъекта являются процессуально самостоятельными и не находятся в прямой зависимости друг от друга. Адвокат-защитник обязан: использовать все не запрещенные законом средства и способы защиты, хранить профессиональную тайну, добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя, действовать в соответствии с законом и своими профессиональными обязанностями.

УПК РФ предусматривает процедуру отказа от защитника, которая осуществляется исключительно по личному волеизъявлению подозреваемого или обвиняемого и оформляется в письменном виде. При этом важно отметить следующие процессуальные особенности: отказ от защитника допускается на любой стадии уголовного

судопроизводства; следовательно или суд вправе не удовлетворить заявленный отказ, если это может привести к нарушению прав обвиняемого; при отказе во время производства следственного действия данный факт должен быть зафиксирован в протоколе.

Доверитель, несмотря на ранее заявленный отказ, вправе пригласить адвоката-защитника повторно, что исключает умаление права на защиту. При этом повторное приглашение защитника возможно на любой стадии процесса,

ранее проведенные процессуальные действия не подлежат повторению, суд может отказать в замене защитника по назначению при явном злоупотреблении правом на защиту.

Таким образом, правовая природа роли адвоката-защитника характеризуется комплексным сочетанием процессуальной самостоятельности и обязанности действовать в интересах доверителя, при этом обеспечивая соблюдение конституционного права на квалифицированную юридическую помощь.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 2 (ред. от 03.03.2015).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 (ред. от 29.06.2021).
5. Владимирова, Л. Е. *Advocatus miles: пособие для уголовной защиты* / Л. Е. Владимирова. — 2-е изд. — М. : Ленанд, 2014. — 256 с.
6. Брянская, Е. В. Особенности защиты в процессе доказывания при рассмотрении уголовных дел / Е. В. Брянская, Н. Э. Шишкина. — Текст: электронный // Сибирский юридический вестник. — 2015. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zaschity-v-protssesse-dokazyvaniya-pri-rassmotrenii-ugolovnyh-del> (дата обращения: 11.04.2026).
7. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : КНОРУС, 2008. — 704 с.

Проблемы участия обвиняемых с психическими недостатками в уголовном процессе России

Карпова Ангелина Геннадьевна, студент;

Киркина Виктория Павловна, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена комплексному анализу актуальных проблем, возникающих при участии лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Исследуются процессуальные гарантии прав обвиняемых, страдающих психическими недостатками. На основе анализа действующего законодательства и научных публикаций выявлены системные недостатки правового регулирования и предложены направления совершенствования процессуального статуса данной категории участников уголовного процесса. Особое внимание уделяется проблемам обеспечения права на защиту и специфике производства следственных действий с участием лиц, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости.

Ключевые слова: обвиняемый, психические недостатки, вменяемость, ограниченная вменяемость, процессуальные гарантии, право на защиту.

The problems of the participation of defendants with mental disabilities in the criminal process of Russia

Karpova Angelina Gennadyevna, student;

Kirkina Viktoriya Pavlovna, student

Scientific advisor: Barygina Aleksandra Anatolevna, phd in law, associate professor
Ural Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Chelyabinsk)

The article is devoted to a comprehensive analysis of current problems that arise in the participation of persons with mental disorders that do not exclude sanity in the criminal proceedings of the Russian Federation. The article examines the procedural guarantees of

the rights of accused persons with mental disabilities. Based on the analysis of current legislation and scientific publications, the article identifies systemic shortcomings in legal regulation and proposes directions for improving the procedural status of this category of participants in the criminal process. Special attention is paid to the problems of ensuring the right to defense and the specifics of conducting investigative actions involving persons with mental disorders that do not exclude sanity.

Keywords: *accused, mental disabilities, sanity, limited sanity, procedural guarantees, and the right to defense.*

Участие в уголовном процессе лиц с психическими расстройствами представляет собой одну из наиболее сложных межотраслевых проблем, находящуюся на стыке уголовного права, уголовного процесса, психиатрии и психологии. Психическое здоровье обвиняемого непосредственно влияет на его способность осознавать характер и общественную опасность своих действий, руководить ими, а также полноценно участвовать в процессе защиты своих прав и законных интересов.

При этом существует категория лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. В судебной психиатрии заболевания, не исключающие вменяемости, называются психическими аномалиями (психическими недостатками). Обвиняемые, имеющие недостатки психического характера, сохраняют свою процессуальную дееспособность, однако наличие такого психического заболевания создаёт дополнительные трудности в обеспечении их процессуальных прав [1].

В УПК РФ отсутствуют специальные нормы, регулирующие порядок производства в отношении лиц, обладающих психическими недостатками. Глава 51 УПК РФ регулирует производство в отношении лиц, обладающих признаками невменяемости. В связи с этим правоприменительная практика сталкивается с многочисленными проблемами.

В качестве одной из них Гордеев Д. С. и Стешич Е. С. выделяют проблему недостаточной регламентации процессуального статуса обвиняемых с психическими недостатками. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит единого термина для обозначения лиц, страдающих психическими расстройствами. В различных нормах УПК РФ используются понятия «психические недостатки» (п. 3 ч. 1 ст. 51), «психическое расстройство» (ст. 433), «психическое состояние» (п. 3 ч. 1 ст. 196), что создаёт терминологическую неопределённость [2].

Под психическими недостатками в процессуальном смысле понимаются различные формы психических расстройств — от временных расстройств психики до хронических психических заболеваний и умственной отсталости. Ключевым критерием является не медицинский диагноз сам по себе, а степень влияния психического расстройства на способность лица полноценно участвовать в уголовном судопроизводстве [3].

Психические недостатки обвиняемого могут иметь различные правовые последствия в зависимости от их глубины и характера. Если расстройство лишает лицо возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими — устанавливается невменяемость (ст. 21 УК РФ).

В случае, когда психическое расстройство не исключает вменяемости, но ограничивает способность в полной мере осознавать содеянное или руководить своим поведением, применяются положения ст. 22 УК РФ об ограниченной вменяемости.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует единый терминологический подход к обозначению обвиняемых с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Используемые в разных нормах УПК РФ понятия не согласованы между собой, что порождает неопределённость правового статуса таких лиц, затрудняет реализацию их процессуальных прав и создаёт проблемы в правоприменительной практике. Решение данной проблемы видится во внесении изменений в УПК РФ и закреплении единого понятия.

В качестве следующей проблемы можно выделить обеспечение обвиняемых с психическими недостатками правом на защиту при производстве следственных действий. Пункт 3 части 1 статьи 51 УПК РФ устанавливает обязательность участия защитника, если подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту [4]. Однако законодательство не содержит четких критериев определения того, в каких случаях психические недостатки препятствуют самостоятельному осуществлению права на защиту. Правоприменительная практика исходит из необходимости оценки конкретных обстоятельств каждого дела и степени влияния психического расстройства на способность лица понимать суть предъявленного обвинения, осознавать свои процессуальные права и эффективно их реализовывать.

Существенной проблемой является момент допуска защитника по делам данной категории. Нередки случаи, когда следователи не обеспечивают участие защитника, мотивируя это отсутствием официального заключения о наличии психических недостатков.

Особую сложность представляет ситуация конфликта между обвиняемым и защитником, когда лицо с психическими недостатками отказывается от помощи защитника либо в силу особенностей психики не способно дать четкие указания адвокату и правильно осмыслить и оценить его работу, так как защитник, представляя интересы обвиняемого, не должен принимать значимых для дела решений самостоятельно, без волеизъявления обвиняемого. Он советуется со своим подзащитным, они сообща выбирают линию защиты и тактику поведения, определяют, какие доказательства в свою пользу им нужно пред-

ставить следствию и пр. Из этого можно сделать вывод, что такой обвиняемый подвергается повышенному риску не получить желаемый положительный результат от действий защитника.

В качестве способов решения данных проблем многие авторы предлагают предусмотреть уголовно-процессуальным законодательством возможность участия, помимо защитника, законного представителя такого обвиняемого в качестве средства восполнения его процессуальной дееспособности и гаранта соблюдения его прав и законных интересов [1].

Производство следственных действий с участием обвиняемых, страдающих психическими недостатками, требует особого подхода и специальных тактических приемов. Ключевой проблемой, по мнению Д. И. Артемовой, является обеспечение достоверности получаемых доказательств с учетом особенностей психики допрашиваемого лица.

С точки зрения уголовно-процессуального закона, показания лиц, имеющих психические расстройства, не исключаяющие вменяемости, признаются допустимыми доказательствами. Однако при допросе обвиняемых с психическими недостатками возникают специфические трудности, связанные с повышенной внушаемостью, склонностью к фантазированию, нарушениями памяти и восприятия. Лица с интеллектуальными нарушениями могут давать ответы, которые, по их мнению, ожидает следователь, не осознавая при этом юридических последствий своих показаний [5].

Для минимизации указанных рисков рекомендуется обязательное участие психолога или психиатра при производстве допросов и других следственных действий с участием лиц, имеющих психические недостатки. Однако УПК РФ не предусматривает такого требования в качестве обязательного, что на практике приводит к нарушениям прав обвиняемых и ставит под сомнение достоверность полученных доказательств.

Особого внимания требует проведение очных ставок с участием обвиняемых с психическими недостатками. Конфронтационный характер данного следственного действия может негативно воздействовать на психическое состояние такого обвиняемого, провоцировать обострение заболевания или приводить к неадекватному поведению. В связи с этим необходима предварительная оценка целесообразности проведения очной ставки с учетом психического состояния лица.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о наличии системных проблем в правовом регулировании и практике участия обвиняемых с психическими недостатками в уголовном процессе России. К числу основных проблем относятся: терминологическая неопределенность в обозначении психических расстройств в уголовно-процессуальном законе; недостаточная регламентация процессуального статуса обвиняемых с психическими недостатками; сложности в обеспечении права на защиту данной категории лиц; отсутствие четких критериев назначения обязательного участия защитника; проблемы достоверности доказательств, получаемых при производстве следственных действий с участием лиц, страдающих психическими расстройствами.

Для решения выявленных проблем необходимо внесение изменений в УПК РФ, направленных на: унификацию терминологии, связанной с психическими расстройствами; детальную регламентацию процессуального статуса обвиняемых с психическими недостатками; установление обязательности участия законного представителя, психолога или психиатра при производстве следственных действий с участием лиц, имеющих психические расстройства.

Реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности защиты прав лиц с психическими недостатками в уголовном судопроизводстве и обеспечению справедливости правосудия по данной категории дел.

Литература:

1. Мурышкина, Т. А. Некоторые вопросы участия обвиняемых с психическими недостатками в уголовно-процессуальной деятельности / Т. А. Мурышкина. — Текст: непосредственный // Право и управление. — 2007. — № 300–1. — С. 159–161.
2. Гордеев, Д. С. Понятие психических расстройств, не исключаяющих вменяемость, в уголовном судопроизводстве / Д. С. Гордеев, Е. С. Стешич. — Текст: непосредственный // Право и управление. — 2024. — № 5. — С. 409–414.
3. Холодов, А. В. К вопросу о понятии психических недостатков в российском уголовном судопроизводстве / А. В. Холодов. — Текст: непосредственный // Сибирский юридический вестник. — 2010. — № 2. — С. 152–156.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. — 2001. — 22 декабря. газета. 2006. № 165.
5. Артемова, Д. И. Проблемы участия обвиняемых с психическими недостатками в уголовном процессе России / Д. И. Артемова, И. А. Паменкова. — Текст: непосредственный // Наука. Общество. Государство. — 2016. — № 2 (14). — С. 66–72.

Особенности доказывания по делам о преступлениях, совершённых несовершеннолетними

Киракосян Анна Аракатовна, студент;

Мустафаев Арсен Денисович, студент

Научный руководитель: Овчинникова Наталья Олеговна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу специфики процесса доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Рассматриваются особенности предмета доказывания, процессуального положения несовершеннолетнего обвиняемого, требования к производству следственных действий с его участием, роль педагога и психолога в процессе получения доказательств. Выявлены проблемы правоприменительной практики, связанные с обеспечением баланса между эффективностью уголовного преследования и охраной прав и законных интересов несовершеннолетних участников судопроизводства.

Ключевые слова: доказывание, несовершеннолетний обвиняемый, предмет доказывания, следственные действия, педагог, психолог, уголовное судопроизводство, права несовершеннолетних.

Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних выделено законодателем в самостоятельную главу 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что обусловлено дифференциацией процессуальной формы [1]. Конструктивный смысл такого обособления состоит в признании того факта, что несовершеннолетний субъект преступления занимает в системе уголовно-процессуальных отношений особое положение, обусловленное неполнотой психофизиологического развития, ограниченной способностью к осознанию правовых последствий своих действий и повышенной уязвимостью в условиях уголовного преследования. Это обстоятельство непосредственно отражается на содержании доказывания: его предмет расширен по сравнению со стандартным перечнем обстоятельств, подлежащих установлению в соответствии со статьёй 73 УПК РФ [1].

Статья 421 УПК РФ [1] обязывает органы предварительного расследования и суд устанавливать наряду с обстоятельствами, предусмотренными статьёй 73, также возраст несовершеннолетнего с точностью до числа, месяца и года рождения; условия его жизни и воспитания; уровень психического развития и иные особенности личности; влияние на него старших по возрасту лиц. Каждый из названных элементов предмета доказывания имеет самостоятельную процессуальную ценность. Точное установление возраста принципиально для решения вопроса о субъекте преступления: согласно статье 20 Уголовного кодекса Российской Федерации [2], уголовная ответственность наступает по общему правилу с 16 лет, а за ряд тяжких преступлений — с 14 лет. При отсутствии документов, подтверждающих возраст, назначается судебно-медицинская экспертиза, причём в случае сомнений лицо считается достигшим соответствующего возраста в последний день того года, которым датирован экспертный вывод [3].

Условия жизни и воспитания несовершеннолетнего образуют доказательственную базу для оценки степени его общественной опасности и индивидуализации наказания

либо принудительных мер воспитательного воздействия. Судебная практика показывает, что данный элемент предмета доказывания нередко остаётся формально выполненным: в материалах дела присутствует характеристика с места учёбы и акт обследования жилищно-бытовых условий, однако их содержание не становится предметом реального судебного исследования и не влияет на формирование позиции суда. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [3] специально обратил внимание на недопустимость формального подхода к исследованию данных о личности несовершеннолетнего, указав, что суд обязан оценивать эти сведения в совокупности с иными доказательствами.

Особую сложность представляет доказывание уровня психического развития несовершеннолетнего. Статья 421 УПК РФ [1] требует выяснить, не отстаёт ли несовершеннолетний в психическом развитии от своего возраста и мог ли он в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий. Данный вопрос разрешается, как правило, посредством комплексной психолого-психиатрической экспертизы. При этом заключение эксперта не является для суда обязательным, однако отступление от него требует развёрнутого обоснования в приговоре — иначе судебный акт оказывается уязвимым с точки зрения апелляционного и кассационного контроля. Практика последних лет свидетельствует о нарастающей тенденции к назначению такой экспертизы в обязательном порядке вне зависимости от наличия видимых признаков психического расстройства — что ряд процессуалистов оценивает как избыточное, а другие — как необходимое процессуальное гарантирование [4].

Производство следственных действий с участием несовершеннолетнего подчинено специальным правилам, призванным нейтрализовать риск получения недоосто-

верных доказательств вследствие психологической внушаемости, неустойчивости показаний и склонности к фантазированию, присущих данной возрастной группе. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности более 4 часов в день независимо от возраста. Это ограничение распространяется на всех несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, то есть на лиц, не достигших 18 лет. [1].

При допросе несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно [1]. Данное требование преследует двоякую цель: с одной стороны, обеспечить психологически комфортные условия допроса, снижающие риск самооговора или ложных показаний под воздействием стресса; с другой — создать дополнительную гарантию достоверности получаемых сведений.

Процессуальный статус педагога и психолога в уголовном судопроизводстве урегулирован недостаточно чётко, что порождает устойчивые практические затруднения. УПК РФ [1] относит их к числу иных участников судопроизводства, не наделяя самостоятельными правами по собиранию или оценке доказательств. Вместе с тем их присутствие при допросе влечёт процессуальные последствия: нарушение требования об обязательном участии педагога или психолога влечёт признание показаний недопустимым доказательством. В практике нередко возникает вопрос о том, кого надлежит привлекать в качестве педагога — специалиста в области педагогики вообще или педагога, работающего именно с данной возрастной группой. Верховный Суд РФ в упомянутом постановлении № 1 [3] указал на предпочтительность привлечения специалиста, знакомого с психологическими особенностями соответствующего возраста, однако обязательным это требование не является.

Отдельную проблему представляет проведение очной ставки с участием несовершеннолетнего. Данное следственное действие, направленное на устранение существенных противоречий в показаниях, несёт повышенные психологические риски для несовершеннолетнего обвиняемого: давление со стороны взрослого соучастника или потерпевшего способно повлечь изменение показаний либо отказ от них. Ряд авторов высказывается за законодательное ограничение применения очной ставки в делах с участием несовершеннолетних либо за обязательное участие психолога при её проведении независимо от возраста [5]. Действующая редакция УПК РФ [1] такого ограничения не предусматривает.

Существенной особенностью доказывания по данной категории дел является роль законного представителя несовершеннолетнего. Статья 426 УПК РФ [1] наделяет его широким кругом прав в стадии предварительного расследования, в том числе правом знать, в чём подозревается или обвиняется несовершеннолетний, присутствовать при предъявлении обвинения, участвовать в допросе, представлять доказательства. Вместе с тем практика обнаруживает коллизию интересов: законный представитель, являясь родителем или иным близким родственником, может быть заинтересован как в ограждении несовершеннолетнего от уголовной ответственности путём воздействия на его показания, так и в преуменьшении роли самого несовершеннолетнего за счёт перекладывания ответственности на соучастников. Механизм отстранения законного представителя, действующего вопреки интересам подзащитного, предусмотрен статьёй 426 УПК РФ [1], однако на практике применяется редко.

В судебном разбирательстве доказывание по делам о преступлениях несовершеннолетних реализуется с учётом дополнительных гарантий, предусмотренных статьёй 429 УПК РФ [1]: суд вправе удалить несовершеннолетнего подсудимого из зала заседания на время исследования обстоятельств, которые могут оказать на него отрицательное воздействие. Данное полномочие сопряжено с процессуальной проблемой: удалённый подсудимый лишается возможности непосредственно воспринимать исследуемые доказательства и реагировать на них, что ограничивает его право на защиту. Сахнова Т. В. и ряд других исследователей полагают, что данная норма нуждается в уточнении с точки зрения закрепления обязанности председательствующего ознакомить несовершеннолетнего с содержанием показаний, данных в его отсутствие [6].

Таким образом, доказывание по делам о преступлениях несовершеннолетних характеризуется расширенным предметом, усиленными процессуальными гарантиями при производстве следственных действий и повышенными требованиями к оценке полученных доказательств. Основные проблемы правоприменительной практики — формализм при исследовании данных о личности, неопределённость процессуального статуса педагога и психолога, коллизии интересов законного представителя — требуют как законодательного уточнения соответствующих норм, так и формирования последовательной судебной практики на уровне разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Обеспечение баланса между задачами уголовного преследования и охраной прав несовершеннолетнего участника процесса остаётся ключевым критерием оценки качества правосудия по данной категории дел.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.
4. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. 175 с.
5. Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М.: Дело, 2000. 272 с.
6. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. 2-е изд. М.: Статут, 2021. 736 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 19 (622) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 20.05.2026. Дата выхода в свет: 27.05.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.